

ЗАКОНЫ РОССИИ

ОПЫТ•АНАЛИЗ•ПРАКТИКА

Ежемесячный правовой журнал

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель: **Н.И. КАПИНУС**

Звоните:
(495) 772-4272

Пишите:
info@bukvoved.ru

Заходите:
www.bukvoved.ru

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в СПС «КонсультантПлюс» и «Гарант».

Статьи, рассылаемые одновременно в несколько журналов, не рассматриваются, а отношения с автором редакция прекращает.

Перепечатка материалов без согласования с редакцией журнала «Законы России: опыт, анализ, практика» не допускается.

Точка зрения авторов может не совпадать с позицией редакции.

ISSN 1992-8041

9 771992 804778

Главный редактор – **Николай Иванович КАПИНУС**,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Афанасьев С.Ф., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, судья в отставке

Буянова М.О., доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента теории права и междотраслевых юридических дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Гаджиев Г.А., судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель юридического факультета и заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского филиала Научного исследовательского университета «Высшая школа экономики», Заслуженный юрист Российской Федерации

Громошина Н.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

Долинская В.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Капинус Н.И., доктор юридических наук, профессор, главный редактор журнала «Законы России: опыт, анализ, практика», Заслуженный юрист Российской Федерации

Кауфман М.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия

Козырин А.Н., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Российского университета дружбы народов

Морозов П.Е., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Расторопов С.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокуроров в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры РФ, старший советник юстиции

Решетникова И.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета, Председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке, Заслуженный юрист Российской Федерации

Россинский Б.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный юрист Российской Федерации

Россинский С.Б., доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук

Серова О.А., доктор юридических наук, профессор, проректор по учебной работе и международной деятельности, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета

Тимошин Н.В., судья, председатель судебного состава Судебной коллегии по уголовным делам, член Президиума Верховного Суда Российской Федерации, Председатель Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации

Тихомиров Ю.А., доктор юридических наук, профессор, заместитель руководителя Центра публичного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Халиулин А.Г., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокуроров в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры РФ, государственный советник юстиции 3 класса, Заслуженный юрист Российской Федерации

Шевченко О.А., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Шепенко Р.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и финансового права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

Шаповалов Ю.Г., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Ялбулганов А.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Яни П.С., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИЯ:

Ирина Александровна Доровских, заместитель главного редактора

Виктория Валерьевна Панарина, редактор

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-24180 от 20.04.06.

Адрес для корреспонденции: а/я 31, г. Москва, 105043. Телефон: 8 (495) 772-4272.

Подписано в печать 29.01.24. Формат 84 × 108 1/16. Заказ № 8. Тираж 1000 экз.

Подписной индекс: 36223.

Отпечатано с предоставленных готовых файлов в полиграфическом центре ФГУП Издательство «Известия» 127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 6. Телефон: (495) 650-38-80. izv-udprf.ru

© «Законы России: опыт, анализ, практика», 2024

ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ

ГЛАВНАЯ ТЕМА	
Сахнова Т.В. О значении принципов гражданского процесса и их воплощении	3
Афанасьев С.Ф., Ермаков А.Н. К вопросу о развитии системы принципов гражданского процессуального права в условиях трансформации законодательства и его правоприменения	8
Туманов Д.А. Несколько слов о смысле гражданского судопроизводства и его принципах	13
Казиханова С.С. Предмет и принципы гражданского процессуального права	22
Громошина Н.А. О некоторых принципах правосудия как связующих элементах судопроизводства и гражданского общества	29
Воронов А.Ф. Приказное производство: если не правосудие, то что это?	34
Терехова Л.А. Реализация принципа доступности правосудия на различных стадиях гражданского судопроизводства	43
Лукьянова И.Н. Право на судебную защиту и право быть выслушанным	48
Решетникова И.В. Многоликая добросовестность в процессуальном праве	54
Аргунов В.В. Непосредственность гражданского процесса – что это?	61
Ионова Д.Ю. К вопросу о некоторых аспектах действия принципа диспозитивности при рассмотрении арбитражными судами корпоративных споров	66
ПРАКТИКА	
<i>Точка зрения</i>	
Бакунин С.Н. Искусственный интеллект в механизме противодействия коррупционному поведению: гражданско-правовой аспект	73
<i>Вниманию законодателя!</i>	
Овсянников И.В. Доследственное производство: проблема защиты прав проверяемого лица	76
<i>Взгляд на проблему</i>	
Утегенов Р.С. Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности	80
NOTA BENE	
<i>Комментарии и толкования</i>	
Росинский Б.В. Управленческая природа административного усмотрения	87
<i>Необходимые пояснения</i>	
Спесивов Н.В. Транспарентность как фактор, обеспечивающий достижение социального назначения уголовного судопроизводства	91
<i>Необходимые пояснения</i>	
Кожинский А.В., Солодов В.В. Научные и правоприменительные вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением антимонопольного законодательства	95
<i>Вблизи и вдали от России</i>	
Гончаренко И.А., Мошин В.А. Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в Республике Беларусь	101
Справочная информация	109
Консультант Главной темы – кандидат юридических наук, доцент Дмитрий Александрович ТУМАНОВ	

ТЕМА СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА:
**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ПРИНУЖДЕНИЕ
В УГОЛОВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

О значении принципов цивилистического процесса и их воплощении

Татьяна Владимировна Сахнова*

Принципы цивилистического процесса – столпы, составляющие стержневую основу онтологии процесса и его конкретного концепта. С одной стороны, они имеют вневременную составляющую, обусловленную сущностью самого феномена цивилистического процесса как рожденного исторической социальной потребностью в *iustitia*, с другой – отражают (предопределяют) принципиальные особенности методологии конкретного типа цивилистического процесса. Первое – базисное и константное, второе – динамичное и меняющееся. И то, и другое – важнейшие критерии как для выстраивания системы принципов, выявления наличия (отсутствия) потребности в ее изменении, так и для определения не только общих направлений законодательного реформирования, но и уместности частных законодательных новелл для решения тех или иных актуальных задач.

Все эти многообразные смыслы и значения принципов многократно возрастают в эпоху кардинальных общественных перемен, что обусловлено стабилизирующей функцией права в целом и цивилистического процессуального права в особенности как системообразующего фактора в национальной системе права.

Принципы цивилистического процесса суть отражение в концентрированном виде ценностных ориентиров права – имея в виду не любые меняющиеся общественные реалии, но обусловленные онтологическими причинами эволюции данного правового явления. В этом смысле принципы в известной мере статичны – при том, что правовые средства и методы их реализации могут меняться в различном сочетании частноправовых и публично-правовых элементов. Современная эпоха реформируемого цивилистического процесса в разных странах подтверждает, думаем, данный тезис.

Одновременно в доктрине в разное время предпринимались попытки иного взгляда на систему принципов – как меняющуюся доминанту права, которая не производна от концепта процесса, но сама способна его изменить. Отметим также отсутствие единства в понимании количественного и качественного набора элементов системы принципов цивилистического процесса. Это наблюдалось в XX в., продолжается и сейчас.

Так, в фундаментальном Курсе советского гражданского процессуального права в числе принципов, закрепленных в отраслевом законодательстве о судопроизводстве, указывается *принцип процессуального равноправия сторон в условиях состязательной формы судопроизводства*¹. Бытовало и

* Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса Сибирского федерального университета.

¹ См.: Курс советского гражданского процессуального права: в 2 томах / отв. ред. А.А. Мельников. Том первый. М.:

противоположное суждение – о наличии принципа состязательности при равноправии сторон². Конституция РФ 1993 г. в ч. 2 ст. 123, без сомнения, подтвердила самостоятельность двух принципов: принципа равноправия сторон и принципа состязательности, что, безусловно, корреспондирует сущности цивилистического процесса. Или: доступность правосудия, прямо не находящая нормативного выражения, нередко постулируется как принцип правосудия, что имеет давнюю традицию. Однако, на наш взгляд, доступность правосудия – не синоним всеобщности права на судебную защиту (ч. 1 ст. 46 Конституции РФ) и может быть рассматриваема в контексте гарантий последнего. Однако, полагаем, целостной системы таких гарантий действующее процессуальное законодательство пока не содержит. Более того, некоторые современные направления реформирования процессуального права в данном контексте внутренне противоречивы. Например, вторжение цифровых процедур в судебный процесс и развитие обязательных, императивных процедур упрощенного производства могут, с одной стороны, облегчать доступ к судебной защите, но также одновременно – и затруднять реализацию права на судебную защиту, ибо связаны с физическими возможностями воспользоваться цифровыми благами или грамотно распорядиться письменным обоснованием своих притязаний. Любые частные – по отношению к общей цивилистической процессуальной форме – судебные процедуры должны использоваться при выраженном свободном волеизъявлении на то заинтересованных лиц. Это обусловлено сущностью судебной защиты, понимаемой как *iustitia*, и ее принципов.

Нередки попытки формулирования принципов на основе антиномии – из числа наиболее часто встречающихся назовем выделяемый принцип сочетания единоличного и коллегиального начал судопроизводства. Такой подход представляется методологически ошибочным в силу самой природы принципа как определенного основополагающего начала, пронизывающего и связывающего между собой институты и процедуры данной отрасли права. Формулирование принципа на основе двух взаимоисключающих начал противоречит по-

ниманию принципа права. Кстати, в гражданском процессе в суде первой инстанции только для одной категории дел предусмотрено коллегиальное рассмотрение. Единоличное или коллегиальное (в предусмотренных законом случаях) рассмотрение дел не образует принципа, но может быть определяемо в числе методов процедуры рассмотрения конкретной категории дел.

Наиболее многострадален, как нам доводилось уже отмечать, принцип истины в цивилистическом процессе, который в новом времени процессуальная доктрина то стремилась конкретизировать определением – объективная, судебная, формальная, то вовсе исключала из числа принципов, то – по истечении некоторого времени – пыталась вернуть в систему принципов цивилистического процесса. В очередной раз вспоминается эмоциональный пассаж блистательного Т.М. Яблочкова: «Странную судьбу терпит этот пасынок процессуальной науки!»³. В этой связи хотелось бы обратить внимание на следующее. Во-первых, наделение категории *истина* определениями (*объективная, судебная, формальная*) не имеет в настоящее время квалифицирующего значения. В свое время термин «материальная истина» родился в противовес теории формальных доказательств, юридическая сила которых предопределялась нормативно, а свободная оценка доказательств судом отсутствовала. В конце XIX в. в континентальном процессе сформировалась новая парадигма судебного доказывания, и «материальная истина» вкупе со свободной оценкой судебных доказательств встала в центре ее. Во-вторых, истина – как и справедливость – имманентна правосудию, его не только целям, но и методам. Этот постулат остается неизменным – при том, что в разные исторические периоды развития национального процесса законодательные средства и способы его воплощения, выражаемые в соотношении частноправовых и публично-правовых начал, различаются, что полагаем естественным и обусловленным определенным уровнем развития общественных отношений и приоритетностью задач, решаемых обществом и государством на том или ином этапе. Заметим, что нередко критика исходила из отождествления сущности принципа и методов его реализации. В этом отношении показательны дискуссии об истине, активности суда, состязательности и их со-

Наука, 1981. С. 163 [автор главы – В.В. Семенов].

² Например: Хутиз М.Х. Закрепление принципов гражданского процессуального права в Основах гражданского судопроизводства // Хутиз М.Х. Научное наследие. Краснодар, 2003. С. 75.

³ Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса. М., 1914. С. 20.

отношении друг с другом. Порой эти категории неосновательно противопоставлялись друг другу⁴. Однако, на наш взгляд, активность суда и состязательность – методологически различные ипостаси взаимодействия суда и сторон в процессе. Вспомним, в странах с публично-правовым концептом цивилистического процесса (немецко-австрийский тип процесса) активность суда приветствуется законодательно, истина рассматривается в контексте целей процесса, но состязательное начало процесса и в таком случае не вызывает никаких сомнений. Как самостоятельный принцип активность суда была свойственна публично-правовому концепту цивилистического процесса, и сейчас развивающегося в контексте идей социального процесса. Напротив, Россия, начиная с Устава гражданского судопроизводства, развивала иной взгляд на цивилистический процесс, отталкиваясь, скорее, от романской теории либерального процесса, ставившего во главу субъективное волеизъявление, а целью – защиту субъективных прав и законных интересов. Но и по сей день, в ходе реформирования процессуального права в XXI в., актуальными остаются проблемы определения и соотношения целей процесса, функций суда и сторон, методов процесса, частного и публичного в процессе⁵.

В названном контексте нельзя не отметить еще один принципиальный, на наш взгляд, аспект: возможна ли дивергенция принципов, их заимствование из других национальных систем? Такие попытки в доктрине предпринимались и в XX в., и в XXI в. Самые характерные примеры: принцип процессуальной экономии, принцип концентрации, принцип кооперации, право быть заслушанным. Свое суждение на этот счет нами ранее было высказано⁶, не изменилось оно и сейчас. Именно:

⁴ См. у автора об этом, например: *Сахнова Т.В.* Курс гражданского процесса. 2-е изд. М.: Статут, 2014. С. 153–161; *Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / под ред. П.В. Крашенинникова. Т. 1. М.: Статут, 2020. С. 74–76 [автор главы – Т.В. Сахнова].*

⁵ См., например: *Узелах Алан.* Основной доклад // *Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст. Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права. 18–21 сентября 2012 г., Москва. М.: Статут, 2012. С. 147–148 и след.; Коллер Кристиан.* Австрийский национальный доклад // Там же. С. 170, 181–183; *Кендель Миклош.* Венгерский национальный доклад // Там же. 223–224.

⁶ См.: *Сахнова Т.В.* О принципах цивилистического процесса (в контексте «европеизации» процессуального права) // *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2009–2010. № 7–8 / под ред. В.В. Яркова. СПб., 2011. С. 44–53.*

когда скоро принцип – не формальная, но сущностная составляющая юридического бытия цивилистического процесса, она не может не быть связана с общим концептом процесса. В континентальном процессе сложились, как известно, два типа цивилистического процесса: процедурный (романский) и институциональный (немецко-австрийский). Первый основан на приоритете частноправового волеизъявления (либеральная теория права, приоритет прав и свобод), второй – на приоритете соотношения волеизъявлений в правоотношении (социальная теория, приоритет публично-правового в цели и методах). Эти два концепта отражают различный универсум рецепции римского процесса; они стали основой национальных систем процессуального права многих неевропейских стран. Принципы отражают в себе – «в снятом виде» – сочетание частного и публичного в онтологии национального процесса. Реформы XXI в. в разных странах подтвердили общую закономерность: осознание общности задач процесса не ведет к обезличиванию национального концепта, напротив, он становится более зримым – через те преимущественные методы, которыми решаются, в том числе, и общие задачи. Наглядны в этом отношении примеры Франции и Германии относительно способов воплощения и методов законодательного регулирования примирительных процедур, реализации социальных целей правосудия. Принципы процессуальной экономии, активности суда, концентрации, кооперации – традиция немецко-австрийского публично-правового концепта цивилистического процесса, базирующегося на идеях социального процесса Франца Кляйна, которые и сегодня являются знаменем процессуальных реформ⁷, но который русским процессом воспринят не был. Напротив, для процедурного процесса Франции характерно преобладание частноправового начала в методах процесса, развитие процессуального сотрудничества суда и сторон как движущего начала, принцип примирительных процедур.

Принципы – стабилизирующие начала права, но также несущие в себе потенциал процедурного развития. В утверждаемом нет противоречия. Важно понимать их объективное основание, кроющееся в общественных отношениях, регулируемых данной отраслью права, принципы формулируются законодателем, но не создаются его субъективным

⁷ См., например: *Rechberger W.H.* Social civil proceeding. The concept of the Austrian civil procedural law according to Franz Klein // *Teise / Law. 2007. Vol. 65.*

усмотрением. Одновременно принципы – идеологическая категория, отражающая отношение людей к определенным социальным ценностям.

Поэтому, думаем, нельзя просто предложить изменить принцип или заменить один принцип на другой, даже если имеется определенная тенденция в развитии практики. Например, в начале XXI в. было замечено, что большинство исковых дел в судах европейских стран выигрывается истцами; что они, по общему правилу, добросовестны, а иски – обоснованны. Поэтому, почему бы не подумать над тем, чтобы изменить принцип доказывания и перенести бремя доказывания с истца на ответчика?⁸ Законодательным примером приводился институт *Mahnverfahren* в Германии (§ 688, § 700 ZPO). Точного аналога в отечественной процессуальной терминологии этому названию нет; иногда переводят его как «приказное производство», что крайне неточно. Действительно, в *Mahnverfahren* не утверждающий о своем праве, но возражающий против него должен доказать свое возражение. Однако никакого изменения парадигмы процесса или принципа доказывания, известного с римских времен и сопряженного с принципом состязательности гражданского процесса, – *доказывает утверждающий и не доказывает отрицающий* – не происходит и в приведенном случае. Дело в том, что, в отличие от отечественного приказного производства, вынесенного за скобки процессуальной формы и являющего собой судебное обеспечение реализации бесспорного субъективного права, институт *Mahnverfahren* вписан в общую процессуальную форму особым способом: это предпроцесс, процедура, законодательно предшествующая исковому производству. Если должник в этой процедуре заявит возражения против требования кредитора, поданного как бесспорное, то именно он становится в положение истца, имеющего право подать иск. И уже далее, в рамках обычного искового производства, будет обязан доказать утверждаемые им в основание иска факты – в полном соответствии с исторически выработанным и универсальным принципом доказывания – *ei incumbit probatio qui dicit*.

Кстати, заметим «на полях»: когда законодатель отступает от общего концепта процесса в частностях, это может повлечь серьезные нега-

тивные последствия для механизма судебной защиты в целом. Так, ошибочная, на наш взгляд, новелла 2016 г. в виде п. 1¹ ч. 1 ст. 135 ГПК, п. 2¹ ч. 1 ст. 129 АПК (о возвращении искового заявления, если требования подлежат рассмотрению в порядке приказного производства) заставляет толковать приказное производство как конкурентную по отношению к общей гражданско-процессуальной форме процедуру. А ведь это не так и невозможно по определению: приказное производство – не процессуальная процедура; ею не может быть подменено и тем более ограничено право на судебную защиту в процессуальной форме. Это первое. И второе: отечественный концепт гражданского процесса, начиная с Устава гражданского судопроизводства, строился на заинтересованности самого обращающегося в суд как юридическом факте для возбуждения судебного процесса. Подобное противоречие в частном, казалось бы, вопросе способно исказить сущность таких основополагающих принципов процесса, как состязательность, равноправие сторон, диспозитивность.

Принципы – творящие начала концепта процесса, но одновременно ему и подчиненные в своем последующем развитии, как и конкретные процедуры, воплощаемые процессуальным законодательством.

Гражданско-процессуальный процесс – социальный феномен, сотворенный собственной многовековой эволюцией. Его закономерности и основные постулаты, в числе которых принципы первейшие, – не умоуловимое создание законодателя, но объективное творение, преломляемое через законодательное осознание актуальных социальных потребностей и задач. Принципы выражают не сиюминутное, но сущностное и одновременно перспективное, способное обеспечивать движение в будущее. Принципы никогда полностью не могут быть реализованы в настоящем, они должны иметь простор для развития системы права, но при этом быть связанными с реальными правоотношениями, иначе утратят свое регулирующее свойство. Вектор движения, бесспорно, связан с актуальностью осознаваемых обществом и государством на данном историческом этапе целей и задач, но формирование принципа и системы принципов невозможно вне онтологии гражданского процесса. Принципы в наиболее обобщенной форме выражают преимущественное соотношение в системе методов правового регулирования «частноправовое – публично-правовое». И это преимущественное соотношение вове-

⁸ Storme M. Tomorrow's civil trial // The recent tendencies of development in civil procedure law – between East and West: Intern.conf.to celebr.the 100-th anniv.of the birth of prof. J. Zeruolis. Vilnius, 2007. P. 16 ff.

реализуется через конкретику законодательных средств и способов, используемых в той или иной процедуре или институте. Формула «концепт – принцип – методология – методы» не иерархична, но горизонтальна; она может быть положена в основу внутренней гармонизации цивилистического процесса.

Особо хотелось бы подчеркнуть значение принципов для будущего развития цивилистического процесса как системообразующего фактора национальной системы права. На наш взгляд, мы находимся внутри начавшегося процесса выхода процессуального закона в контекстуальное пространство, что связано со стремлением преодолеть догматический взгляд на право и обусловлено естественной эволюцией цивилистического процесса. Один из самых наглядных примеров тому – судебные и несудебные примирительные процедуры. Принципы цивилистического процесса, сохраняя свою ипостась процессуального принципа, распространяют «методологический ореол» и дают внутренний стимул развития явлениям, которые могут иметь собственное и даже обособленное от права практическое бытие. И, напротив, из такого контекстуального пространства могут быть почерпнуты для процесса новые юридические методы – как, например, соглашения суда и сторон относительно течения судебных процедур; особенно полагаем это актуальным для частных – относительно общей цивилистической процессуальной формы – процедур. Это способно в будущем составить фундамент формирования новых для нашего цивилистического процесса принципов.

...Принципы цивилистического процесса рождены его практикой и свою юридическую ипостась обрели вместе и одновременно с *iustitia*; принципы вели процесс и одновременно были им ведомы; они всегда демонстрировали свою неразрывную связь с сущностью и формой бытия цивилистического процесса, но также обеспечивали его юридичность в реалиях порой кардинально меняющихся времен; и – удивительное свойство! – оставаясь опорой вневременным ценностям про-

цесса, они всегда давали простор будущему, даже и за пределом своего юридического воплощения.

В этом, думаем, и состоит неисчерпаемость феномена принципов цивилистического процесса.

Библиографический список

1. Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / под ред. П.В. Крашенинникова. Т. 1. М.: Статут, 2020.
2. Кендель Миклош. Венгерский национальный доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст. Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права. 18–21 сентября 2012 г., Москва. М.: Статут, 2012.
3. Коллер Кристиан. Австрийский национальный доклад, включающий дополнительную информацию о Германии // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст. Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права. 18–21 сентября 2012 г., Москва. М.: Статут, 2012.
4. Курс советского гражданского процессуального права: в 2 томах / отв. ред. А.А. Мельников. Том первый. М.: Наука, 1981.
5. Сахнова Т.В. О принципах цивилистического процесса (в контексте «европеизации» процессуального права) // Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2009–2010. № 7–8 / под ред. В.В. Яркова. СПб., 2011.
6. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд. М.: Статут, 2014.
7. Узелач Алан. Основной доклад // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст. Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права. 18–21 сентября 2012 г., Москва. М.: Статут, 2012.
8. Хутыз М.Х. Закрепление принципов гражданского процессуального права в Основах гражданского судопроизводства // Хутыз М.Х. Научное наследие. Краснодар, 2003.
9. Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса. М., 1914.
10. Rechberger W.H. Social civil proceeding. The concept of the Austrian civil procedural law according to Franz Klein // Teise / Law. 2007. Vol. 65.
11. Storme M. Tomorrow's civil trial // The recent tendencies of development in civil procedure law – between East and West: Intern.conf. to celebr.the 100-th anniv.of the birth of prof. J. Zeruolis. Vilnius, 2007.

К вопросу о развитии системы принципов цивилистического процессуального права в условиях трансформации законодательства и его правоприменения

Сергей Федорович Афанасьев*, Александр Николаевич Ермаков**

Судебная защита немыслима без четко установленных базовых нормативных начал, пронизывающих весь механизм правового регулирования общественных отношений в сфере осуществления правосудия по гражданским и административным делам. Значение принципов многогранно: они призваны обеспечивать баланс частных и публичных интересов; содействовать в достижении целей и задач судопроизводства; выступать основными ориентирами для законодателя и правоприменителя; помогать в толковании норм права и др.¹

Представляется, что принципы, будучи «несущими конструкциями» каркаса судебной защиты, содержат в концентрированном виде все ее ключевые гарантии. «Самый идеальный судья не в состоянии постановить, при всем своем желании, справедливого решения, если у него связаны руки нецелесообразными правилами производства, препятствующими ему раскрыть истину», – так писал, рассуждая об основных началах гражданского процесса, Е.В. Васьковский. При этом он верно указывал, что «деятельность судов должна быть поставлена в определенные рамки, ей должны быть предписаны определенные формы, которые, гарантируя наилучшим образом правильное раз-

решение дел, давали бы в то же время возможность контролировать действия судей»².

Такова и в настоящее время роль принципов – гарантировать эффективную защиту нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов в случае инициирования судебной деятельности. Принципы обеспечивают не только и не столько саму возможность прибегнуть к помощи государства в вопросе разрешения правового спора (многие ли принципы обнаруживаются в рамках приказного производства?). Они воплощают в себе сакральный смысл самой судебной защиты, ее социальную функцию и ценность, объект особых ожиданий граждан, их надежд на восстановление в правах. С учетом такого понимания система принципов видится глобальной, сложной и относительно незыблемой структурой, лишь иногда со временем подверженной некоторым количественным и качественным преобразованиям, но все же остающейся константной по своей сути, по своему предназначению. Как правильно отмечает А.Ф. Воронов, принципы права должны обладать «повышенной стабильностью по сравнению с другими нормами, а возможные колебания могут касаться только количества и качества исключений из принципа, но не перехода одного принципа в противоположный»³.

Содержание отдельных принципов, которые традиционно занимают отдельное самостоятельное место во всяком научном знании, приковывает к себе повышенное внимание главным образом

* Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, заведующий сектором теории и отраслевых проблем правовой политики Саратовского филиала Института государства и права РАН.

** Кандидат юридических наук, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии.

¹ См.: Туманов Д.А. О некоторых современных тенденциях правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 8. С. 19–20.

² Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016. С. 334.

³ См.: Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М., 2007. С. 26–41.

при внесении в законодательство каких-либо значимых новаций, существенно трансформирующих стандартную и давно привычную процессуальную парадигму⁴ (ярким примером этого является включение в АПК РФ, а позже в КАС РФ и ГПК РФ упрощенного производства).

Сказанное имеет особое значение в условиях динамических изменений современного цивилистического процессуального законодательства, что объясняется целым рядом факторов. Причем в настоящее время одной из узловых детерминант, воздействующих на всю совокупность принципов, бесспорно, является цифровизация судебного производства, под которой в самых магистральных чертах принято понимать внедрение в судебную деятельность различных электронных средств и ресурсов, ориентированных на повышение доступности правосудия для заинтересованных лиц и его транспарентности, снижение общей нагрузки на судейский корпус, и в конечном итоге – обеспечение результативности принудительной юрисдикционной защиты⁵.

В целом цифровизация направлена на упрощение реализации судебной защиты на всех ее этапах: от подачи искового заявления до исполнения судебных актов. Но поскольку использование электронных средств и ресурсов, как всякое материальное благо, сопровождается дополнительными финансовыми, организационными, образовательными, а также иными затратами и вложениями, цифровизация, по меньшей мере в обозримом будущем, будет являться лишь субсидиарным инструментом судебного процесса. Не случайно многие элементы электронного правосудия закреплены в законодательстве как вариативные: например, обращение в суд с документами возможно как на бумажном носителе, так и в электронном виде. Сама по себе цифровая технология не лишает и не ограничивает участников судебного производства в правах. Даже в случае частичной замены искусственным интеллектом судьи, без которого в настоящее время немислимо отправление правосудия, должна обеспечиваться возможность проверки и обжалования сгенерированного программой судебного акта (этой цели служит на-

чало пользовательского контроля⁶ – один из новых принципов, который с учетом текущего положения дел в отечественном судопроизводстве пока не может претендовать на универсальный характер, но, принимая во внимание мировые реалии, ситуация может достаточно оперативно поменяться⁷).

Вместе с тем цифровизация судебной деятельности, будучи основным, но все же не единственным вектором актуальной правовой политики в сфере осуществления правосудия, не исчерпывает всего многообразия факторов, обуславливающих трансформацию содержания принципов. Последовательное развитие анализируемых общественных отношений не исключает потенциального реформирования идеи количественного состава принципов и их внутреннего наполнения.

В научной литературе аксиоматично понимание принципов как своеобразных маяков правотворческой деятельности⁸. Любые законодательные новшества так или иначе должны быть материализованы в строгом соответствии с основными гарантиями судебной защиты. Не только буква закона, но и его дух создают тот самый «правовой люфт», допустимые рамки законодательной конструкции, неудачное пересечение которых может ставить под сомнение само существование гарантий судебной защиты⁹. Нередко такие рамки обусловлены различными, а иногда полярными установками (например, доступность судебной защиты – предупреждение необоснованных правопритязаний, а равно злоупотреблений), которые провоцируют поиск золотой середины в решении многих проблемных вопросов.

⁶ См.: Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях 2018 г. (принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП) // <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата доступа: 25.12.2023).

⁷ Следует отметить, что Китай в августе 2023 г. ввел в действие «Временные правила по управлению службами генеративного искусственного интеллекта» // http://www.sac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата доступа: 25.12.2023); в декабре того же года Европарламент и Совет Европейского союза предварительно согласовали основные положения проекта закона «Об искусственном интеллекте» // [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698792/EPRS_BRI\(2021\)698792_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2021/698792/EPRS_BRI(2021)698792_EN.pdf) (дата доступа: 25.12.2023).

⁸ См.: Бошно С.В. Принципы права: понятие, их классификация // Право и современные государства. 2019. № 4. С. 53–59.

⁹ См. подробнее: Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: М., 2010.

⁴ См.: Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 4. С. 5–11.

⁵ См.: Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 97–104.

Право на судебную защиту, как подчеркивает Конституционный Суд РФ, не подлежит ограничению¹⁰, а особые требования к осуществлению процессуальных прав и обязанностей допустимы только при условии, если они продиктованы конституционно значимыми целями. Тезис об уникальном концепте права на судебную защиту приводит к осознанию того, что принципы – это жизненно необходимые нормативные положения, далекие от тривиальности с точки зрения самой сути судебной защиты. Они являются глобальными и всеохватывающими постулатами, пронизывающими всю (или почти всю) материю правового регулирования. По этой причине вполне логичными и закономерными выглядят законодательные новеллы, посредством которых упраздняются принципы не отрасли права, но отдельных правовых институтов (прежде всего речь идет о начале непрерывности судебного разбирательства). Наряду с этим не только точечные изменения норм права, но и правки, вызванные претворением в реальность основных направлений реформирования процессуального законодательства, такие как упрощение, ускорение, специализация и др., также должны исходить из системы наличествующих отраслевых принципов.

Известно, что одной из наиболее явных тенденций последних лет стало упрощение цивилистической процессуальной формы¹¹. Хотя эта линия реформирования проявляет себя далеко не единообразно в различных видах судебных производств, означенных в Основном законе страны, тем не менее, она довольно иллюстративна. В частности, ее видимым воплощением можно признать упрощенное производство, в котором отсутствует судебное заседание, что, как представляется, лишает заинтересованных лиц потенциала устно выступить в суде, дать пояснения, задать вопросы, а самое главное – убедиться в том, что орган правосудия правильно воспринял существо материально-правовых требований истца или возражений ответчика.

¹⁰ См. например: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2021 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В.В. Сторублевцева» // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Филченко И.Г. Упрощение гражданского судопроизводства: понятие и условия // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 85–91.

Синхронно отсутствие судебного заседания позволительно расценивать как частичную элиминацию из принципа «право быть выслушанным и быть услышанным», который с доктринальных позиций одним из первых обосновал В.М. Шерстюк¹². Упрощенное производство преобразует суть названного принципа, а также нивелирует начало сочетания устности и письменности (согласно ст. 232⁵ ГПК РФ и ст. 228 АПК РФ разбирательство дела происходит без вызова сторон, при этом *de facto* они лишены права высказать собственное мнение и повлиять на выбор процессуальной формы, в отличие от административного судопроизводства).

Впрочем, правило об исключительно письменном характере упрощенного производства, как отметил Верховный Суд РФ, все же имеет ряд изъятий. Так, при позитивном окончании примирительной процедуры судья должен назначить заседание, что сопровождается вызовом участвующих в деле лиц, для изучения допустимости утверждения мирового соглашения. Кроме того, возможностью вызвать стороны в судебное заседание отличается апелляционный пересмотр актов, не вступивших в законную силу, постановленных по итогам упрощенного производства¹³.

В связи с этим зададимся одним значимым вопросом: есть ли основание полагать, что с введением упрощенного производства произошли кардинальные перемены в системе отраслевых принципов? Думается, да, в той части, в которой стороны не могут лично и непосредственно коммуницировать с судом, – безразлично, идет ли речь о традиционном или дистанционном формате такой коммуникации, – что особенно важно в делах с участием физических лиц. При этом осложняет понимание логики законодателя его подход к определению критериев дел упрощенного производства (особенно в аспекте повышения порога сумм денежных требований). К примеру, если для бесспорных, или, точнее сказать, квазибесспорных притязаний сам по себе письменный порядок довольно удачно вписывается в существующую

¹² См.: Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М., 2004. С. 57–63.

¹³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ об упрощенном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

процессуальную форму, то денежный ценз спорных требований, в отсутствие прочих условий *pro forma*, является дискуссионным (по крайней мере, для дел искового характера).

Думается, что целевая установка, достигаемая данными новациями, не сбережение и повышение уровня процессуальных гарантий для сторон, а снижение нагрузки на судей, а также процессуальная экономия, которая нередко возводится в ранг принципа.

Между тем отказ от реализации общепринятого спектра процессуальных гарантий участников процесса породил бы невозможность достижения иной, а именно важнейшей цели – полного и всестороннего рассмотрения дела *ad rem*. Ввиду этого в рамках упрощенного производства санкционируется не только проведение судебного заседания, но и сохраняется вероятность перехода к разрешению дела по общим правилам искового производства при наличии определенных обстоятельств. Такая процессуальная транзитивность представляет собой дополнительную гарантию судебной защиты, поскольку имеет место синтезированное проявление состязательности и равноправия, диспозитивности и императивности, а равно ряда иных ключевых начал, что создает благоприятную почву для эффективного достижения целевых директив, зафиксированных в общей части кодифицированных нормативных правовых актов.

Таким образом, с учетом приведенных выше примеров можно констатировать, что сама по себе трансформация цивилистической процессуальной формы рассмотрения дела – будь то переход от одного вида судебного производства к другому или же использование элементов процессуальной формы, несвойственных тому порядку, в рамках которого орган правосудия рассматривает дело, – есть нечто большее, чем просто формальная юридическая конструкция, содержащая вариативные модели функционирования участников судебного процесса.

В то же время представляется, что не все законодательные конструкции в должной степени обеспечивают реализацию принципов цивилистического процессуального права. Ярким свидетельством этого служит производство по административным делам в порядке гл. 21 КАС РФ, в частности норма, содержащаяся в ч. 9 ст. 208 КАС РФ. *De jure* она воспрещает лицу, который не соответствует установленному законом профессиональному цензу, лично отстаивать в суде собственные требова-

ния об оспаривании нормативного правового акта и о признании такого акта недействующим (любопытно, что подобный запрет отсутствует в гл. 23 АПК РФ).

По всей вероятности, формулируя нормы об особенностях личного участия в деле, отечественный законодатель исходил не из идеи процессуального сотрудничества¹⁴, а из приоритета правовой экономии. Последняя имплицитно подразумевает, что гражданин в силу отсутствия у него нужных юридических знаний не может каким-либо образом способствовать суду в рассмотрении спора по существу. На дозволенность ограничения процессуальных прав по названной категории дел неоднократно указывал в своих актах Конституционный Суд РФ, фокусируя взгляд правоприменителя на специфике нормоконтроля¹⁵. Как следствие сегодня единственная альтернатива личного участия гражданина в рассмотрении и разрешении дела судом – это возможность вести дело опосредованно, т.е. через представителя.

При этом представительство, если его анализировать сквозь призму отраслевых принципов (например, доступности судебной защиты, права быть выслушанным и услышанным, состязательности и др.), в отношении дел о нормоконтроле законодательно всецело не обеспечено. Объясняется это тем, что участие гражданина в деле через представителя сопряжено со значительными судебными издержками, которые не просто суммируются с государственной пошлиной, но могут представлять собой достаточно серьезное финансовое обременение. Более того, в контексте обязательного ведения дела посредством представителя было бы целесообразно закрепить в КАС РФ процессуальные инструменты, связанные с назначением представителя судом или получением какой-либо иной квалифицированной юридической помощи.

Интересно, что несколько иной законодательный подход, касающийся института представительства, как дополнительного элемента всего комплекса гарантий права на судебную защиту и ее доступности, можно наблюдать в правовых позициях высших органов правосудия по поводу арбитражного судопроизводства. Выводы Конститу-

¹⁴ См.: *Логинова Д.А.* Идея сотрудничества: понятие и место в системе гражданского процессуального права // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2022. № 9. С. 45–49.

¹⁵ См. например: определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 444-О // СПС «КонсультантПлюс».

ционного Суда РФ¹⁶, позже отраженные Верховным Судом РФ в своем постановлении Пленума¹⁷, по сути, расширили понимание норм АПК РФ о представительстве через такие гарантии.

Все изложенное приводит к выводу о том, что любые законодательные изменения должны отталкиваться от наличествующей и давно апробированной системы принципов, которые представляют собой незыблемые, прямо закрепленные в нормах права или по смыслу выводимые из них установления, наиболее действенно обеспечивающие судебную защиту по конкретным гражданским и административным делам, что, в свою очередь, способствует поддержке общего социального порядка.

Данный вывод видится важным и своевременным, особенно в условиях быстро меняющихся общественных, экономических, идеологических и правовых основ государства, а также претворения в жизнь стержневых тенденций правотворческой деятельности, будь то цифровизация судопроизводства, его диверсификация за счет упрощения и

ускорения, вариативность цивилистической процессуальной формы и многое другое.

Библиографический список

1. Бошно С.В. Принципы права: понятие, их классификация // Право и современные государства. 2019. № 4.
2. Брянцева О.В., Солдаткина О.Л. Электронное правосудие в России: проблемы и пути решения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12.
3. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М., 2016.
4. Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М., 2007.
5. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: М., 2010.
6. Логинова Д.А. Идея сотрудничества: понятие и место в системе гражданского процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 9.
7. Сидоркин А.С. Принципы права: понятие и роль в правовом регулировании // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2009. № 4.
8. Туманов Д.А. О некоторых современных тенденциях правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 8.
9. Фильченко И.Г. Упрощение гражданского судопроизводства: понятие и условия // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2018. № 3.
10. Шерстюк В.М. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М., 2004.

¹⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К.В. Бударина» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // СПС «КонсультантПлюс».

Несколько слов о смысле гражданского судопроизводства и его принципах

Дмитрий Александрович Туманов*

В настоящее время прослеживается отчетливая тенденция поиска новых смыслов у давно известных феноменов. Не избежали этой участи и правовые феномены.

Конечно же, правовые феномены, как и многие другие, подвержены изменениям, что в таких случаях может предопределять поиск их новых (измененных) смыслов. Вполне возможна ситуация, когда смысл феномена изначально был определен неправильно. В связи с этим, разумеется, требуется исправлять ошибку и обнаруживать правильный смысл. Но бывает и так, что отдельные исследователи не понимают истинного смысла феномена, несмотря на то, что он уже определен, и на этом основании продолжают поиски, что в конечном итоге порой приводит к тому, что смыслом они называют то, что таковым, очевидно, не является.

Как известно, право регулирует общественные отношения. Посредством претворения его предписаний в жизнь происходит реализация различного рода интересов участников общественной жизни. Абсолютно у каждого из правовых феноменов имеется свой смысл. В свою очередь ошибки в понимании правовых феноменов могут повлечь неправильное их применение, что затруднит или даже сделает невозможной реализацию интересов, для которых эти феномены существуют.

Слово «смысл» многозначно. Часто под ним понимают внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом, его разумное основание, назначение, цель¹.

Соответственно, поскольку магистральной целью (задачей) гражданского судопроизводства в

настоящее время провозглашена защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов различных субъектов права (ст. 2 ГПК РФ), то смыслом его следует считать собственно обеспечение такой защиты.

Тем не менее нередко отдельные авторы предлагают новые цели судопроизводства и сообразно им или даже автономно от них также и его новые смыслы.

Так, в частности, по мнению С.Л. Дегтярева, основополагающей целью судебной власти является устранение правовых конфликтов в обществе. Соответствующие этой цели задачи указанный автор отождествляет с задачами судопроизводства². А.М. Нехороших считает, что конечная цель правосудия состоит в поддержании правопорядка путем применения охранительных норм права, а конечная цель судопроизводства заключается в достижении истины по делу путем установления действительного правоотношения между сторонами для правильного применения охранительных норм права³. В свою очередь, М.М. Ненашев утверждает, что защита прав и интересов – это вообще побочный эффект разрешения судом споров о праве, который может наступить или не наступить⁴. В ли-

² См.: Дегтярев С. Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2007.

³ См.: Нехороших А.М. К вопросу о конечной цели цивилистического процесса // Тенденции развития цивилистического процессуального законодательства и судопроизводства в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф. И.М. Зайцева (29 октября 2009 г.) / отв. ред. А. И. Зайцев. Саратов, 2009. С. 341 / приводится по: Курочкин С.А. К вопросу о цели гражданского процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 6. С. 6–12.

⁴ Обсуждение автореферата диссертации С.Л. Дегтярева «Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы» // <http://forum.yurclub.ru/index.php?showtopic=193888>.

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

¹ См.: Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

тературе можно встретить и иные подходы к определению целей судопроизводства, в том числе и предложения вернуться к позиции некоторых до-революционных авторов, согласно которой магистральной целью судебного разбирательства является водворение спокойствия в правоотношениях.

В качестве новых смыслов гражданского судопроизводства иногда предлагаются правовая (судебная) коммуникация или (и) фиксация и исследование личного опыта отдельных лиц и его трансформация в общий – общественный опыт.

Наконец, иногда утверждают, что насущно необходимо новое правосудие, которым будет замещено традиционное. В частности, на роль такого заместителя предлагается так называемое электронное правосудие.

В настоящее время практически общепризнано положение, что основой судопроизводства и даже правосудия является процессуальная форма, хотя единообразие в ее понимании также отсутствует. При этом отстаиваемый некоторыми исследователями, включая автора этих строк, подход к процессуальной форме как к системе гарантий, обеспечивающей защиту прав и интересов, необходимым, существенным признаком которой служит особая система принципов судопроизводства⁵, подчас объявляют неактуальным.

Роли, которые суды играли в обществе в разные исторические периоды, неодинаковы. В частности, благодаря существованию суда уменьшалась вероятность саморасправы, укреплялась публичная власть, происходило содействие примирению спорящих, совершалось развитие, а нередко и открытие права, в правоотношения вносилась определенность. Однако, вне зависимости от этого, в суд обращались именно с целью защиты различного рода интересов. Так, когда в Риме суды открывали право, это, конечно же, происходило в результате иска, т.е. требования тех или иных лиц о защите их интересов. Даже если решения судов не были обязательными, а обращение в суд не исключало, а лишь минимизировало саморасправу, обращение к нему, а также вступление в процесс были связаны с желанием обеспечить, реализовать, а значит, за-

щитить интерес, который лицо считало нарушенным, и обезопасить себя и свой род от физической расправы.

В настоящее время цель, для достижения которой обращаются в суд (а также вступают в процесс в качестве ответчика и иных лиц, участвующих в деле), и определенная законом магистральная цель судопроизводства – совпадают⁶.

При этом трудно найти причину, по которой указанное положение вещей нуждалось бы в радикальном изменении. Непонятно, в чем польза иных предлагаемых в качестве основных целей судопроизводства, в частности такой, как разрешение спора судом, – вне акцента на том, что спор разрешается для защиты прав и интересов. Предположив, что основная цель – это разрешение спора, мы первым делом обнаружим, что совершенно не ясно, что представляет собой такое разрешение и когда именно спор будет считаться разрешенным. Чисто гипотетически государство попросту может тем или иным образом поставить в правовом споре точку, так и не допустив обращения к судам, или допустить обращение к некоему учреждению под названием «суд», чья деятельность не обеспечена никакими гарантиями, и объявить результат его деятельности разрешением спора. Наконец, если даже уйти от столь мрачных моделей и представить суд в полном смысле этого слова, то в силу неясности того, что следует понимать под разрешением спора, все равно непонятно, когда спор следует считать разрешенным, какой именно результат должны обеспечивать процессуальные нормы, какие гарантии содержать. Чисто статистически в результате такого разрешения спора случайно могла бы возникать и защита прав и интересов, но, поскольку она не являлась бы основной целью процесса, ее недостижение даже при очевидной возможности обратного не влекло бы отмены решения. Можно даже предположить, что указанный подход все же дал бы некий полезный эффект, заключающийся, например, в том, что в той или иной мере произошло бы устранение саморасправы в обществе, к которой перестали прибегать, страшась наказания. Однако отдельным лицам или их группам это не дало бы уверенности в реальности существующего правопорядка: ка-

⁵ Позицию автора по этому вопросу см.: Гражданское процессуальное право России: учебник / под ред. С.Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2013. С. 26 (автор гл. 1 – Д.А. Туманов); Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9.

⁶ При этом понятно, что обращающийся в суд может и заблуждаться в том, имеется ли у него охраняемый правом интерес, а также в необходимости его защиты, в то время как суд должен оказывать защиту лишь тогда, когда она действительно требуется.

кой смысл надеяться, что у тебя есть субъективное право, если на него попросту нельзя положиться, а значит, невозможно опираться и на право в объективном смысле, – а это, в свою очередь, приводило бы к абсолютной неопределенности общественных отношений, что, очевидно, не просто не несет пользы, но причиняет вред как отдельным лицам, так и обществу в целом. Формирование столь часто обсуждаемой в настоящее время правовой определенности, которая дает возможность положиться на правоотношение, возникает не с момента вынесения решения или вступления его в законную силу – а до этого, в рамках динамики материальных правоотношений. Суд же в случае спора, защищая реально существующие права и интересы, благодаря особой силе своего решения окончательно определяет правовые связи между лицами и еще в большей мере вселяет уверенность в реальности прав как для самих тяжущихся, так и для любых других лиц.

Непонятно также, какой смысл выдвигать на первое место среди целей процесса разрешение спора судом даже в том случае, если в качестве следующей по значению цели все же признается защита судом прав и интересов. Неясны ни ценность такого разрешения сама по себе, ни конкретные проявления этого разрешения. При этом речь идет именно о разрешении правового спора судом, а не об устранении спора каким-либо иным способом. Если же под его разрешением подразумевается определение того, кто прав, а кто нет (выясняются права и обязанности), то понятно, что разрешение спора в таком случае не является самоцелью гражданского процесса, а служит лишь средством защиты прав и интересов. Более того, в рамках гражданского судопроизводства рассматриваются и дела, в которых спор о праве судом не разрешается (бесспорные дела), но их результатом также обеспечивается защита интересов. Все сказанное вполне может служить аргументом и против остальных предлагаемых в качестве основных целей судопроизводства. Например, упомянутое ранее в качестве цели судопроизводства, указываемой некоторыми учеными, так называемое водворение спокойствия в правоотношения на самом деле возможно лишь тогда, когда происходит защита реальных, а не мнимых прав и интересов, во всех других случаях может создаваться лишь видимость спокойствия, но не оно само.

Неясен смысл выделения обнаружения истины по делу в качестве магистральной цели судопро-

изводства. Какой прок от судебной деятельности в данном случае подразумевают авторы соответствующей идеи? Что в конечном итоге суду делать с установленной истиной, какова польза в ее оторванном от защиты прав и интересов установлении для отдельных лиц, групп, и общества, и государства? Сама по себе истина, безусловно, важна для защиты прав и интересов, ведь без выяснения юридических фактов, с которыми связано их наличие, это попросту невозможно, однако ее установление – это опять же средство обеспечения защиты, но никак не цель. Таким образом, не сами по себе разрешение спора, водворение спокойствия в правоотношениях, установление истины являются магистральными целями судебного разбирательства, а защита прав и интересов. В свою очередь, она достигается путем устранения спора и установления истины, в том числе благодаря тому, что решение суда носит окончательный характер, а также благодаря иным свойствам его законной силы. Защита способствует водворению спокойствия в правоотношениях и имеет многие другие полезные эффекты для общества, отдельных социальных групп, государства и, конечно же, отдельных лиц. Заметим, что некоторые дополнительные полезные эффекты возникают, как правило, во всяком случае реальной защиты прав и интересов, другие же возможны в отдельных случаях. Таково, например, развитие права судами.

Мы уверены, что то обстоятельство, что реальной защиты прав и интересов в каждом случае судебного разбирательства может и не произойти, не свидетельствует о том, что она не является основной целью судопроизводства. Речь идет о том, что, в первую очередь, на том основании, была она достигнута или нет, вышестоящие суды будут решать вопрос о судьбе обжалуемого судебного акта, и в случае, если защита прав и интересов нижестоящим судом не была осуществлена, хотя для этого имелись все основания и возможности, осуществят ее сами или же решат вопрос о необходимости нового рассмотрения дела. Сказанное, конечно же, не исключает ситуаций, когда оснований для отмены судебных решений нет, поскольку защита не произошла, например, в силу инертности тяжущихся или реальной невозможности подтвердить обстоятельство из-за отсутствия доказательств, которые не могут быть восстановлены.

Надо, впрочем, признать: представление о том, что следует считать судебной защитой и ее объектом, нестатично. История показывает, что нередко

суд выступал лишь проводником воли иных властей и не защищал от их произвола отдельных лиц, их группы, общество. Законодательство умаляло или, наоборот, гипертрофировало интересы одних лиц и групп относительно интересов других лиц, групп, государства в целом.

Кардинальные изменения произошли в связи с развитием прав человека и идеи правового государства, благодаря чему суд стал рассматриваться как абсолютно особенный орган, который кроме защиты прав и интересов, предусмотренных позитивным правом, мог в отдельных случаях поступать *contra legem*, основывая свои решения на правах человека и базовых правовых принципах. Наконец, защита также достигается в процессе поиска баланса интересов. Такой подход применим даже в рамках жесткого позитивизма, но только если норма позитивного права это позволяет. Еще в большей мере защита путем поиска баланса интересов возможна в случае признания за судом роли субъекта, который уполномочен защищать и от государства, опираясь на основополагающие правовые начала, при необходимости давать защиту тому, что позитивным правом не предусмотрено, или в ситуации, когда позитивное право, очевидно, в противовес таким принципам и правам человека умаляет интересы лиц или их групп. Именно такой подход к роли суда в обществе, по нашему мнению, является совершенно правильным и отвечающим общественным интересам. В связи с этим полагаем, что единственно верен подход к судебной защите, понимающий под ней устранение судом препятствий в реализации и удовлетворении правовых интересов, которые гарантируются правом в широком смысле⁷.

⁷ Попытка замещения защиты интересов в качестве магистральной цели судопроизводства на какую-то иную, возможно, связана и с тем, что иногда некоторые авторы не в полной мере понимают ее существо. Характерен подход В.Н. Ивакина, который считает, что «применительно к исковым делам компетенция суда не исчерпывается защитой прав, свобод и законных интересов. ... Осуществление отдельных прав, требующее особого контроля со стороны государства, возможно только через суд. Лишь в судебном порядке в настоящее время, как правило, реализуется право на расторжение брака между супругами, имеющими общих несовершеннолетних детей. Аналогичным образом удовлетворяются охраняемые законом интересы, состоящие в применении последствий недействительности ничтожной сделки, в признании недействительной оспоримой сделки, брака, брачного договора, в лишении родительских прав. Таким образом, иском может быть требование заинтересованного лица не только о защите, но и об осуществлении права или удовлетворении законного интереса». *Ивакин В.Н.*

Далее заметим: то обстоятельство, что закон должен в первую очередь, конечно же, обеспечивать максимально возможное достижение первой – магистральной – цели судопроизводства, отнюдь не означает, что остальные его цели, которые также определены в ст. 2 ГПК РФ, неважны. Однако эти цели достигаются вследствие правильного рассмотрения дела и защиты прав и интересов, на чем, собственно, сконцентрирована судебная деятельность, а вот процессуальный закон должен способствовать достижению соответствующих дополнительных целей, поскольку в них содержится важный общественно полезный эффект. Многие положения ординарного судебного порядка обеспечивают, с одной стороны, правильность судебного порядка, а с другой – достижение дополнительных целей. Например, гласность судебного разбирательства обеспечивает возможность общественного контроля при осуществлении правосудия и одновременно формирует у представителей общественности понимание, как именно происходит рассмотрение дела, на чем основывается суд при вынесении своих решений, а следовательно, вырабатывает уважительное отношение к судебной власти, веру в нее и в право.

Среди целей судопроизводства, которые выделяются в действующем процессуальном законодательстве, предусмотрено также содействие мирному урегулированию спора. Окончание судебного процесса таким путем имеет значительный полезный эффект для отдельных лиц, общества и государства, поскольку, в частности, способствует сохранению добрых и зачастую партнерских отношений и правовых связей и пр. Однако нет уверенности, что в выделении такой цели судопроизводства была насущная необходимость, напротив, это может привести к превратному представле-

Понятие иска: проблемы определения // Lex russica (Русский закон) № 12 (2019) // <https://lexrussica.msal.ru/jour/issue/view/54>. Из приведенного видно, какие именно случаи В.Н. Ивакин выводит из-под понятия судебной защиты, тем не менее мотивы такого отбора абсолютно неясны. Думается, что в каждом из перечисленных случаев, как, собственно, и при любом другом иске, перед судом ставится вопрос об обеспечении реализации интересов, которая в рамках динамики материальных правоотношений затруднена или и вовсе невозможна, т.е. требование о судебной защите. В описанных В.Н. Ивакиным примерах защита интересов истцов, в случае удовлетворения исков, заключается: в возвращении им переданного по ничтожной сделке; прекращении правоотношения, в основании которого лежит сделка, имеющая существенные пороки; обеспечении безопасности (и т. д.) детей.

нию, будто бы суду во что бы то ни стало следует примирить стороны, хотя ясно, что обращение в суд изначально происходит не с целью помириться с обидчиком, а для получения защиты, примирение же – лишь один из возможных вариантов развития событий при наличии на то воли тяжущихся, а следовательно, сами по себе примирение и примирительные процедуры не должны рассматриваться как непреодолимый барьер в получении судебной защиты лицом, которое примириться не желает. Однако если примирение действительно достигается, что приводит к окончанию судебного процесса путем заключения мирового соглашения, это, разумеется, соответствует цели защиты прав и интересов. Но происходит это лишь при условии, что примирительные процедуры не подменяют собой сам порядок рассмотрения и разрешения спора судом или не создают препятствия для доступа к нему. Заметим также, что именно о судебной защите можно говорить в контексте примирения, если сторонами было заключено, а судом утверждено мировое соглашение, поскольку, утверждая его, суд осуществляет защитную функцию как минимум даже потому, что выявляет реальную волю сторон на прекращение спора, а также гарантирует, что соглашение не носит противоправный характер и не нарушает права и интересы других лиц. Кроме того, в ряде случаев суд обеспечивает реализацию тех прав и интересов, которые в соответствующем соглашении определены.

Далее обратим внимание на коммуникацию и исследование личного опыта, а также преобразование его в общественный, которые, как было сказано выше, иногда выдвигаются в качестве новых смыслов гражданского судопроизводства.

Как известно, все акторы общественной жизни постоянно коммуницируют. Под коммуникацией понимается «смысловой аспект социального взаимодействия»⁸, «общение, обмен мыслями, сведениями, идеями»⁹, т.е. информацией. Коммуникация бывает вербальной и в этом случае выступает целенаправленным процессом передачи при помощи языка (языкового кода) некоторого мысленного содержания, а также невербальной, которая, с одной стороны, может дублировать и

поддерживать вербальную, с другой – «обеспечивать нецеленаправленную передачу всякого психического содержания (не только внутренне-вербального, но и образного, эмоционального, мотивационного)»¹⁰.

Безусловно, право и коммуникация теснейшим образом связаны, первое немыслимо без второй, что отражается во всей правовой сфере – от правообразования (во всевозможных его проявлениях, не сводимых лишь к созданию позитивного права) до различных форм жизни права в обществе.

В связи с этим судебный процесс вполне правомерно рассматривать сквозь призму коммуникации, которая пронизывает его от начала до конца. Она может быть вербальной и невербальной, происходить посредством действий и бездействия, некоторые из которых имеют правовое значение, а другие юридически безразличны.

Коммуникация не ограничивается «пространством внутри дела». Это объясняется тем, что информация об абсолютно любом судебном процессе определенным образом значима не только для конкретных участников процесса, но и общества в целом.

Тем не менее сама по себе коммуникация – это не какой-то новый смысл гражданского судопроизводства, замещающий собой все остальные, а пусть и важная, но лишь одна из сторон этого сложного явления, которая не выступает самоцелью, а необходима лишь для достижения его магистральной цели – реальной защиты различного рода интересов. В свою очередь коммуникация о деле за его пределами нужна для демонстрации государству и обществу того, как происходит защита в судах и каковы ее результаты.

Безусловно, в рамках социального взаимодействия – коммуникации – идет обмен опытом между отдельными лицами и их группами. Понятно, что это происходит и при правовом взаимодействии между ними, в том числе посредством гражданского судопроизводства. Думается, не нуждается в специальном обосновании тезис, что в судопроизводстве на «общее обозрение» выносятся личный правовой опыт участников различных материальных правоотношений, который, вместе с тем, обогащается при рассмотрении дела и в конечном итоге попадает в «копилку» общего – общественного опыта. Конечно же, это имеет важное значение для

⁸ Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

⁹ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

¹⁰ Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2003.

обучения, просвещения всех акторов общественной жизни (поколений сущего и будущих)¹¹.

В связи с этим судопроизводство метафорически можно назвать университетом жизни. Однако, в отличие от истинных университетов, создаваемых специально с целью передачи имеющихся знаний учащимся, судопроизводство, как было сказано, существует не для этого, а для защиты различных правовых интересов. Полезный опыт формируется лишь вследствие более или менее успешной деятельности всех участников судопроизводства по его достижению.

Далее обратим внимание на вопрос об актуальном для настоящего времени подходе к правосудию.

В разные исторические периоды правосудие понималось неодинаково. Тем не менее отправной точкой его современного понимания принято считать момент, когда обязательными элементами судопроизводства стали признаваться определенные положения, обеспечивающие особое, максимально высокое по сравнению с любыми другими порядками качество защиты интересов и, вместе с тем, безопасность от произвола со стороны суда и любых других лиц. Права людей на судопроизводство, обеспеченное такими положениями, относятся к правам человека первого поколения (по классификации Карела Васака) и гарантируются ст. 10 Всеобщей декларации прав человека¹².

Речь идет о равенстве перед законом и судом, гласном судебном разбирательстве, осуществляемом независимым и беспристрастным судом. Названные положения признаются принципами

судопроизводства. Их вместе с принципом языка судопроизводства, состязательности и процессуального равноправия и объективной истины¹³ можно считать (говоря образно) геномом порядка осуществления правосудия в его современном понимании¹⁴. Заметим попутно, что для гражданского судопроизводства в широком его понимании (включающем гражданский и арбитражный процессы, а также административное судопроизводство) принципом-геномом необходимо считать также и принцип диспозитивности.

Утрата принципов-геномов повлечет как замену положений, обеспечивающих осуществление правосудия, так, собственно, и самого правосудия на какие-то совершенно иные явления, что, по сути, будет означать не что иное, как отказ от правосудия, во всяком случае, в современном его понимании.

Тем не менее уже довольно давно наметилась тенденция к отказу от принципов, составляющих указанный геном. При этом постановления, которые выносятся судами в не обеспеченных такими принципами порядках, все-таки именуются актами правосудия. Ученые приводят разные обоснования правосудной природы подобного рода актов. Однако часто просто утверждается, что, поскольку какого-либо официального или хотя бы общепризнанного подхода к правосудию нет, то, следовательно, таковым следует считать все те случаи, когда суд выносит постановления о защите прав и интересов.

На самом же деле описанный подход, очевидно, ошибочен. Отсутствие в доктрине общепризнанных подходов к пониманию правосудия отнюдь

¹¹ В современной научной и научно-популярной литературе отмечается, что область интеллекта, в которой люди от природы превосходят человекообразных обезьян, – это способности к социальному обучению, то есть к перенятию навыков друг у друга. И здесь превосходство чрезвычайно велико. Мозг человека специализирован в этом направлении. «Наш вид изобрел такие сложные технологии и добился такого колоссального успеха благодаря коллективному мозгу, действующему на протяжении поколений, а не благодаря врожденной изобретательности и творческим способностям индивидуальных умов». Также огромное значение имеет способность аккумулировать и передавать полученные знания (опыт) будущим поколениям. См. об этом подробнее в статье Сергея Ястребова «Новый подход к эволюции мозга и культуры», посвященной книге известного антрополога Джозефа Хенрика (Joseph Henrich) «Секрет нашего успеха» – https://elementy.ru/novosti_nauki/434179/Novyy_podkhod_k_evolyutsii_mozga_i_kultury.

¹² См. ст. 10 Всеобщей декларации прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года).

¹³ Обоснование невозможности осуществления правосудия без этого принципа см. в: *Туманов Д. А.* Нужен ли современному судопроизводству принцип объективной истины? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021 № 12. С. 28–40.

¹⁴ Мы использовали такое метафорическое обозначение принципов и ранее на различных конференциях, а также в научных статьях. См., например: *Туманов Д. А.* Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8. С. 4; *Туманов Д. А.* Заметка о предмете гражданского процессуального права (местами весьма злая) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 23. Указанная метафора была воспринята учеными. См., например: *Воронов А. Ф.* Не могу поступаться принципами // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021(12). С. 90–97; *Исаенкова О. В.* Возможные ограничения использования legaltech-решений в правосудии по гражданским делам: сб. докл. IX Московского юридического форума: в 4 ч. Ч. 4. М.: Изд. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022.

не означает, что у указанного явления нет основы, признаваемой мировым сообществом. Ею, конечно же, служат те из принципов судопроизводства, которые, как было указано ранее, гарантируются Всеобщей декларацией прав человека и иными международно-правовыми актами, а также законодательными актами, включая конституции, многих государств.

Очевидно при этом, что процедуры рассмотрения дела, которые не обеспечены такими принципами, нельзя считать и каким-то новым – прогрессивным – порядком осуществления правосудия, будто бы закономерно пришедшим на смену тем, которые уже неактуальны.

Рассмотрение дела вне действия таких принципов означает, по сути, полный возврат к положению вещей, которое существовало до того, как они были провозглашены в качестве основ правосудия, т.е. ко времени, когда никак не обеспечивались охрана от произвола при рассмотрении дела и максимально высокое качество защиты интересов судом.

Соответственно, если такие, не обеспеченные принципами процедуры признать теми, в которых осуществляется правосудие, это будет означать не его прогресс – а значительный, по сути катастрофический, его регресс, а в конечном счете – утрату.

Нельзя, конечно же, считать неким новым правосудием и то, которое в настоящее время называют электронным.

Начнем с того, что под таковым иногда понимают использование в судопроизводстве современных, в первую очередь цифровых, технологий, с помощью которых в суд направляются заявления, делается отчасти возможным дистанционное присутствие в судебном заседании заинтересованных в деле и иных лиц (включая широкую общественность).

Понятно, что цифровое обеспечение судопроизводства не может даже и претендовать на роль некоего абсолютно нового правосудия, а должно лишь служить облегчению возникающих в связи с рассмотрением дела тягот, помогать реализации его принципов и в результате способствовать достижению его целей¹⁵. В этом отношении цифро-

визация судебной сферы ничем не отличается от цифровизации любых других областей нашей жизни.

Известно также, что электронным правосудием, которое должно прийти на смену традиционному, предлагают называть то, которое будет осуществлять искусственный интеллект.

Обозначим нашу позицию по указанному вопросу. Автор абсолютно солидарен с учеными, которые утверждают, что между тем, что в настоящее время называют «искусственным интеллектом», и настоящим интеллектом – глубокая пропасть¹⁶. В частности, Л.Ю. Василевская пишет: «... Абсолютизация искусственного интеллекта в условиях развития информационных технологий не имеет под собой объективной основы: несмотря на провозглашаемые в публикациях уникальные возможности искусственного интеллекта, связанные с функцией самообучения и поиска решений без заранее заданного алгоритма, следует признать, что искусственный интеллект и ИНС (искусственно-нейронные сети) не являются аналогами интеллекта человека, поскольку современный уровень развития нейронаук – нейрофизиологии, нейробиологии, когнитивной науки, биоинженерии – до сих пор не дает ясных и исчерпывающих представлений о механизме работы человеческого мозга, о функциях интеллекта человека. При таких обстоятельствах говорить об имитации искусственным интеллектом когнитивных функций человека означает не что иное, как допускать явное искажение сути: в настоящее время уровень развития техники не может даже с помощью уникального высокоточного арсенала средств современной науки создать модель биологических нейронных сетей»¹⁷.

Далее обратим внимание на одно, на наш взгляд, важное обстоятельство. Специалисты в об-

с участниками процесса в зале судебного заседания. Живое общение как минимум в большей мере обеспечивает защиту от возможного давления на сторону или свидетеля при их опросе или допросе. Кроме того, дистанционное общение участников процесса само по себе может искажаться или прерываться по разным как случайным, так и умышленным причинам. Остается надеяться, что в будущем цифровые технологии позволят обеспечивать высокое качество судебной защиты, но ни в коем случае не смогут ставить его под сомнение.

¹⁶ Позиции некоторых специалистов в области такого интеллекта отражены в: *Василевская Л.Ю.* Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // *Вестник Университета имени. О. Е. Кутафина (МГЮА).* 2023 № 5. С. 31.

¹⁷ Там же.

¹⁵ Так, в частности, дистанционное присутствие в заседании способно определенным образом и порой существенно облегчить жизнь участникам судопроизводства, которые не должны будут тратить на явку в суд значительные временные, финансовые и иные ресурсы. Однако, с другой стороны, подобного рода коммуникация, во всяком случае, в настоящее время, к сожалению, исключает те возможности, которые нередко имеются лишь в рамках личного общения суда

ласти психиатрии утверждают, что «понятие умственных способностей (интеллекта) до сих пор является предметом дискуссий в научной среде»¹⁸. Известно также, что у интеллекта есть разновидности. В наиболее узком смысле интеллект – это «способность решать мыслительные задачи»¹⁹. Тем не менее даже и тогда интеллект – это также и «способность к абстрактному мышлению, нахождению решений в нестандартных ситуациях и пр.

...

Оценка интеллекта шире, чем оценка особенностей мышления как психического процесса. Можно провести аналогию с понятиями разума и рассудка в философии или понятиями классической (формальной) и неклассических логик. Оценивая мышление, мы оцениваем “рассудок” – способность рассуждать логически стройно, непротиворечиво». При оценке интеллекта «речь скорее идет о понятии “разума” как высшей формы мышления в философии, которому доступна взвешенная оценка противоречий, синтезирующая творческая деятельность, которая раскрывает сущность действительности и пр. ...Современные неклассические – трех- (истина, ложь, неизвестно) и многомерные логики (вероятностные) – также занимаются исследованием областей, недоступных классической логике, так как признают возможность противоречий в объективном мире. Например, если человек разговаривает по телефону и собеседник его спрашивает, что он сейчас делает, то с точки зрения формальной логики правильным ответом будет – “разговариваю по телефону”. Так обычно отвечают дети приблизительно трехлетнего возраста, и с точки зрения оценки непротиворечивости мышления это было бы правильным ответом, хотя и неполным, чрезмерно конкретным. ... Ребенок более старшего возраста и взрослый, отвечая на подобный вопрос, рассказал бы, например, что он “сейчас” читает, смотрит телевизор или готовит ужин. ... С точки зрения формальной логики этот ответ неправилен ... но с точки зрения разума как раз этот ответ является наиболее правильным и ожидаемым. Понятно, что, отвечая таким “разумным” образом, человек “знает” на каком-то имплицитном, неосознанном уровне и логически правильный ответ, но абстрагируется от него. ... Кроме того, оценивая интеллект, оценивают коли-

чество уровней “рефлексии” (отраженных смыслов), которыми в состоянии оперировать человек. Например, один человек, садясь в пригородную электричку, может быть доволен тем, что он в нее сел и теперь поедет к месту назначения. Другой человек дополнительно задумается о том, что лучше при этом выбрать немоторный вагон – так как там тише и комфортнее ехать. Третий, понимая первые два уровня оценки этой ситуации, может задуматься о том, что лучше как раз наоборот – сесть в моторный вагон, так как там будет свободнее (раз есть люди, которые думают, что в немоторном ехать лучше) и т. д. Или, например, разные уровни рефлексии, связанные в большей мере с развитием профессиональных навыков, чем с собственно интеллектом: большинство студентов, проходящих цикл психиатрии, во время курации задумываются только о том, что конкретно они должны выяснить у пациента (поэтому вопросы формулируются напрямую, например, “употребляете ли вы алкоголь?”). Молодые врачи, получив некоторый опыт общения с пациентами, начинают в большей степени обращать внимание на то, как они должны задать вопрос пациенту, чтобы получить достоверную информацию (например, с учетом частых случаев, когда пациенты стараются приуменьшить размеры своей алкоголизации при расспросах об употреблении алкоголя “в лоб”, эти вопросы лучше делать более “завуалированными” и “близкими” для пациентов. ... Для решения сложных интеллектуальных задач обычно необходимо одновременно учитывать множество уровней таких смыслов. Чем больше их доступно человеку, чем больше факторов он способен взвешивать и учитывать, принимая эффективные решения, тем выше его интеллектуальные способности»²⁰.

Следует учитывать, что многие из описанных характеристик человеческого интеллекта безусловны и необходимы для судейства. Речь идет о многом и лишь в частности о том, что без них суд попросту не будет во всяком случае способен понимать то, что до него пытаются донести участники процесса²¹. Более того, правовые вопросы, разрешаемые судом, могут быть отнюдь не шаблонными и, ко-

¹⁸ Мартынихин И.А. Психиатрия и медицинская психология: электронный учебник. <https://psychiatr.ru/education/slide/365>.

¹⁹ Там же.

²⁰ Мартынихин И. А. Психиатрия и медицинская психология...

²¹ Нейросети, очевидно, в настоящее время не способны к обладанию чувством юмора. См., например, <https://naked-science.ru/article/column/v-niuor-po-chelovecheski>. О гипотетических возможностях таких сетей в будущем см., например, в: Чего ожидать от нейросетей в будущем? Разговор с руководителем научного отдела «Яндекса» Артемом

нечно, не сводятся к задачам, решаемым в рамках правил формальной логики²².

Но если однажды искусственный интеллект и обретет значительную часть характеристик человеческого, то даже и в этом случае допускать первый из них к осуществлению правосудия едва ли позволительно. Дело в том, что получение таким интеллектом знаний будет происходить совсем не в том формате, как в случае с человеком, который делает это в процессе своей жизни, главным образом не изолированно от общества, а внутри него, т.е. взаимодействуя с другими людьми, при этом испытывая всевозможные эмоции и, соответственно, получая разнообразный личный опыт.

В значительной мере именно поэтому для занятия должности судьи необходимы опыт, достижение определенного возраста, мудрость, а не только способности к логическому мышлению и знания в области юриспруденции.

Наконец, существование в социуме – ощущение себя его частью важно для формирования человека не в чисто биологическом, а, так сказать, в философском, социальном смысле²³, а это, опять же, неимоверно важно для осуществления судейства, поскольку человека и общество судья должен не просто знать – а понимать.

Сказанное не означает, что искусственный интеллект в таком случае будет хуже или лучше, чем человеческий, а лишь то, что он будет другим – не человеческим. Конечно же, далеко не любой человек способен признавать, а тем более понимать чужие интересы, взвешивать их и определять баланс, что в нашем представлении важно при разрешении различных дел, но, с другой стороны, только человек способен хотя бы приблизиться к пониманию такой «вещи в себе»²⁴, как другой человек.

Бабенко // <https://naked-science.ru/article/interview/yandex-research>.

²² Нередко законы логики, математики называют универсальными, хотя и эта позиция на самом деле не является общепризнанной. См. об этом, например: Яшин Б.Л. Об универсальности математики и логики мышления // Преподаватель – XXI век. Общероссийский научный журнал о мире образования. М.: МПГУ, 2013. № 2 // <http://prepodavatel-xxi.ru/sites/default/files/PXXI-2013-2-soder.pdf>.

²³ См., например: Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004; Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983; Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001.

²⁴ В понимании Иммануила Канта, т.е. того, что полностью познано, а в нашем представлении – в отношении людей, понято быть не может.

Наконец, если все-таки однажды нейросеть в полном объеме обретет все черты человеческого интеллекта, будет «наполняться» опытом и знаниями, как человек, – в обществе (в процессе социального взаимодействия), то в таком случае не будет никакой необходимости в разделении интеллектов на искусственный и «естественный». Ведь в своей философской сути интеллекты в любом случае будут человеческими. Сегрегация интеллекта в зависимости от того, является ли его носителем существо, появившееся в результате биологического размножения, или же иным образом, по нашему мнению, приведет ни к чему другому, как к дискриминации кого-либо из его носителей, что, очевидно, недопустимо.

Библиографический список

1. Гражданское процессуальное право России: учебник / под ред. С.Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2013.
2. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, акад. В.П. Зинченко. М.: Прайм-Еврознак, 2003.
3. Василевская Л.Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023 № 5.
4. Воронов А.Ф. Не могу поступаться принципами // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021(12).
5. Дегтярев С.Л. Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве: теоретико-прикладные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2007.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.
7. Ивакин В.Н. Понятие иска: проблемы определения // Lex russica (Русский закон). № 12 (2019).
8. Исаенкова О.В. Возможные ограничения использования legaltech-решений в правосудии по гражданским делам: сборник докл. IX Московского юридического форума: в 4 ч. Ч. 4. М.: Изд. центр Ун-та им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022.
9. Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л.А. Карпенко, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.
10. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
11. Мартынихин И.А. Психиатрия и медицинская психология: электронный учебник // <https://psychiatr.ru/education/slide/365>.
12. Нехороших А.М. К вопросу о конечной цели цивилистического процесса // Тенденции развития цивилистического процессуального законодательства и судопроизводства в современной России: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф. И.М. Зайцева (29 октября 2009 г.) / отв. ред. А. И. Зайцев. Саратов, 2009.

13. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001.
14. Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9.
15. Туманов Д.А. Заметка о предмете гражданского процессуального права (местами весьма злая) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8.
16. Туманов Д.А. Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8.
17. Туманов Д.А. Нужен ли современному судопроизводству принцип объективной истины? // Вестник Университета имени. О. Е. Кутафина. 2021 № 12.
18. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004.
19. Философский энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.
20. Чего ожидать от нейросетей в будущем? Разговор с руководителем научного отдела «Яндекса» Артемом Бабенко. – <https://naked-science.ru/article/interview/yandex-research>.
21. Ястребов С. «Новый подход к эволюции мозга и культуры». Статья посвящена книге известного антрополога Джозефа Хенрика (Joseph Henrich) «Секрет нашего успеха» – https://elementy.ru/novosti_nauki/434179/Novyy_podkhod_k_evolyutsii_mozga_i_kultury.
22. Яшин Б.Л. Об универсальности математики и логики мышления // Преподаватель – XXI век. Общероссийский научный журнал о мире образования. М.: МПГУ, 2013. № 2 // <http://prepodavatel-xxi.ru/sites/default/files/PXXI-2013-2-soder.pdf>.

Предмет и принципы гражданского процессуального права

Светлана Сергеевна Казиханова*

В теории права абсолютным большинством ученых признано, что основным критерием разделения права на отдельные самостоятельные отрасли является предмет правового регулирования¹. Под ним понимаются общественные отношения определенного вида, которые подвергаются правовому воздействию. Однако применительно регулируемых каждой отраслью права общественных отно-

шений также необходимо вывести критерий, по которому различались бы отдельные их области. В литературе подчеркивалось, что этой цели полностью отвечает та сфера деятельности, поведения или состояния, в рамках которой возникают соответствующие общественные отношения².

В науке гражданского процессуального права отсутствует единый подход к тому, какие же отношения входят в предмет соответствующей отрасли права. Дискуссионными являются вопросы об отраслевой принадлежности общественных отношений, складывающихся в связи с защитой права различными органами (как судебными, так и несудебными) и организациями, а также в рамках примирительных процедур и принудительного ис-

* Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук НИУ «МИЭТ».

¹ См.: Аржанов М.А. О принципах построения системы советского социалистического права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 26–35; Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. I. М.: Юридическая литература, 1981. С. 246; Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. Т. 1. Социология права. М.: Современный гуманитарный университет, 2001. С. 173 и др.

² См.: Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. М.: Наука, 1983. С. 16–17.

полнения актов. Из всего многообразия современных публикаций не усматривается единообразное представление о той сфере деятельности, поведения людей, в рамках которой общественные отношения нуждаются в специфическом регулировании нормами гражданского процессуального права. В связи с этим для определения предмета данной отрасли права важным представляется выделение того критерия, который позволил бы четко очертить эту сферу.

Сразу же необходимо обозначить, объективная потребность в регулировании отношений в какой области породила гражданское процессуальное право как отрасль права. В науке советского времени, где в ходе научных дискуссий обсуждались проблемы системы права³, у абсолютного большинства ученых не вызывало сомнений, что это сфера осуществления правосудия⁴. Общественные отношения, возникающие в процессе осуществления правосудия, являющиеся отраслеобразующими для гражданского процессуального права, или, в терминологии С.С. Алексеева, ядром предмета правовой отрасли⁵. В связи с этим можно поставить следующие вопросы, для решения которых необходимо определиться с критерием, позволяющим отделить предмет рассматриваемой отрасли права от других.

Во-первых, со временем в предмет сложившейся отрасли права могут включаться общественные отношения, для которых подходит ее специфический юридический режим (причем не только родственные, но даже и нетипичные)⁶. В гражданском процессуальном праве такой критерий позволит понять, какие отношения, возможно, складывающиеся при осуществлении деятельности, правосудием не являющейся, объективно

составляют предмет единой отрасли права наряду с отраслеобразующими отношениями.

Во-вторых, как известно, правосудие осуществляется не только по гражданским (в широком смысле), но и по уголовным делам и нередко в одинаковых или сходных формах. В науке даже была предложена концепция судебного права как сложной комплексной отрасли права, включающей судостроительство, уголовно-процессуальное право и гражданское процессуальное право⁷. Поэтому данный критерий должен позволить разграничить предметы процессуальных отраслей, т.е. отношения, возникающие в процессе осуществления правосудия.

В теории права обосновывается, что для возникновения правовой отрасли должен сложиться качественно особый вид общественных отношений, который нуждается в своеобразной правовой регламентации, предполагающей специфические приемы его регулирования. Под этими приемами понимается особый порядок возникновения и формирования содержания прав и обязанностей, их осуществления, специфика санкций, способов их реализации, а также действие единых принципов, общих положений, распространяющихся на данную совокупность норм⁸. Другими словами, определенный вид общественных отношений предопределяет существо юридического режима. Как верно отмечает Е.М. Макеева, определяющее значение для образования отраслей права имеет содержание социально-экономических, политических отношений, выражающих объективную необходимость, существования отдельной отрасли правового регулирования и заинтересованность в этом общества и государства⁹. В нашем представлении объективная социальная потребность (или заинтересованность общества и государства) в специфическом правовом регулировании общественных отношений по разрешению гражданских дел, основанная на сложившихся на данном этапе развития общества представлениях о правосудии,

³ В 1938 г. в выступлении А.Я. Вышинского на I Всесоюзном совещании научных работников в Институте права Академии наук СССР был поставлен вопрос критериев деления советского права на отрасли, что стало ориентиром для многих ученых в их дальнейшем научном поиске. См.: Аржанов М.А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Сов. государство и право. 1940. № 8–9. С. 13.

⁴ Гурвич М.А. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса // Ученые записки / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. М.: Госюриздат, 1955. Выпуск 4. С. 28.

⁵ См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010. С. 151.

⁶ См.: Казиханова С.С. Оптимизация гражданского судопроизводства и предмет гражданского процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8. С. 18–21.

⁷ См.: Основы советского права / под ред. Д. Магеровского. М., Л., 1927; Полянский Н.Н. Вопросы систематики в уголовном процессе // Сов. государство и право. 1939. № 3; Строгович М.С. О системе науки судебного права // Сов. государство и право. 1939. № 3; Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. М.: Наука, 1983; Мурадян Э.М. Судебное право. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2007 и др.

⁸ Алексеев С.С. Общая теория права... С. 244–246.

⁹ См.: Макеева Е.М. Система права Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 17.

послужила образованию гражданского процессуального права как отрасли.

На сегодняшний день суть правосудия как деятельности по рассмотрению и разрешению конкретных дел отражается в одновременном наличии двух составляющих: государственного суда и процессуальной формы. В литературе их исключительная важность убедительно доказывается Д.А. Тумановым: ценность суда ученый видит в его уникальной способности наиболее эффективно, максимально качественно разрешать споры и устанавливать действительные обстоятельства дела, исходя из интересов сторон, беспристрастно определять баланс их интересов и давать реальную защиту праву даже в тех случаях, когда норма позитивного права отсутствует или не может быть применена в силу ее противоречия основополагающим правовым принципам. Однако немаловажно, что, как подчеркивается автором, надлежаще исполнять указанную роль суд может только благодаря особому порядку его деятельности, слагающемуся из особой системы гарантий, в российской правовой науке именуемой процессуальной формой. Понимание состава необходимых гарантий складывалось в течение длительного времени путем определенных правовых открытий, эволюционных процессов и даже завоеваний¹⁰. Совершенно справедливо ключевая роль в этой системе гарантий отводится принципам процесса, которые Д.А. Туманов образно называет «геномом правосудия»¹¹.

Таким образом, отношения, входящие в предмет гражданского процессуального права, – это отношения в сфере осуществления правосудия или тесно связанные с ним, служащие правосудию, позволяющие достичь его цели. *При этом в каче-*

стве критерия объединения общественных отношений (понимания того, что именно эти отношения в сфере правосудия или связаны с ним) выступает объективно сложившаяся исторически социальная потребность (заинтересованность общества и государства) в их особом правовом регулировании в единой системе процессуальных гарантий (процессуальной форме), учитывающей их цивилистическую природу и цели вступления в них участников (выделено мною. – С.С.)

Под системой процессуальных гарантий, как отмечалось ранее, понимается, прежде всего, система принципов, лежащих в основе данной отрасли права. Принципы являются руководящими началами, идеями, в которых в концентрированном, сжатом виде воплощается содержание права. Как писал С.С. Алексеев, «в принципах, содержание права, всей правовой системы раскрывается углубленно: в них непосредственно выявляются сущность права, его основы, закономерности общественной жизни, ее тенденции и потребности... принципы права и выступают в качестве начал, в которых аккумулируются, собираются воедино, кристаллизуются характерные черты права...»¹².

Как указывал О.В. Иванов, на базе оценки существующего объективного права, с точки зрения справедливости, добра, зла, морали, сложившихся в обществе интересов, вырабатываются представления о направлениях желаемого изменения существующего права, об основных началах новой правовой системы¹³. С учетом исторического развития права (учения о правах человека) в правосознании, а также в правовой науке на современном этапе сформировались определенные представления о том, как должны регулироваться отношения с судом по защите прав и охраняемых законом интересов (отношения в сфере правосудия). Это представления о справедливом процессе, отвечающем ожиданиям общества и государства реальной качественной защиты права, позволяющей реализовать то многообразие интересов, которое в этих отношениях возникает¹⁴. Именно они, получая впоследствии закрепление в виде норм, служат основой построения правового регулирования отношений, входящих в предмет гражданского процессуально-

¹⁰ См.: Туманов Д.А. Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8. С. 3–4. Ученым детально разработано понимание процессуальной формы, которое, на наш взгляд, в действительности отражает ее суть: это базовые правила осуществления правосудия, которые появились как результат развития права и учета в нем прав человека в качестве обязательного (основополагающего) компонента, и при этом представляют собой особую систему гарантий, всецело направленных на обеспечение безопасности от произвола со стороны как суда, так и любых других лиц, установление действительных обстоятельств дела и наиболее качественную (результативную) по сравнению с любыми порядками рассмотрения дел защиту прав и интересов заинтересованных лиц.

¹¹ Туманов Д.А. Заметка о предмете гражданского процессуального права (местами весьма злая) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 23.

¹² Алексеев С.С. Общая теория права... С. 98.

¹³ См.: Иванов О.В. Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. М., 1964. С. 7.

¹⁴ Подробнее о том, какие интересы реализуются в связи с деятельностью судов, см.: Туманов Д.А. Заметка о предмете... С. 22.

го права. Как писал А.Т. Боннер, принципы отражают специфику данной отрасли, его главнейшие качественные особенности, являются концентрированным выражением ее предмета¹⁵.

Гражданское процессуальное право пронизано едиными принципами, не применимыми в таком сочетании к отношениям, регулируемым другими отраслями права. Именно их слаженная работа позволяет удовлетворить потребность общества и государства в наиболее качественной, гарантированной защите права, тем самым обеспечивая достижение целей вступления субъектов в эти правоотношения. Следовательно, в предмет гражданского процессуального права могут входить только те общественные отношения, для которых существует объективная потребность в правовом регулировании в той системе гарантий (принципов), которые лежат в основе этой отрасли права.

Следует отметить, что в современных публикациях вопрос о системе принципов гражданского процессуального права решается неодинаково. При этом в теории права и отраслевой науке, в основном, не оспаривается, что количество и наименование принципов не может произвольно меняться¹⁶, поскольку система принципов не является их арифметической суммой и представляет собой единое целое¹⁷. В нашем представлении система принципов гражданского процессуального права в действительности имеет объективный характер. Исходя из понимания сущности принципов, их особой роли и значения для всей правовой отрасли, а также анализа норм данной отрасли права, можно четко понять, какие принципы лежат в основе ее построения. Между тем в науке долгое время не встречались исследования принципов в системе, не давалось новых практически значимых подходов в их классификации. Наконец, в 2022 г. Д.А. Туманов в статье «Заметка о предмете гражданского процессуального права (местами весьма злая)» предлагает и уже более детально обосновывает в диссертации «Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве»¹⁸ такой подход, который позволяет логично объ-

яснить неодинаковую значимость принципов для правосудия: почему при отказе от одних принципов правосудие сохраняется, а отказ от других приведет к неизбежной его утрате как явления. Таким образом, ученый в свете преобладающей в последнее десятилетие тенденции оптимизации и упрощения цивилистического процессуального законодательства задает «красные линии», которые пересекать нельзя, так как вредные последствия для общества будут необратимы.

К принципам гражданского процессуального права, которые составляют его «геном», существенный признак процессуальной формы, ученый относит принципы: независимости суда, осуществления правосудия только судом, равенства перед законом и судом, состязательности и процессуального равноправия, языка судопроизводства, диспозитивности, гласности, объективной истины. Нами разделяются аргументы, приведенные в обоснование выделения именно этих принципов как существенных для правосудия. Действительно, без любого из них правосудие по гражданским делам с учетом тех представлений о нем, которые были сформированы в обществе на всем протяжении развития права, просто не мыслится. Эти принципы составляют систему гарантий, на которых построена отрасль права и которые обусловлены особенностями регулируемых ею общественных отношений. Следовательно, те общественные отношения, которые входят в предмет гражданского процессуального права, должны быть вписаны в эту систему гарантий. Система указанных принципов – это тот шаблон, лекало-эталон, который был разработан для правового регулирования отношений в сфере правосудия, основываясь на глубинном их содержании и потребностях общества и государства в этой деятельности. При этом заметим, что в действии некоторых из этих принципов возможны отступления, связанные как с ошибочными решениями законодателя, так и с потребностями отдельных слоев общества. Но в целом связь с правосудием, т.е. значительная степень уверенности в качественной защите нарушенного или оспариваемого права, должна сохраняться (как в отношениях, складывающихся в упрощенном производстве).

Очевидно, что ни в одном из существующих порядков защиты права, кроме судебного, правовое регулирование общественных отношений не

¹⁵ См.: Гражданское процессуальное право: учебник / под ред. М.С. Шакарян. М.: Проспект, 2004. С. 35.

¹⁶ См.: Алексеев С.С. Теория государства и права / учебник. М.: Норма, 2005. С. 118.

¹⁷ См.: Гражданское процессуальное право: учебник / под ред. М.С. Шакарян. М.: Проспект, 2004. С. 36.

¹⁸ Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук «Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве» в ноябре 2023 г. прошла

обсуждение на кафедре процессуального права ВАВТ Минэкономразвития РФ и была рекомендована к защите.

построено на той системе принципов, которая лежит в основе гражданского процессуального права. Причем речь идет не о незначительных отклонениях в действии какого-либо принципа, а о том, что ряд принципов не действует вообще. А значит, качество защиты в сравнении с судебной защитой может оказаться на порядок ниже.

Как нам кажется, во всей системе принципов, составляющих гарантии правосудия, могут быть выделены те, которые имеют особое значение для обособления предмета гражданского процессуального права. В частности, для правового регулирования общественных отношений, возникающих при защите права в судах и иных органах и организациях, таким принципом выступает принцип объективной истины¹⁹. Именно он наиболее показателен для правосудия в его понимании как деятельности, создающей условия для максимально качественной защиты нарушенных прав. Глубинные корни этого принципа лежат в сложившихся в обществе представлениях о том, что по итогам рассмотрения дела в суде выносится не любое решение, которым, пусть даже и окончательно, будет разрешен правовой спор, а то, которым он разрешится правильно. То есть судом будут установлены действительные обстоятельства дела, правильно применены нормы материального права, а защиту получит в реальности существующее нарушенное право или нуждающийся в ней интерес. Как писал В.А. Рязановский, «плохо то правосудие, которое ограничивает свои задачи достижением формальных результатов, такое положение граничит с сознательным допущением неправосудия. Суд должен установить право действительно существующее, а не формальное»²⁰. Поэтому в нормах гражданского процессуального права заложены широкие возможности, не просто позволяющие правильно разрешить дело по существу в условиях состязательного построения процесса, но и добиться установления объективной истины в многочисленных проверочных инстанциях²¹. В иных порядках защиты права их невоз-

можно встретить в том же количестве (концентрации), которое в итоге придает особое качество самой деятельности по рассмотрению правовых вопросов судом.

Так, к примеру, в литературе за счет сходств отдельных норм и институтов делаются попытки обоснования того, что отношения, складывающиеся в третейском разбирательстве, входят в предмет гражданского процессуального права²². При этом не учитывается, что для решений третейских судов существенно ограничена, а может быть, и вовсе исключена возможность обжалования. Отмена решения третейского суда возможна только по тому исчерпывающему перечню оснований, который приведен в ГПК РФ и АПК РФ. Все эти основания не связаны с его проверкой по существу. Значит, в основе третейского разбирательства не заложен принцип объективной истины, защита права в нем построена на иных началах, которые при этом дают свои иные преимущества, чем в правосудии. Оснований для объединения в предмете одной отрасли отношений, регулирование которых качественно различно в своей основе, нет.

В то же время в цивилистическом процессе действие принципа объективной истины только усиливается, чтобы в современных условиях исключить ситуации, при которых судебные решения и исполнительные листы используются исключительно для легализации противоправных действий. Так, Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что суды при рассмотрении спора вправе отказать в утверждении мирового соглашения,

может предложить сторонам представить дополнительные доказательства; 3) суд оказывает сторонам содействие в собирании доказательств (по делам, возникающим из публичных правоотношений, и по делам особого производства суд может истребовать доказательства или вызвать свидетелей по своей инициативе); 4) суд вовлекает в процесс заинтересованных лиц; 5) существующие правила свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению судьи; 6) право суда (в ряде случаев обязанность) назначить экспертизу по своей инициативе; 7) возможность отмены судебного акта в проверочных инстанциях, в том числе при неправильном определении судом предмета доказывания и обнаружении ошибок в доказывании; 8) возможность выхода за пределы жалобы в интересах законности; 9) возможность пересмотра судебного акта по вновь открывшимся и новым обстоятельствам; 10) допущение участия и привлечение в процесс прокурора для усиления гарантий защиты слабой стороны по определенным категориям дел и др.

²² См.: *Зайцев А.И.* Третейское судопроизводство России (проблемные аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 8; *Курочкин С.А.* Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 104.

¹⁹ В данной статье автор не стремится возвращаться к дискуссии о существовании (необходимости существования) принципа объективной истины. Анализ приведенных в правовой науке аргументов и их оценка будут даны в других научных работах автора.

²⁰ *Рязановский В.А.* Единство процесса: учебное пособие. М., 2005. С. 34.

²¹ В нашем представлении существование принципа объективной истины в гражданском процессуальном праве очевидно. Этот принцип находит отражение в многочисленных нормах ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ: 1) обязанность суда определить предмет доказывания; 2) суд

не принять признание иска ответчиком (признание стороной обстоятельств) и иные результаты примирения сторон, если имеются основания полагать, что лица, участвующие в деле, намерены совершить незаконную финансовую операцию при действительном отсутствии спора о праве между ними. В этом случае проверяются все факты, на которые ссылаются стороны, и делается вывод о том, что существует ли в реальности нарушенное право в судебном решении²³.

Заметим, что многие другие принципы, образующие систему гарантий правосудия, обеспечивают его действие, играя вспомогательную, подчиненную роль, что при этом их значения не умаляет. На это обращалось внимание в исследованиях советского времени, относящихся как к гражданскому, так и к уголовному процессу²⁴. Более того, совершенно справедливо тогда отмечалось, что этот принцип выражают практически все нормы гражданского процессуального права, поскольку все они в большей или меньшей степени обеспечивают законность и обоснованность судебных решений²⁵. Эти выводы актуальны и для сегодняшнего процесса.

Так, действие принципа гласности позволяет осуществлять контроль за деятельностью судьи при рассмотрении гражданского дела, заставляет судью более тщательно подходить к установлению обстоятельств дела и применению норм, что затрудняет вынесение, очевидно, неправильных решений.

Принципы независимости суда и осуществления правосудия только судом также обеспечивают возможность установления объективной истины по делу. В законодательстве предусмотрены многочисленные гарантии для судей (не только процессуальные), создающие условия для сохранения ими подлинной беспристрастности при разрешении гражданских дел. Очевидно, что это сделано для того, чтобы судебные акты как акты правосудия

(да и сама деятельность суда по их вынесению) не вызвали сомнений в обществе с точки зрения их истинности и правильности.

Очевидна связь принципа объективной истины с принципом языка судопроизводства, поскольку для того, чтобы разобраться в обстоятельствах дела, сделать правильный вывод об их существовании или отсутствии, суд должен правильно воспринять информацию, которая становится ему доступной в процессе рассмотрения дела. Возможность лиц, содействующих осуществлению правосудия, пользоваться услугами переводчика и обязанность суда предоставить им такую возможность является прямой гарантией принципа объективной истины. Нарушение правил о языке, на котором ведется судопроизводство, является безусловным основанием для отмены судебного акта во многом еще и потому, что суд в таком процессе не мог тщательно разобраться в обстоятельствах дела, а значит, и вынести правосудное решение.

Установление действительных обстоятельств дела возможно только в тех условиях, когда закон или суд не создает превосходства одних лиц перед другими, в основе которых лежат различия в поле, расе, национальности, имущественном положении и т.д. В противном случае вместо того, чтобы разобраться в существе возникших между сторонами правоотношений, суд будет выносить решения, выгодные тому или иному лицу. Очевидно, что действие принципов равенства граждан перед законом и судом и процессуального равноправия также, в конечном счете, направлено на правильное разрешение правового спора (хотя сугубо к этому и не сводится).

Принципы состязательности и диспозитивности непосредственно связаны с принципом объективной истины, поскольку первый определяет методы ее достижения в процессе через предоставление лицам, участвующим в деле, широких прав в доказывании. «Состязательность допустима постольку, поскольку она совместима с нахождением истины»²⁶, – писал известный дореволюционный ученый-процессуалист Т.М. Яблочков. А второй принцип, придавая ключевое значение инициативе участвующих в деле лиц, определяет границы действий суда по установлению объективной истины с учетом их заинтересованности именно в таком окончании процесса.

²³ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с принятием судами мер противодействия незаконным финансовым операциям (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020) // URL: <https://vsrf.ru/documents/thematics/29097/> (дата обращения: 06.01.2024).

²⁴ См.: Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса: (Вопросы теории и практики). М.: Юрид. лит., 1971. С. 125; Трубников П.Я. Вопросы гражданского процесса в практике Верховного Суда СССР. М.: Юрид. лит., 1979. С. 25; Иванов О.В. Указ. Соч. С. 18–21.

²⁵ См.: Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право (понятие, предмет и метод, принципы, гражданское процессуальное правоотношение): лекции для студентов. Томск, 1976. С. 28.

²⁶ Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса. М., 1914. С. 42.

Вместе с тем принцип диспозитивности так же, как и принцип объективной истины, имеет особое значение для обособления предмета отрасли гражданского процессуального права. В частности, именно он, на наш взгляд, является ключевым для разграничения систем гарантий, лежащих в основе данной отрасли и уголовно-процессуального права. В литературе делались попытки обнаружения этого принципа в уголовном судопроизводстве²⁷, хотя и с определенными оговорками, что «в уголовном процессе отдельные черты диспозитивности не достигают уровня принципа»²⁸.

Главенствующая роль принципа диспозитивности в гражданском процессуальном праве, в нашем представлении, обусловлена, прежде всего, цивилистической природой общественных отношений, составляющих его предмет, характером защищаемых в них прав и интересов. Причем интересам сторон в цивилистическом процессе придается особое значение, поскольку именно ими определяется, будет ли использован судом тот арсенал средств, который предусмотрен процессуальным законодательством для реализации принципа объективной истины. Речь идет о распорядительных действиях сторон, которые могут привести к окончанию процесса без выяснения тех фактов и правоотношений, которые имели место в действительности. В данном случае в силу преимущественно частноправового характера защищаемых интересов суд будет руководствоваться волеизъявлением сторон в завершении процесса подобным образом (если это не противоречит закону и не нарушает прав других лиц).

Несмотря на все поиски «вкраплений» в уголовно-процессуальное регулирование вопросов, решаемых по волеизъявлению сторон, вряд ли возможно говорить о полноценном действии в нем диспозитивного начала, пронизывающего отрасль и определяющего ход процесса. Это отрицается самой природой интереса, защищаемого в таких правоотношениях – публичного интереса, для защиты которого, в целом, проявление диспозитивности является скорее исключением, чем правилом.

Таким образом, в основе гражданского процессуального права лежат принципы, которые по отдельности (а может даже и многие из которых) могут встречаться в других отраслях права. Одна-

ко именно в гражданском процессуальном праве они действуют в совокупности и образуют систему, которая не встречается в правовом регулировании иных порядков защиты права. В этой системе могут быть выделены те принципы, которые имеют особое значение для обособления предмета правовой отрасли и его характеристики – это принцип объективной истины и диспозитивности. Принцип объективной истины отражает сущность правосудия как наиболее гарантированной деятельности по защите права. Он позволяет разграничить предмет гражданского процессуального права и общественные отношения, возникающие в связи с защитой права несудебными органами и организациями. Принцип диспозитивности, в свою очередь, выражает характер интересов, преимущественно защищаемых при осуществлении правосудия по гражданским делам, что позволяет провести разграничение с предметом уголовно-процессуального права. Одновременное действие этих принципов характерно именно для гражданского процессуального права как отрасли, оно отражает сформировавшиеся в государстве и обществе потребности в определенном специфическом правовом регулировании отношений в сфере правосудия по гражданским делам.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. I. М., 1981.
2. Алексеев С.С. Теория государства и права / учебник. М., 2005.
3. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Специальные вопросы правоведения. М., 2010.
4. Аржанов М.А. О принципах построения системы советского социалистического права // Сов. государство и право. 1939. № 3.
5. Аржанов М.А. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права // Сов. государство и право. 1940. № 8–9.
6. Гражданское процессуальное право: учебник / под ред. М.С. Шакарян. М., 2004.
7. Гурвич М.А. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса // Ученые записки / Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. М., 1955.
8. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса: (Вопросы теории и практики). М., 1971.
9. Зайцев А.И. Третьейское судопроизводство России (проблемные аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004.
10. Иванов О.В. Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. М., 1964.

²⁷ Рязановский В.А. Указ. соч. С. 51–67.

²⁸ Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Указ. соч. С. 179.

11. Казиханова С.С. Оптимизация гражданского судопроизводства и предмет гражданского процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8.
12. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права и государства: в 3 т. Т. 1. Социология права. М., 2001.
13. Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. М., 2007.
14. Макеева Е.М. Система права Российской Федерации: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006.
15. Мурадян Э.М. Судебное право. СПб., 2007.
16. Основы советского права / под ред. Д. Магеровского. М., Л., 1927.
17. Полянский Н.Н. Вопросы систематики в уголовном процессе // Сов. государство и право. 1939. № 3.
18. Полянский Н.Н., Строгович М.С., Савицкий В.М., Мельников А.А. Проблемы судебного права. М., 1983.
19. Рязановский В.А. Единство процесса: учебное пособие. М., 2005.
20. Строгович М.С. О системе науки судебного права // Сов. государство и право. 1939. № 3.
21. Трубников П.Я. Вопросы гражданского процесса в практике Верховного Суда СССР. М., 1979.
22. Туманов Д.А. Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8.
23. Туманов Д.А. Заметка о предмете гражданского процессуального права (местами весьма злая) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8.
24. Щеглов В.Н. Советское гражданское процессуальное право (понятие, предмет и метод, принципы, гражданское процессуальное правоотношение): лекции для студентов. Томск, 1976.
25. Яблочков Т.М. К учению об основных принципах гражданского процесса. М., 1914.

О некоторых принципах правосудия как связующих элементах судопроизводства и гражданского общества

*Наталья Андреевна Громошина**

Общественно-политическая и экономическая обстановка современности чрезвычайно сложна. В такие периоды необходима консолидация как различных слоев общества, так и общества, и государства. Огромная роль в достижении такой консолидации принадлежит различным элементам гражданского общества, их связям и взаимоотношениям с институтами государства.

Гражданское общество и государство имеют многочисленные линии пересечения и взаимодействия, и среди весьма значимых необходимо выделить взаимоотношения гражданского общества и судопроизводства. Рассмотрим указанные взаимосвязи сквозь призму принципов гражданского

(цивилистического) судопроизводства, поскольку принципы составляют основу отрасли права.

Очевидно, что из немалого числа принципов процессуального права лишь некоторые из них окажутся в зоне внимания и рассмотрения с учетом избранного ракурса.

Начать изложение вопроса надлежит с обращения к принципу, имеющему весьма своеобразное закрепление в законодательстве. Так, в ч. 5 ст. 32 Конституции РФ провозглашено, что граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отплатении правосудия.

Для советского периода времени такое правило составляло главное содержание принципа демократизма гражданского процесса¹. В современных учебниках по гражданскому процессу среди прин-

* Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.

¹ См.: Советский гражданский процесс: учебник. Изд. 2-е, исправ. и доп. / под ред. М.А. Гурвича. М., 1975. С. 18.

ципов мы не найдем упоминания ни о принципе демократизма процесса, ни об участии граждан в отправлении правосудия. Так обстоят дела и в учебной литературе по арбитражному процессу, хотя законодатель в гл. 2 АПК предусматривает рассмотрение дел с участием арбитражных заседателей. Положения закона об участии в отправлении правосудия арбитражных заседателей отнесены к проявлению принципа единоличного и коллегиального рассмотрения дел².

Справедливы высказанные по этому поводу соображения М.И. Клеандрова. «Если у граждан Российской Федерации есть конституционное право участвовать в отправлении правосудия – у государства, соответственно, есть обязанность реализацию этого права обеспечить. Но в реалии институт народных заседателей в начале этого века был ликвидирован напрочь (как классовый враг, хотя организационные и иные трудности там были преодолимы); институт арбитражных заседателей стремительно угасает»³.

Есть немало публикаций последних десятилетий, авторы которых настойчиво и уверенно заявляют о необходимости участия народа (общества) в отправлении правосудия. Справедливости ради надо заметить, что в большинстве своем эти публикации выходят из-под пера представителей науки конституционного или уголовного процессуального права⁴.

Форма, в которой будет реализовываться участие граждан в осуществлении правосудия (т.е. присяжные заседатели, арбитражные заседатели или народные заседатели), вопрос очень важный, но следующий в ряду подлежащих решению проблем. Прежде всего необходимо добиться от законодателя (государства) полноценной реализации конституционного положения о праве граждан на

участие в отправлении правосудия, причем во всех видах судопроизводств, предусмотренных Конституцией РФ. И это позволит не только «кардинально изменить правосознание российских граждан», но и усилить государство за счет укрепления его связей с гражданским обществом.

Чем слабее государство, тем меньше представители власти хотят делить эту власть с гражданским обществом. Постепенный отказ от народных заседателей в гражданском процессе произошел в 90-х годах прошлого века. Что представляло собой государство в этот период – хорошо известно. Современное государство и может, и должно повернуться лицом к гражданскому обществу, допустив его к осуществлению правосудия и в гражданском, и в административном судопроизводстве.

Об участии граждан в отправлении правосудия в административном судопроизводстве следует сказать особо. На примере АПК РФ хорошо видна позиция законодателя по этому вопросу. Так, абз. 2 ч. 3 ст. 17 АПК РФ закрепляет правило, что не подлежат рассмотрению с участием арбитражных заседателей дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

Отметим, что предметом рассмотрения в административном судопроизводстве являются материальные отношения, где одной стороной выступает государство в лице своих органов или должностных лиц, другой стороной гражданин, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо. И так получается, что законодатель считает неприемлемым доверять участвовать в разрешении такого спора представителю гражданского общества наряду с профессиональным судьей. Вспомним, что ГПК РСФСР 1964 г. предусматривал некоторые категории дел из административных правоотношений, которые рассматривались, как все иные гражданские дела в первой инстанции, профессиональным судьей и двумя народными заседателями. Включение в состав суда представителей гражданского общества на современном этапе для рассмотрения и разрешения дел из административных и иных публичных правоотношений было бы проявлением силы государства и высокого уровня его развития, создало бы основу для укрепления и доверия, и уважения к суду.

Как уже было отмечено выше, вопрос о формах участия представителей народа в отправлении правосудия также чрезвычайно важен. Очевидно, что народные, присяжные и арбитражные заседатели – это три очень разных института с совпада-

² Аналогичные наблюдения изложены в статье: *Вилкова Т.Ю.* Участие граждан в отправлении правосудия – межотраслевой принцип судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 202–212.

³ *Клеандров М.И.* О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1. С. 7–11.

⁴ См., например: *Мингалимова М.Ф., Гаврилов М.А.* Участие граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российский судья. 2023. № 5. С. 51–55; *Малина М.А.* Участие населения в отправлении правосудия способно кардинально изменить правосознание российских граждан // Российский судья. 2022. № 2. С. 51–55; *Насонов С.А.* Участие граждан в осуществлении правосудия как принцип, определяющий качественные характеристики судебной власти // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 95–102 и ряд других.

ющим словом «заседатели». Институт присяжных заседателей не подходит для гражданского процесса. Вердикт здесь неуместен, вопросы права и факта слиты гораздо теснее, а вина нередко презюмируется. В участии арбитражных заседателей четко прослеживается целевая установка в виде необходимости использования специальных знаний в сфере экономики, финансов, управления (ч. 1 ст. 19 АПК РФ). Для гражданского и административного судопроизводства и исследователям, и законодателю резонно обратить внимание на ушедший в историю институт народных заседателей. Вполне возможно его возрождение на новом витке с учетом и преодолением имевшихся у него недостатков и проблем применения.

Таким образом, для различных видов судопроизводства, при всем их сущностном единстве, могут быть реализованы разные формы участия представителей народа в отправлении правосудия.

Принципу гласности «повезло» гораздо больше. Он закреплён и в Конституции РФ, и во всех процессуальных кодексах, ему посвящены разделы, параграфы в учебной и научной литературе, диссертации, постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Так, нельзя не процитировать преамбулу к постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»: «Открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судостроительстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство является одним из средств поддержания доверия общества к суду»⁵. Здесь абсолютно верно обозначены роль и значение принципа гласности, а в рамках избранного нами ракурса можно подчеркнуть обеспечение *общественного контроля* в отношении судопроизводства и формирование *доверия общества к суду*.

Однако при всей значимости этого принципа приходится констатировать, что он все более приобретает декларативный характер⁶. Аксиоматично

правило, что нарушение принципа права следует расценивать как существенное процессуальное нарушение, и это должно влечь за собой отмену вынесенного судебного постановления. Вместе с тем в соответствии с п. 23 указанного постановления Пленума: «Несоблюдение требований о гласности судопроизводства в ходе судебного разбирательства свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права и является основанием для отмены судебных постановлений, если такое нарушение соответственно привело или могло привести к принятию незаконного и (или) необоснованного решения, не позволило всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело об административном правонарушении либо привело или могло привести к постановлению незаконного, необоснованного и несправедливого приговора. Так, проведение всего разбирательства дела в закрытом судебном заседании при отсутствии к тому оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 10 ГПК РФ, ч. 1 ст. 24.3 КоАП РФ и ч. 2 ст. 241 УПК РФ, является нарушением принципа гласности судопроизводства и влечет за собой отмену судебных постановлений в установленном законом порядке.

Намеренное создание судьей условий, ограничивающих или исключающих доступ лиц, не являющихся участниками процесса, в том числе представителей редакций средств массовой информации (журналистов), в открытое судебное заседание, или условий, препятствующих его фиксации, свидетельствует о нарушении профессиональной этики».

Анализ приведенного положения постановления Пленума показывает, что далеко не каждое нарушение принципа гласности будет признано существенным нарушением норм процессуального права, а в некоторых случаях его и вовсе следует расценивать как нарушение профессиональной этики. В итоге принцип гласности становится принципом «второсортным», не очень обязательным для его безусловной реализации. Но если исходить из роли и значения этого принципа, то такое положение следует характеризовать как недопустимое. Наблюдаемая трансформация принципа гласности отчасти вызвана и его нормативным закреплением. Имеется в виду большое количество допускаемых законом исключений из действия данного принципа. Причем одни исклю-

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: *Шерстюк В.М.* Туда ли держим путь? // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике:

к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В.В. Молчанов. М.: Статут, 2023. С. 37.

чения сформулированы достаточно конкретно и четко, а другие – весьма неопределенно. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 10 ГПК РФ разбирательство в закрытых судебных заседаниях допускается и при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на неприкосновенность частной жизни граждан или иные обстоятельства, гласное обсуждение которых способно помешать правильному разбирательству либо повлечь за собой нарушение прав и законных интересов гражданина.

Действительно, в содержании принципа гласности явно прослеживается конфликт частного и публичного. Именно конфликт, поскольку в публичных интересах максимальная открытость судебного производства (естественно, с разумными исключениями, предусмотренными законом). Но в интересах отдельного лица не предавать огласке обстоятельства его жизни, не всегда благовидное поведение на работе или в быту, да и размер счета в банке или присужденной суммы тоже лучше оставить в тайне. Также в практике предпринимательской деятельности осторожный контрагент изучит историю участия в судебных процессах лица, с которым предполагается заключать сделку. И суду очень важно дать правильную оценку заявленному ходатайству о закрытии судебного заседания, выявляя необходимый баланс между публичными и частными интересами в каждом конкретном случае.

Интересное исследование, основанное на хорошем знании практики и реального положения дел в судах, провел В.К. Михайлов, в статье которого приведены многочисленные примеры отступления или явного нарушения принципа гласности. В итоге он формулирует вывод, с которым трудно не согласиться. Стоит привести этот вывод достаточно полно, поскольку он очень четко ложится в рамки нашего подхода.

«Причина такого положения дел, видимо, кроется в отдаленности российской власти от общества и общественных институтов. Современный российский чиновник ориентируется на общественное мнение и интерес, пожалуй, в последнюю очередь, поскольку считает себя подотчетным перед руководством, его назначившим или влияющим на назначение. К сожалению, не являются исключением из этого и судьи, включая председателей судов.

Сегодня, увы, открытость правосудия и организация судебной деятельности никогда не оцениваются с точки зрения удобства посетителей.

В полномочиях и обязанностях судов отсутствуют формирование системы взаимодействия с обществом и с институтами гражданского общества, учет мнения граждан о качестве организации судов и их деятельности. А ведь только граждане могут объективно оценить положение дел с доступностью судов, организацию их работы, оснащенность судов и другие вопросы. У российских судов и судей крайне ограниченный арсенал информирования общественности о своей работе, о правах и допустимых законом процессуальных действиях»⁷.

В публикациях, посвященных принципу гласности, нередко как синоним к этому слову используется термин «транспарентность»⁸. Л.С. Аносова верно предостерегает от внедрения в оборот и широкого использования этого термина, который разработан западной наукой и имеет иноязычное происхождение⁹. Представляется, что в использовании чужеземных слов есть еще одна опасность: с заменой слова происходит замена содержания обозначаемого явления. Если гласность это, прежде всего, открытость судебного процесса, возможность любому лицу наблюдать его ход и движение посредством присутствия на судебных заседаниях, то главное в содержании транспарентности – это публикация судебных решений в сети «Интернет», а также в правовых базах данных, возможность зайти на сайт суда и ознакомиться с составом судей и вынесенными ими решениями, найти и изложить отчетность о деятельности судов¹⁰.

Нет слов, для правоведов и для юристов-практиков возможность изучать решения судов всех инстанций, не выходя из дома, – это великое благо. Лица, интересующиеся этой практикой, представляют собой, как правило, активную часть гражданского общества. Однако гласность, зародившаяся много веков назад, своим главным содержанием имеет открытость процесса для публики. И квинт-эссенция гласности вытесняется из ее содержания, в том числе из-за массированного введения упрощенных производств, в которых отсутствуют

⁷ Михайлов В.К. Обеспечение открытости и гласности суда как гарантия независимости правосудия // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 138–151.

⁸ См.: Магомедова К.К. Пределы транспарентности правосудия по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 10. С. 8–10.

⁹ См.: Аносова Л.С. Конституционный принцип гласности судебного производства: правовое регулирование и практика реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 10.

¹⁰ См., например: Магомедова К.К. Содержание транспарентности в правосудии по гражданским делам // Российский судья. 2017. № 10. С. 29–33.

судебное заседание, но есть публикация немотивированных судебных решений, а значит, есть транспарентность.

Конечно, содержание принципа гласности со временем изменяется. Особенно это заметно в связи с внедрением в процесс и в нашу жизнь цифровых технологий. Но с изменением содержания нельзя потерять сущность явления.

Некоторые исследователи, анализируя принцип гласности, приходят к выводу о том, что он существует в паре с принципом открытости. Например, есть такая точка зрения: «... различия между данными принципами все же имеются, и притом значительные: гласность судебного разбирательства предполагает возможность любого лица, не участвующего в деле, присутствовать в зале судебного заседания при разбирательстве конкретного дела, за исключением предусмотренных законом случаев, при которых разбирательство осуществляется в закрытом судебном заседании; в свою очередь, принцип открытости характеризуется свободой доступа к информации, полученной по результатам судебного разбирательства (через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», печатные источники, телевидение и т.д.)»¹¹.

Полагаю, что вряд ли стоит усложнять ситуацию и разграничивать гласность и открытость именно как два самостоятельных принципа. Во-первых, неясна целесообразность такого подхода, и, во-вторых, происходит обеднение содержания принципа гласности. Много важнее определиться с таким содержанием, исключить из текста закона неконкретные, допускающие различные толкования формулировки, а в практике судопроизводства нарушение принципа гласности относить к числу существенных нарушений норм процессуального права.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что ощущается острая потребность в разумном и взве-

шенном подходе как к законодательному регулированию, так и к практической реализации принципов процессуального права, обеспечивающих взаимодействие судопроизводства и гражданского общества.

Библиографический список

1. *Аносова Л.С.* Конституционный принцип гласности судопроизводства: правовое регулирование и практика реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
2. *Вилкова Т.Ю.* Участие граждан в отправлении правосудия – межотраслевой принцип судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6.
3. *Клеандров М.И.* О проблемных нововведениях 2020 года в Конституцию РФ в сфере механизма правосудия // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1.
4. *Малина М.А.* Участие населения в отправлении правосудия способно кардинально изменить правосознание российских граждан // Российский судья. 2022. № 2.
5. *Магомедова К.К.* Содержание транспарентности в правосудии по гражданским делам // Российский судья. 2017. № 10.
6. *Магомедова К.К.* Пределы транспарентности правосудия по гражданским делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 10.
7. *Михайлов В.К.* Обеспечение открытости и гласности суда как гарантия независимости правосудия // Журнал российского права. 2022. № 2.
8. *Мингалимова М.Ф., Гаврилов М.А.* Участие граждан в отправлении правосудия по уголовным делам // Российский судья. 2023. № 5.
9. *Насонов С.А.* Участие граждан в осуществлении правосудия как принцип, определяющий качественные характеристики судебной власти // Юридическая наука. 2016. № 2.
10. Советский гражданский процесс: учебник. Изд. 2-е, исправ. и доп. / под ред. М.А. Гурвича. М., 1975.
11. *Шерстюк В.М.* Туда ли держим путь? // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В.В. Молчанов. М.: Статут, 2023.
12. *Шумова К.А., Находнова А.Д.* Проблемы обеспечения принципа гласности и открытости в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8.

¹¹ *Шумова К.А., Находнова А.Д.* Проблемы обеспечения принципа гласности и открытости в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 8–12.

Приказное производство: если не правосудие, то что это?

Александр Федорович Воронов*

Данная работа представляет собой в некотором роде продолжение статьи «Не могу поступаться принципами»¹. Одним из вопросов, которые были предметом анализа в статье, был вопрос о том, является ли приказное производство правосудием.

Кратко обозначим суть спора.

Некоторые ученые считают, что приказное производство – это не правосудие и судопроизводство: его не следует воспринимать в качестве осуществления правосудия, поскольку оно осуществляется вне процессуальной формы (Д.А. Туманов)²; судебный приказ не подчинен принципам гражданской процессуальной формы и принципам правосудия, правосудие в приказном производстве не осуществляется (Т.В. Сахнова)³.

«Вне процессуальной формы» означает, прежде всего, то, что приказное производство осуществляется без соблюдения принципов гражданского процесса. Так, Д. А. Туманов пишет: «В ГПК имеется всего лишь одна статья с наименованием «Порядок вынесения судебного приказа». Однако

ознакомление с содержанием этой статьи показывает, что ее наименование способно ввести в заблуждение, поскольку какого-либо порядка в ней в действительности практически не предусмотрено. Тот правовой вакуум, который можно в ней найти вместо судебного порядка, очевидно, исключает действие в приказном производстве принципов правосудия. И речь в данном случае идет не об ограничении действия таких принципов, а о том, что абсолютное большинство из них вообще в нем не применяются и лишь некоторые применяются фрагментарно. Это касается, в том числе, и конституционных принципов судопроизводства»⁴.

«Не относится к осуществлению правосудия деятельность мирового судьи по вынесению судебного приказа, равно как судебный приказ не является актом правосудия, поскольку при его вынесении отсутствует главный атрибут деятельности по осуществлению правосудия – гражданская процессуальная форма» – это мнение Н.А. Громошиной⁵.

В.М. Шерстюк отмечает, что правосудие и судопроизводство – несколько различные понятия: правосудие – это судопроизводство, осуществляемое на основе всех конституционных и отраслевых принципов, а деятельность суда, которая основана только на некоторых из них (в том числе и приказное производство), входит в понятие «судопроизводство», однако правосудием не является⁶.

Видимо, сперва следует понять, что же есть правосудие. Нормативного определения правосудия нет. Из содержания некоторых законодатель-

* Доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета.

¹ См.: Воронов А.Ф. «Не могу поступаться принципами» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 12 (82). С. 90–97.

² См.: Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9. С. 15.

³ См.: Сахнова Т.В. Законная сила как атрибут правосудия // Тенденции развития гражданского процессуального права: сборник научных статей: по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Н.А. Чечина. Юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский филиал Института государства и права РАН. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. С. 107.

⁴ Туманов Д.А. Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8. С. 8–9.

⁵ Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. С. 11.

⁶ См.: Шерстюк В.М. «Правосудие» и «судопроизводство»: понятие, соотношение, теоретическое и практическое значение // Законодательство. 2020. № 8. С. 48–57.

ных норм⁷ можно сделать вывод о том, что правосудие осуществляется путем рассмотрения дел, отнесенных к компетенции судов. Перечислять количество доктринальных определений правосудия – занятие неблагодарное. Их десятки (и это без учета определений по видам судопроизводства: правосудие по гражданским делам, по уголовным делам и т.д.).

Тем не менее некоторые определения следует привести. Этого требует тема настоящей статьи.

Начнем с определений ученых-специалистов по конституционному праву. В комментарии к ст. 118 Конституции Т.Г. Морщакова указывает, что сущностное отличие судебной власти определено тем, что на нее возложено осуществление правосудия. Эта функция составляет монополию судов: правосудие не может быть возложено ни на какие другие органы. Как особый способ осуществления судебной власти оно по содержанию и форме отличается от законотворческой деятельности и от правоприменительной и правоохранительной деятельности органов исполнительной власти. Присущие правосудию процедуры, предполагающие, что разрешение любого правового конфликта может быть передано его участниками для определения их прав и обязанностей независимому беспристрастному и компетентному суду с тем, чтобы дело было рассмотрено в открытом судебном заседании при предоставлении каждому участнику возможности на равных основаниях отстаивать свои права и чтобы исполнение вынесенного судом решения обеспечивалось принудительной си-

лой государства, позволяют признать правосудие наиболее эффективным средством защиты прав и законных интересов. В то же время правосудие составляет *исключительное предназначение судов*: на них *не могут возлагаться какие-либо другие полномочия*, противоречащие юридической природе правосудия и несовместимые с принципом разделения властей⁸.

Т.Я. Хабриева и соавторы⁹ утверждают, что правосудие – это форма судебной власти, которая в силу конституционного принципа разделения властей входит в исключительную компетенцию суда. Никакие другие государственные органы не могут осуществлять правосудие, а *суды не могут выполнять иные функции, помимо отправления правосудия*. От других форм государственной власти правосудие отличается особыми формальными процедурами, необходимыми для обеспечения возможности разрешения правового конфликта судом. Судопроизводство – это процесс рассмотрения судом дел в установленном законом порядке. Благодаря неукоснительному соблюдению судом и лицами, участвующими в деле, строгих процедур (разъяснение сторонам их процессуальных прав и обязанностей, порядок исследования доказательств и т.д.) обеспечивается всестороннее изучение обстоятельств дела и принятие судебного решения¹⁰.

Только в одной статье С.А. Курочкина¹¹ содержится около десятка определений правосудия (не считая определений судопроизводства):

– «правосудие есть предусмотренная законом деятельность суда по рассмотрению судебных дел в целях восстановления и защиты нарушенных законных интересов и прав» (Ю.А. Тихомиров);

– «устоявшимся является понимание правосудия как осуществляемой в особом процессуальном порядке деятельности суда по применению

⁷ Закон РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судостроительстве РСФСР» в статье 4 устанавливал:

Правосудие в РСФСР осуществляется путем:

1) рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях гражданских дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, других общественных организаций;

2) рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных.

Статья 1 действующего АПК РФ устанавливает: правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами в Российской Федерации, образованными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом (далее – арбитражные суды), путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами, по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах.

⁸ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013. С. 884.

⁹ Л.В. Андриченко, С.Б. Нанба, А.Е. Помазанский.

¹⁰ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (коллектив авторов; с обращением к читателям Президента Российской Федерации В.В. Путина; под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ИНФРА-М, 2021. С. 307.

¹¹ Курочкин С.А. О соотношении понятий «правосудие», «судопроизводство» и «процесс» // Вестник гражданского процесса. 2022. № 6. С. 112–132.

норм права к конкретным фактам и отношениям» (А.А. Мельников);

– «деятельность специально созданного государственного органа – суда по установлению фактических обстоятельств и применению к ним норм права с целью разрешения конфликтной ситуации и защиты прав и интересов участников дела» (Н.Т. Арапов);

– «термин «правосудие» имеет, по крайней мере, два значения. С одной стороны, оно означает процесс судебного правоприменения и его результат; с другой – определяет систему органов государственной власти и процесс, происходящий в ее рамках» (А.В. Цихоцкий);

– «правосудие – это разновидность государственной деятельности по защите нарушенного частного права или публичного интереса, осуществляемой специальным органом в пределах предоставленных ему полномочий в процессуальной форме, направленной на обеспечение гарантий справедливости судебного разбирательства, на основе неотъемлемых прав граждан и не противоречащих им иных нормативных правовых актов» (Д.А. Фурсов);

– «деятельность суда общей юрисдикции или арбитражного суда по рассмотрению и разрешению дел, отнесенных к их компетенции гражданским процессуальным или арбитражным процессуальным законодательством, которое устанавливает и сам порядок судопроизводства» (Г.А. Жилин);

– «урегулированная нормами гражданского процессуального права и арбитражного процессуального права деятельность судов общей юрисдикции и арбитражных судов по рассмотрению и разрешению гражданских дел, направленную на обеспечение прав, свобод и законных интересов участников гражданского оборота» (С.К. Загайнова) и так далее.

Сам С.А. Курочкин так определяет правосудие по гражданским делам: «это защита государством гарантированных им прав и свобод, обеспечиваемая трансформацией правовых предписаний в фактические состояния, властная реализация правовых норм судами общей юрисдикции и арбитражными судами посредством деятельности по рассмотрению и разрешению гражданских дел, урегулированной нормами гражданского и арбитражного процессуального права»¹². Процессуальной формой осуществления правосудия по

гражданским делам является *гражданское и арбитражное судопроизводство*¹³.

Во всех статьях, затрагивающих данное понятие, приводится такой же ряд определений, демонстрирующий впечатляющий разброс мнений по вопросу. Приведем еще один пример.

В статье И.А. Банникова¹⁴ анализируются в основном мнения процессуалистов, во многом в историческом плане. Вот несколько положений о правосудии:

– «разрешение специальными органами государственной власти вопросов о применении права к конкретным случаям жизни, фактам, действиям, отношениям является одной из важных государственных функций» (А.Ф. Клейнман);

– это «старинный термин, который обозначает особую государственную функцию, осуществляемую особым органом государства – судом... Осуществлять правосудие – значит, судить о праве, т.е. о применении права (закона) к отдельному факту, отношению (М.С. Строгович);

– «...правосудие должно рассматриваться как особый вид государственной деятельности, содержанием которой является рассмотрение и разрешение судами различных социальных конфликтов, связанных с действительным или предполагаемым нарушением норм права (В.М. Лебедев);

– «рассмотрение и разрешение судами в установленном законом процессуальном порядке конкретных судебных дел с вынесением по ним законных, обоснованных и справедливых постановлений» (А.Т. Боннер);

Сам И.А. Банников утверждает, что правосудие можно определить как особый вид государственно-властной деятельности, осуществляемый в процессуальной форме, по рассмотрению гражданских, административных, уголовных и иных дел и разрешению их путем вынесения общеобязательных постановлений с целью защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина¹⁵.

В общем, поиск точной и полной дефиниции «правосудие» по-прежнему остается важной и, к сожалению, пока не разрешенной задачей для юридической науки¹⁶.

¹³ Там же. С. 119.

¹⁴ См.: Банников И.А. Понятие правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1. С. 130–137.

¹⁵ См.: Там же. С. 137.

¹⁶ См.: Дорошков В.В. Научная дискуссия по поводу понятия и содержания «уголовного правосудия» // Мировой судья. 2023. № 5. С. 4.

¹² Курочкин С.А. Указ. соч. С. 118.

Мнение Т.В. Сахновой интересно тем, что она ясно формулирует позицию целого круга уважаемых ученых по данному вопросу. Она пишет, что только определенная деятельность суда как органа государственной власти есть правосудие. Признаки правосудия следующие. Оно осуществляется:

- только судом;
- путем рассмотрения и разрешения дел в судебных заседаниях;
- в установленной законом процессуальной форме¹⁷.

Все ясно и понятно: если нет судебного заседания – это не правосудие. Соответственно, если в приказном производстве нет разбирательства в форме заседания – это не правосудие. Видимо, и упрощенное производство, с этой точки зрения, трудно назвать правосудием (хотя по закону заседание должно проводиться, хотя и без извещения сторон).

Противоположную позицию высказал Г.А. Жилин: «Деятельность по рассмотрению гражданских дел является правосудием вне зависимости от того, разрешались ли возникающие при этом вопросы коллегиальным судом или единоличным судьей, осуществлялось их разрешение в судебном заседании или без проведения такового, участвовали или нет при этом другие субъекты судопроизводства. На суд возлагается обязанность при разрешении всех возникающих в судопроизводстве вопросов строго руководствоваться процессуальным законодательством, предусматривающим различные способы их разрешения. Их выбор определяется содержанием правоотношений, которые становятся предметом судебного разбирательства в той или иной конкретной фактической ситуации. При этом они могут быть и не связаны с необходимостью проведения судебного заседания. Соответственно нельзя согласиться с приведенным ранее утверждением авторов ...о том, что способом осуществления правосудия является лишь судебное заседание с участием заинтересованных в исходе дела лиц и их представителей»¹⁸.

По мнению Л.И. Тереховой, вопрос о том, является ли рассмотрение дела в порядке упрощенного производства правосудием, не стоит. Что касается приказного производства, то «это правосудие, только оно бесконтактное. Суд при рассмотрении

дела не проводит судебное заседание и не контактирует с лицами, участвующими в деле, но он «контактирует» с представленными доказательствами и разрешает дело по существу»¹⁹. Бесконтактное правосудие, таким образом, существует за счет отложенных процессуальных гарантий. Вывод состоит в том, что однозначно отрицательно к бесконтактным способам отправления правосудия относиться не следует. Отсутствие судебного заседания (контакта со сторонами) не означает «бесконтактности» по отношению к доказательствам. Судопроизводство при отложенных гарантиях существовать может²⁰.

Высказываются и иные мнения о том, что в приказном производстве не так уж все катастрофично с основами судопроизводства (Е.И. Лощина): пассивность должника в рамках приказного производства подразумевает его согласие с заявленными взыскателем требованиями, признанием необходимости исполнения определенных обязательств в условиях, когда инициирование спора невозможно, либо доводы должника, которые он мог бы привести в качестве возражений, заведомо не оказываются значимыми. Вынесение и исполнение судебного приказа при этом будет означать лишь то, что должник не посчитал нужным проявить активность и не воспользовался предоставленными ему процессуальными гарантиями²¹.

Позволю себе напомнить о том, почему автор настоящей статьи присоединяется к указанным мнениям.

1. Конституция Российской Федерации не разделяет правосудие и судопроизводство. Судопроизводство – это форма осуществления правосудия. Мы разделяем точку зрения тех ученых, которые утверждают, что суды вправе осуществлять только деятельность по осуществлению правосудия и никакую иную. В этом состоит их предназначение.

Как верно отметил С.А. Курочкин, «главное в правосудии – это защита государством прав и свобод, претворение в жизнь правовых норм судебной властью, перевод формальных предписаний в

¹⁷ См.: Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. С. 35–36.

¹⁸ Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам. Актуальные вопросы. М.: Проспект, 2013. С. 29–30.

¹⁹ Терехова Л.А. Бесконтактное правосудие // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017. С. 213.

²⁰ См.: Там же. С. 217.

²¹ См.: Лощина Е.И. К вопросу о правовой природе приказного производства в гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150). С. 169.

фактические состояния. Перечисленные признаки образуют содержание сложного и социально богатого понятия правосудия. Именно так предлагается понимать правосудие по гражданским делам, а уже потом как регламентированную нормами гражданского и арбитражного процессуального права деятельность судов общей юрисдикции и арбитражных судов по рассмотрению и разрешению гражданских дел. Деятельность, содержанием и смыслом которой, подчеркнем, является защита прав и свобод, их признание государством за конкретными субъектами и реализация властью суда»²².

2. Приказ – это судебное постановление (ст. 13 ГПК РФ), он является обязательным для всех, без исключения, органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации. В соответствии с АПК РФ (ст. 180) он вступает в законную силу, из статьи 327¹ КАС РФ также следует, что приказ вступает в законную силу, соответственно, он не может быть результатом иной деятельности, кроме как правосудия.

По мнению С.К. Загайновой, «судебный приказ является самостоятельным видом судебных актов, в котором реализуются задачи судебной власти в гражданском процессе. Посредством судебного приказа реализуется право на судебную защиту, выражающееся в оперативном восстановлении нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций»²³.

3. Приказ можно обжаловать в кассационном порядке. Достаточно странно утверждать, что, например, вынесение судом определения по ст. 125 ГПК РФ – это не правосудие, а обжалование этого определения в апелляционном порядке – это уже правосудие (или это тоже не правосудие?).

Определение подсудности дел приказного производства, принятие заявления о выдаче приказа, возвращение заявления и отказ в принятии заявления, обжалование соответствующего определения, выдача приказа, обжалование приказа, действия суда, связанные с исполнением судебного приказа – это единая процедура, тесно связанная

с другими процессуальными действиями при осуществлении правосудия.

Приказное производство вплетено в «тело» гражданского процессуального законодательства, это часть ГПК РФ (подраздел I раздела II). Общие нормы ГПК РФ, в том числе и те, где определяются задачи гражданского судопроизводства, распространяются и на приказное производство. Достаточно странно утверждать, что ГПК и иные процессуальные кодексы представляют собой «лоскутные одеяла», регулирующие частично осуществление правосудия, частично – осуществление иной деятельности, причем границы этих взаимоувязанных «лоскутов» определяются доктринально.

4. Рассматривать судебное заседание как безусловный признак правосудия – понятное, но небесспорное положение. Жизнь идет вперед, и классические формы осуществления правосудия могут меняться. Раньше, например, никто не мог себе представить, что заседания могут проводиться с использованием видеоконференцсвязи или веб-конференций. Сейчас это – реальность, в том числе и закрепленная в законе.

Заметим, что зачастую проведение полноценного судебного заседания зависит от воли суда. Например, в соответствии со ст. 333 ГПК РФ частная жалоба рассматривается без извещения лиц, участвующих в деле, но с учетом характера и сложности разрешаемого процессуального вопроса, суд апелляционной инстанции может вызвать лиц, участвующих в деле, в судебное заседание. Похожие нормы содержатся в ст.ст. 333¹, ч. 10 ст. 379⁵ ГПК РФ... Получается, что в первом случае процессуальные действия нельзя определить как правосудие, а во втором – можно?

Представляется, что верным является представление о судебном заседании как форме разбирательства. Очевидно, что заседание может проводиться по самым разным причинам, а не только для разбирательства дела. С другой стороны, можно предположить, что и разбирательство может иметь разные формы²⁴.

Так, Ю.А. Жукова пишет: «Стадия судебного разбирательства в исковом производстве выражается в форме судебного заседания. В упрощен-

²² Курочкин С.А. Указ. соч. С. 119.

²³ Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 9.

²⁴ См.: Воронов А.Ф. Стадии гражданского процесса: диверсификация и дифференциация // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В.В. Молчанов. М.: Статут, 2023. С. 165–183.

ном производстве также имеется стадия судебного разбирательства, сущность которой состоит в том, что она осуществляется без проведения устного слушания по письменным материалам дела и доказательствам»²⁵.

Что касается принципов процесса, то многие авторы отмечают, что «общемировой тенденцией развития правосудия по гражданским и административным делам является внедрение в судопроизводство сокращенных процессуальных форм, предназначенных для рассмотрения споров без значимого правового конфликта» (Е.А. Фокин)²⁶, Д.И. Крымский пишет, что в большинстве стран процессуальным кодексам известны те или иные формы упрощенных производств (это могут быть специальные процедуры разрешения споров по делам с малой ценой иска, а также производства «приказного» типа по бесспорным требованиям и другие процедуры). Несмотря на различие моделей и существующую типологию упрощенных производств, сущностные черты, цели и задачи таких производств в значительной степени совпадают. Зарубежные исследователи отмечают, что судебная процедура должна быть более простой и менее затратной по большинству дел, а общая (обычная) процедура должна применяться для более существенных споров. Дальнейшее реформирование упрощенных производств в мировой практике происходит по целому ряду направлений, однако в значительной степени они развиваются по схожему пути. В связи с развитием упрощенных форм судопроизводства требуется и новый подход к принципам судопроизводства и иным фундаментальным категориям процессуального права. Следует «примирить» новые формы судопроизводства с традиционными, классическими правилами и принципами, определить пределы упрощения и ускорения судопроизводства²⁷.

Заметим, что «новые» формы не такие уж и новые. И до революции существовали упрощенные формы судопроизводства.

Ученые активно разрабатывают тематику упрощенных процедур, о чем свидетельствуют канди-

датские диссертации, в частности, И.П. Михеева²⁸, З.А. Папуловой²⁹.

В докторской диссертации Е.П. Русаковой³⁰ на защиту были представлены, среди прочих, следующие положения:

изменение правовой парадигмы гражданского судопроизводства происходит под воздействием стремительно развивающегося процесса цифровизации;

происходящая в Российской Федерации постепенная трансформация форм защиты прав и законных интересов из обычного порядка в цифровой формат требует корректировки существующих основополагающих начал их осуществления; внедрение онлайн примирительных процедур в судопроизводство воздействует на эволюцию принципов правосудия: происходит переход от гласности к конфиденциальности, состязательности к сотрудничеству;

сформулирована задача создания новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный режим для возникновения, развития и применения цифровых технологий в сфере разрешения споров, а также для создания цифрового правосудия в Российской Федерации;

автор обосновывает необходимость такого изменения существующего судопроизводства, при котором оно строится с учетом таких во многом новых принципов, как конфиденциальность, с одной стороны, и информационная открытость, с другой; доступность для граждан и организаций; эффективность, достоверность и своевременность; гарантия информационной безопасности; невмешательство в процесс осуществления правосудия; создание единого информационного пространства, добровольность, прозрачность, интеллектуальная справедливость, инклюзивность.

Со многим можно согласиться, со многим – нет, но ясно одно: принципы могут, а возможно, и должны претерпевать изменения, нравится кому-либо это или нет. Дело только в том, чтобы эти

²⁵ Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 10.

²⁶ См.: Фокин Е.А. О перспективах перераспределения судебной компетенции по делам приказного производства // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 48.

²⁷ См.: Крымский Д.И. Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2020. № 12. С. 51–55.

²⁸ См.: Михеев П.В. Пределы ускорения гражданского и административного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.

²⁹ См.: Папулова З.А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.

³⁰ См.: Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: автореферат дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022.

изменения не изменили сущность принципа, не привели к превращению его в противоположность, поскольку именно принципы являются теми «яко-рыми», «рельсами», которые удерживают отрасль права и право в целом в его развитии от превращения в бесправие.

К чему все эти рассуждения? Если никому точно неизвестно, что такое правосудие, какой смысл поиска ответа на вопрос: является ли приказное производство правосудием? Ведь очевидно, что многие принципы в приказном производстве не работают, действуют не в полной мере. Автор настоящей статьи высказался об этом достаточно ясно и предметно³¹.

Дело в подходе к проблеме.

Первый подход: это – не правосудие и судопроизводство, это – не предмет гражданского процесса, это не наше, это ересь, я уываю руки.

Так, С.С. Казиханова³² пишет, что отношения, складывающиеся в приказном производстве, объективно не нуждаются в распространении на них юридического режима гражданского процессуального права, поскольку это привело бы к утрате ими своей сути и исчезновению в том виде (максимально упрощенном и привлекательном с точки зрения быстроты разрешения дела), в котором они существуют. Так, в них практически полностью не действуют базовые основополагающие начала отрасли – принципы гражданского процессуального права (в том числе состязательность), без которой правосудие немислимо. Отношения, возникающие в приказном производстве, не имеют ничего общего с отношениями, складывающимися при отправлении правосудия, существование которых объективно породило потребность в отрасли гражданского процессуального права. Включение в предмет гражданского процессуального права отношений, возникающих в приказном производстве, не просто не согласуется с выработанным в теории права подходом к пониманию предмета отрасли, но и представляет определенную опасность. Вывод о том, что отношения, возникающие в приказном производстве, не входят в предмет отрасли, по существу, означает, что они не нужда-

ются в обязательном участии суда. Автор соглашается с существующей в научной литературе позицией об исключении приказного производства из ведения судов с целью оптимизации нагрузки на судей.

Второй подход: это – правосудие, но неправильное правосудие, правосудие с критическими искажениями, и поэтому следует стремиться к его исправлению возможными средствами. Это наше дело, гражданских процессуалистов, следует направить усилия на его совершенствование, а не отказываться от него, передав в руки нотариусов, помощников судей или искусственного интеллекта. Автор настоящей статьи придерживается второго подхода. И пытается найти ответ на вопрос: что это, если не правосудие?

Попытаемся быть логичными и последовательными. Статья 10 Конституции РФ определяет, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны.

Высказывалось предположение, что приказное производство – это более административная форма защиты права, нежели судебная³³. Если придерживаться такой теории, то это будет означать, что суд выступает как орган исполнительной, а не судебной власти. Логично предположить, что должен быть выработан соответствующий административный регламент указанных действий, отличный от процессуальных кодексов. Оспаривание указанных действий, бездействия и самого приказа должно осуществляться по гл. 22 КАС РФ, как и оспаривание действий и решений других органов власти. Но это, видимо, слишком кардинальный подход к проблеме.

Скорее определенному кругу ученых видится следующая картина позиционирования приказного производства.

В форме судопроизводства:

а) осуществляется правосудие;

б) осуществляется некая иная деятельность, которую нельзя квалифицировать как правосудие, но которая регулируется той же отраслью законодательства, что и правосудие. Приказное производство относится к категории «б».

³¹ См.: Воронов А.Ф. Не могу поступаться принципами. С. 90–97.

³² См.: Казиханова С.С. Отношения, регулируемые нормами, содержащимися в цивилистических процессуальных кодексах, и предмет гражданского процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2. С. 118–127.

³³ См.: Мамедова М.К., Даххаева Н.С. Проблемы приказного производства в российском гражданском процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 2. С. 97.

Поскольку на законодательном уровне разделить первое и второе затруднительно, роль «судей» в этом вопросе берут на себя ученые.

Пусть так. Но что нам это дает? Чем данная схема продуктивна? В том, чтобы сепаратно развивать законодательство, доктрину и практику? Сомнительно³⁴.

Если целью создания подобных схем является отделение приказного производства от деятельности суда, то это можно понять. И можно догадываться, в чьих интересах создание таких схем. Но такой подход требует кардинальных изменений законодательства, прежде всего ч. 3 ст. 35 Конституции РФ: «Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Но будут ли сохранены те имеющиеся в приказном производстве минимальные гарантии защиты прав, за что так усиленно ратуют проводники соответствующих идей, если взыскания будут осуществляться нотариусом, помощником судьи, искуственным интеллектом или еще кем-либо? Весьма сомнительно. И такие сомнения высказывают другие ученые³⁵.

Не лучше ли направить усилия на сохранение и укрепление *имеющихся* гарантий. Например, совершенно очевидным и безусловным шагом в этом направлении явилось бы уведомление должника о подаче заявления о выдаче судебного приказа в гражданском процессе³⁶. Следующими шагами могли бы стать предоставление возможности должнику изложить и представить возражения (отзыв) на заявление, предоставление возможности сторонам приказного производства³⁷ заявлять требование о переходе производства в исковое (или произ-

водство по делам из административных и иных публичных правоотношений по АПК РФ) и т.д. В данном контексте можно согласиться с утверждением С.С. Казихановой о том, что любое проявление активности судом в приказном производстве приведет к увеличению сроков выдачи судебного приказа. Однако выбор между быстротой (которую в настоящее время вполне можно назвать молниеносной) приказного производства и минимизацией рисков вынесения незаконных судебных актов должен быть сделан в пользу последней³⁸.

Библиографический список

1. Банников И.А. Понятие правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2017. № 1.
2. Воронов А.Ф. «Не могу поступаться принципами» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 12 (82).
3. Воронов А.Ф. О формах защиты права // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017.
4. Воронов А.Ф. Стадии гражданского процесса: диверсификация и дифференциация // Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / отв. ред. В. В. Молчанов. М.: Статут, 2023.
5. Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010.
6. Дорошков В.В. Научная дискуссия по поводу понятия и содержания «уголовного правосудия» // Мировой судья. 2023. № 5.
7. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам. Актуальные вопросы. М.: Проспект, 2013.
8. Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.
9. Загайнова С.К. Судебные акты в гражданском и арбитражном процессе: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
10. Казиханова С.С. Отношения, регулируемые нормами, содержащимися в цивилистических процессуальных кодексах, и предмет гражданского процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 2.
11. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., пересмотр. М.: Норма; ИНФРА-М, 2013.

³⁴ Хотя в свое время автор настоящей статьи нечто подобное предлагал. См.: Воронов А.Ф. О формах защиты права // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017. С. 63.

³⁵ См., например: Фокин Е.А. Указ. соч.

³⁶ Проект федерального закона № 235526-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принят в первом чтении) содержит следующее положение: «Статью 124 дополнить частью четвертой следующего содержания: «4. К заявлению о вынесении судебного приказа прилагается документ, подтверждающий уплату государственной пошлины, а также уведомление о вручении или иные документы, подтверждающие направление взыскателем должнику копий заявления о вынесении судебного приказа и приложенных к нему документов» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/235526-8>.

³⁷ Автор считает, что словосочетание «стороны приказного производства», несмотря на изменение законодательства по этому вопросу, наиболее точно отражает взаимоотношения между взыскателем и должником.

³⁸ См.: Казиханова С.С. Указ. соч. С. 124.

12. Комментарий к Конституции Российской Федерации (постатейный): с учетом изменений, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года (коллектив авторов; с обращением к читателям Президента Российской Федерации В.В. Путина; под ред. академика РАН Т.Я. Хабриевой). М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2021.
13. Крымский Д.И. Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2020. № 12.
14. Курочкин С.А. О соотношении понятий «правосудие», «судопроизводство» и «процесс» // «Вестник гражданского процесса». 2022. № 6.
15. Лоцинина Е.И. К вопросу о правовой природе приказного производства в гражданском процессе // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150).
16. Мамедова М.К., Даххаева Н.С. Проблемы приказного производства в российском гражданском процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2019. № 2.
17. Михеев П.В. Пределы ускорения гражданского и административного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020.
18. Папулова З.А. Ускоренные формы рассмотрения дел в гражданском судопроизводстве: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013.
19. Русакова Е.П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: автореферат дис. ... докт. юрид. наук. М., 2022.
20. Сахнова Т.В. Законная сила как атрибут правосудия // Тенденции развития гражданского процессуального права: сборник научных статей: по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Н.А. Чечиной. Юридический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский филиал Института государства и права РАН. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
21. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014.
22. Терехова Л.А. Бесконтактное правосудие // Актуальные проблемы гражданского процессуального права: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения А.Т. Боннера. М.: Проспект, 2017.
23. Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9.
24. Туманов Д.А. Некоторые размышления о правосудии и оптимизации судопроизводства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 8.
25. Фокин Е.А. О перспективах перераспределения судебной компетенции по делам приказного производства // Журнал российского права. 2023. № 7.
26. Шерстюк В.М. «Правосудие» и «судопроизводство»: понятие, соотношение, теоретическое и практическое значение // Законодательство. 2020. № 8.

Реализация принципа доступности правосудия на различных стадиях гражданского судопроизводства

Лидия Александровна Терехова*

Большинство объективно существующих принципов, хотя и находит отражение в нормах отрасли права, не имеет закрепления в виде отдельной, четко сформулированной нормы¹. Сказанное относится и к такому принципу, как доступность правосудия.

Конструируя иерархическую систему принципов гражданского процессуального права из трех уровней, А.Г. Плешанов на первом уровне системы располагает принципы, которые играют определяющую роль в формировании модели гражданского процесса, и это преимущественно функциональные принципы: диспозитивность, состязательность, процессуальное равноправие сторон, *доступность правосудия* (здесь и далее курсив мой. – Л.Т.), судебная истина, судебское руководство. Подобный подход позволяет автору показать, что развитие процессуального законодательства в части применения информационных технологий позволяет существенно обогатить содержание целого ряда принципов гражданского процесса, *не затрагивая сущностных характеристик исторически сформировавшейся* в российской правовой системе смешанной модели судопроизводства, в основе которой лежат принципы состязательности, диспозитивности, судебного руководства, установления истины и *доступности правосудия*².

О доступности правосудия как принципе судопроизводства писали многие авторы³. Также,

учитывая определенную склонность законодателя подменять доступность цифровизацией, в юридической литературе обосновано, что электронные технологии сами по себе доступности правосудия еще не создают⁴.

Принцип доступности правосудия по гражданским делам проявляется на всех стадиях судопроизводства, но проявляется как бы «по нисходящей»: с большим числом гарантий для обращения в суд первой инстанции, с незначительным их уменьшением в отношении апелляционного обжалования и, наконец, со специальными правилами для предъявления жалоб на решения, вступившие в законную силу.

На доступность обращения в суд первой инстанции влияют правила подсудности дел; требования к форме и содержанию искового заявления; способ обращения в суд; судебные расходы.

Прежде всего, обращающийся в суд должен понять из действующего законодательства, в какой конкретно суд ему обратиться. Необходимо разобратся в компетенции мировых судей, районных

судия: это только начало? // Закон. 2018. № 12. С. 135–143; Криско В.С. К вопросу о реализации принципа доступности правосудия и создания единого информационного пространства судебной системы // Администратор суда. 2019. № 1. С. 54–56; Сидоренко В.М. Принцип доступности правосудия и проблемы его реализации в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002; Шакарян М.С. Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Шакарян М.С. Избранные труды. СПб.: Издательский дом Р. Асланова «Юридический центр». 2014. С. 870–876.

⁴ См., например: Брановицкий К.Л. Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1. С. 59–70; Терехова Л.А. Некоторые аспекты доступности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10. С. 12–17; Фокин Е.А. Доступность правосудия, качество закона и развитие арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 120–129.

* Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

¹ См.: Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 35.

² См.: Плешанов А.Г. Информационные технологии и система принципов гражданского процесса: вопросы корреляции // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7. С. 4–6.

³ См., например: Воронов А.Ф. Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг и доступность право-

и областных судов, а также в правилах территориальной подсудности. Областные и равные им суды принимают не так много гражданских дел (связанные с государственной тайной и дела о признании решений иностранных судов и арбитражей). Все остальные гражданские дела распределяются между мировым судьей (где преобладает приказное производство) и районным судом. Территориально эти суды доступны. Но разобраться без юридической консультации в правилах подсудности среднестатистическому гражданину затруднительно.

Оформление искового заявления (ст. 131 ГПК) может вызвать определенные трудности, поскольку некоторые данные (идентификаторы и др.) недоступны гражданину. Законодатель здесь подстраховался и установил в п. 3 ч. 2 ст. 131, что если истцу неизвестны дата и место рождения ответчика, один из идентификаторов ответчика, он может указать об этом в исковом заявлении, и такая информация по запросу суда предоставляется органами Фонда пенсионного и социального страхования РФ либо налоговыми органами, органами внутренних дел. Если истцу неизвестны, помимо прочего, даже фамилия, имя ответчика – он также может указать об этом в исковом заявлении, и суд обязан оказать помощь в получении сведений имеющимися в распоряжении суда средствами. С точки зрения обеспечения доступности правосудия такой подход справедлив, поскольку особый статус суда позволяет не только отправлять запросы в соответствующие органы, но и предполагает обязанность таких органов эти запросы выполнять. Одобрим и правило о сроке принятия искового заявления к производству – он исчисляется со дня получения судом такой информации. Трудности организационного плана и затраты времени ждут заявителя при выполнении требований ст. 132 ГПК к документам, прилагаемым к исковому заявлению. Здесь необходимо иметь в виду, что помощь в сборе документов (доказательств) также может быть оказана судом по ходатайству заявителя (ст. 57 ГПК).

Способ обращения (обычный или электронный) гражданин выбирает сам. При таком подходе доступность не страдает. Граждане не обязаны иметь в своем распоряжении (собственности) необходимое оборудование и владеть навыками работы с ним.

Судебные расходы в суде первой инстанции на этапе подачи заявления состоят из госпошлины и (возможно) оплаты услуг представителя. Размеры

госпошлины и порядок ее уплаты не должны вызывать затруднений. Налоговый кодекс устанавливает значительное количество льгот (ст. 333³⁶, ст. 333⁴¹ НК), множество твердых ставок, размер которых невелик, и только имущественные споры предполагают шкалу, зависимую от цены иска (ст. 333¹⁹ НК). Последняя также считается доступной (минимум – 400 руб., максимум – 60 000).

Что касается услуг представителя при обращении в суд, полагаем, что именно стадия обращения в суд должна быть максимально стандартизированной и упрощена, информация о форме и содержании заявления, необходимых документах – максимально доступна, что сделает возможным обратиться в суд самостоятельно, без помощи представителя. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»⁵ как раз в большей степени ориентирован на такие виды юридической помощи, как консультирование и составление документов. Именно такая помощь при обращении в суд первой инстанции очень важна. Однако действующее российское законодательство о бесплатной юридической помощи еще не находится на должном уровне развития. В частности, размер, порядок оплаты труда адвокатов регулируются нормативными актами субъектов Российской Федерации (ч. 10 ст. 18 ФЗ). Соответствующий Закон Омской области⁶ предусматривает компетенцию Правительства Омской области в определении размера и порядка оплаты труда адвокатов, оказывающих бесплатную юридическую помощь и компенсации расходов на оказание такой помощи (п. 3 ст. 4¹ Закона).

Доступность проверки решения в суде апелляционной инстанции складывается из следующих обеспечиваемых законом возможностей: информированности участников о порядке обжалования; простого оформления жалобы и документов к ней; понятных правил подсудности апелляционных жалоб; комфортности сроков обжалования; доступных размеров государственной пошлины и других расходов⁷.

⁵ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

⁶ Закон Омской области от 27 декабря 2002 г. № 420-ОЗ (ред. 30.10.2023) «О бесплатной юридической помощи и государственной поддержке адвокатской деятельности и адвокатуры в Омской области» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Терехова Л.А. Эффективность процедур ординарного обжалования в гражданском судопроизводстве // Эффективные механизмы цивилистического процесса: кол-

Информированность участников о порядке обжалования как первая составляющая доступности предполагает обязанность суда информировать лиц, участвующих в деле, об их процессуальных правах и обязанностях, среди которых – право обжалования вынесенного решения. Среди требований к резолютивной части решения по делу – указание на срок и порядок его обжалования. Поэтому лица, участвующие в деле (точнее, те из них, кого суд выявил в данном процессуальном качестве и привлек к участию в деле), о возможности обжалования решения и его порядке информированы. Доступность апелляционного обжалования для лиц, не привлеченных судом к участию в деле, вопрос о правах и обязанностях которых был разрешен вынесенным решением, гарантируется иначе: им предоставлено (ч. 3 ст. 320 ГПК РФ) право обжалования, а также право восстановить срок на подачу жалобы (ст. 112 ГПК). Кроме того, предусмотрена и процедура отмены ранее вынесенного апелляционного определения, если результат проверки жалобы с восстановленным сроком окажется иным, чем по ранее поданным жалобам (ч. 2 ст. 330¹ ГПК).

Требования к форме и содержанию апелляционной жалобы, а также требования к прилагаемым документам достаточно просты, а обстоятельства, которые нужно указать в жалобе (ч.ч. 1 и 2 ст. 322 ГПК РФ), в основном известны лицу, подающему жалобу.

Сложности могут возникнуть при обосновании неправильности решения (п. 4 ч. 1 ст. 322 ГПК РФ) и при обосновании представления новых доказательств, если такие имеются (абз. 3 ч. 2 ст. 322 ГПК РФ). Здесь необходима помощь юриста. Если в деле участвует представитель, необходимо оформить его полномочия (ч. 3 ст. 322 ГПК РФ) и позаботиться о копии документа о высшем образовании представителя (ученой степени).

Наличие такого действия, как оставление жалобы без движения для устранения недостатков и предоставление соразмерного срока для их устранения, необходимо также считать проявлением доступности. В данной ситуации лицо, подающее жалобу, получает помощь от суда, указавшего на конкретные недостатки и пути их исправления.

Необходимость уплаты государственной пошлины за подачу жалобы (ч. 4 ст. 322 ГПК РФ) не является препятствием, поскольку размер пошли-

ны невелик. Размеры государственной пошлины следует признать приемлемыми для среднестатистического гражданина (50% от размера государственной пошлины, подлежащей уплате при подаче заявления неимущественного характера (п. 9 ч. 1 ст. 333¹⁹ НК РФ, а это ½ от 300 руб. и 6000 руб. для организаций (п. 3 ч. 1 ст. 333¹⁹ НК РФ)).

Необходимость направления (вручения) другим лицам, участвующим в деле, копии жалобы и прилагаемых к ней документов, которые у других лиц отсутствуют (ч. 4 ст. 322 ГПК РФ), также не должна вызывать трудностей, поскольку адреса участников уже известны по материалам дела.

Правила подсудности жалоб заявителя могут не волновать, так как в резолютивной части решения суда первой инстанции указан конкретный апелляционный суд, в который жалоба направляется.

Большинство апелляционных жалоб подаются в районный и областной суды, которые являются территориально более доступными для граждан. Что касается апелляционных судов общей юрисдикции, то они практически не задействованы при рассмотрении гражданских дел.

Апелляционная жалоба подается через суд, принявший решение (ч. 1 ст. 321 ГПК РФ), что соответствует требованию доступности апелляционного обжалования. Однако в литературе имеется критика такого подхода законодателя, как решение именно судом первой инстанции вопроса о допустимости и приемлемости апелляционной жалобы⁸.

Выбор формы обращения (на бумажном носителе или в электронном виде) остается за лицом, подающим жалобу.

Срок обжалования в один месяц (ч. 2 ст. 321 ГПК) является реальным для выполнения всех действий, необходимых для подготовки и подачи жалобы. Желательно установленный срок соблюдать, в противном случае, несмотря на наличие правил о восстановлении пропущенных по уважительной причине сроков (ст. 112 ГПК), вполне реально лишиться возможности подачи жалобы. Дело в том, что Верховный Суд РФ ориентирует суды общей юрисдикции на достаточно жесткий подход к восстановлению срока и тщательную проверку обстоятельств пропуска срока, в частности, своевременность обращения заинтересованного лица за

лективная монография / под ред. И.В. Рехтиной. Барнаул, 2022. С. 67.

⁸ См., например: Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: Изд-во СПб. Ун-та, 2005. С. 613.

восстановлением срока после отпадения препятствий для подготовки и подачи жалобы⁹.

Проверка решений, вступивших в законную силу, предполагает три уровня судов: кассационный суд общей юрисдикции, Судебная коллегия Верховного Суда РФ и Президиум ВС РФ. Причем в деятельности первой кассационной инстанции – кассационных судов общей юрисдикции, предусмотрены элементы ординарности, главный из которых – доступность подачи жалобы. Именно подачей жалобы, без специальных проверок на предмет ее приемлемости, инициируется кассационное производство. Это небесспорное решение законодателя, поскольку на стадии проверки решений, вступивших в силу, само понятие «доступности» должно претерпеть изменения. Перед законодателем здесь стоит выбор между защитой законной силы решения и возможностью еще одной проверки решения. Если кассационное производство инициируется самим фактом подачи жалобы, это означает, что законодатель приоритет отдает дополнительному способу проверки, а не защите законной силы решения. Фактически правило исчерпания иных способов проверки решения (ч. 1 ст. 376 ГПК) является единственным критерием приемлемости для кассационной жалобы (при условии соблюдения требований к ее форме и содержанию). Возможно, такой подход оправдан для судебных приказов, которые в апелляционном порядке не обжалуются и вступают в силу после истечения срока для ответа должника. Сделать недоступным для них еще и кассационное обжалование (а это могут быть весьма существенные для граждан суммы до 500 000 руб.) – означает лишить граждан судебной защиты.

Доступность кассационных судов общей юрисдикции в физическом плане затруднена, учитывая места нахождения этих судов. «Компенсация» в виде использования дистанционных технологий коммуникации с кассационными судами может приводить к обратному результату, когда недоступной является именно сама электронная коммуникация.

Второе кассационное обжалование и надзорное обжалование – это исключительные способы про-

верки. Вот на этих этапах законодатель уже отдает приоритет защите законной силы решения от необоснованных проверок перед доступностью обжалования. Следовательно, устанавливает вполне справедливые для обеспечения такого приоритета ограничения.

Первое ограничение – фильтрация жалоб, т.е. оценка судьей приемлемости жалобы для рассмотрения в судебном заседании вместе с делом. Соглашаясь с тем, что на данных этапах должны действовать механизмы защиты законной силы решения, выразим мнение, что для реализации принципа доступности правосудия для второй кассационной и надзорной проверок должны быть установлены критерии, по которым производится фильтрация жалоб. Важно, чтобы критерии приемлемости устанавливались законом и прописаны были таким образом, чтобы потенциальный заявитель мог оценить свои шансы на успех обжалования при существующих ограничениях.

Второе ограничение – действующий порядок обжалования решений мировых судей, при котором первая кассационная инстанция фактически является окончательной. Во вторую кассационную инстанцию (ч. 2 ст. 390⁴ ГПК) не могут обжаловаться судебные приказы; решения и определения мировых судей и апелляционные определения, вынесенные по результатам их обжалования. Объектами обжалования не могут быть и определения кассационного суда общей юрисдикции, вынесенные в результате последовательного обжалования актов мировых судей. Исключение составят только такие определения кассационного суда общей юрисдикции, которыми изменялись или отменялись судебные акты мировых судей или вынесенные по результатам их обжалования определения районных судов.

Фактическая недоступность второго кассационного пересмотра и надзорного пересмотра – правильный подход, ошибочно в котором лишь отсутствие критериев приемлемости жалоб, без которых заявители не могут оценить свои шансы на успех.

Таким образом, следует констатировать, что реализация принципа доступности правосудия, хотя в целом и не вызывает нареканий, тем не менее на разных этапах судопроизводства характеризуется возникновением локальных проблем и вопросов. Однако «нисходящий тренд», уменьшение гарантий доступности при переходе от одной инстанции к другой, следует признать верным. В целом

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (п. 20) // СПС «КонсультантПлюс».

законодательство ориентирует граждан на активное участие в судах первой и второй инстанций, гарантируя как доступность обращения к суду первой инстанции, так и доступность апелляционной проверки.

С учетом широких полномочий апелляционных судов по устранению ошибок судов первой инстанции, снижение гарантий доступности последующих обращений (в кассационные инстанции либо в надзорную) не должно рассматриваться как ограничение доступности правосудия.

В заключение необходимо отметить следующее: в качестве одного из принципов, играющих определяющую роль в формировании модели цивилистического процесса, принцип доступности правосудия отличается от таких принципов как состязательность и процессуальное равноправие сторон тем, что он не закреплен в виде отдельной нормы. От принципа диспозитивности, также не закрепленного в виде отдельной нормы, принцип доступности правосудия отличается прежде всего тем, что доступность правосудия во многом связана с развитием международно признанных понятий о правах человека и права на справедливое судебное разбирательство в их числе.

Библиографический список

1. *Брановицкий К.Л.* Использование информационных технологий в контексте оптимизации гражданского судопроизводства // Закон. 2018. № 1.
2. *Воронов А.Ф.* Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М., 2009.
3. *Воронов А.Ф.* Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг и доступность правосудия: это только начало? // Закон. 2018. № 12.
4. *Крисько В.С.* К вопросу о реализации принципа доступности правосудия и создания единого информационного пространства судебной системы // Администратор суда. 2019. № 1.
5. *Плешанов А.Г.* Информационные технологии и система принципов цивилистического процесса: вопросы корреляции // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 7.
6. *Приходько И.А.* Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб.: СПб. Унта. 2005.
7. *Сидоренко В.М.* Принцип доступности правосудия и проблемы его реализации в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
8. *Терехова Л.А.* Некоторые аспекты доступности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 10.
9. *Терехова Л.А.* Эффективность процедур ординарного обжалования в гражданском судопроизводстве // Эффективные механизмы цивилистического процесса: коллективная монография / под ред. И.В. Рехтиной. Барнаул, 2022.
10. *Фокин Е.А.* Доступность правосудия, качество закона и развитие арбитражного процессуального законодательства // Журнал российского права. 2018. № 12.
11. *Шакарян М.С.* Проблемы доступности и эффективности правосудия в судах общей юрисдикции // Шакарян М.С. Избранные труды. СПб.: Издательский дом Р. Асланова «Юридический центр». 2014.

Право на судебную защиту и право быть выслушанным

*Ирина Николаевна Лукьянова**

Современное российское государство предоставляет каждому право на судебную защиту, которое является, с одной стороны, одним из основных прав человека и гражданина, включенных в гл. II «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации, а с другой стороны, – само по себе право на судебную защиту является гарантией всех остальных прав, включенных в гл. II. Хотя в литературе высказывается мнение о том, что в данной норме Конституции «проглядывает явная пропагандистская начинка», так как «у граждан формируется преувеличенное представление о судебной защите прав и свобод: если права нарушены, надо пойти в суд, и справедливость тут же будет восстановлена, когда же люди обращаются в суд, многих охватывает разочарование»¹, думается, что закрепление в Конституции права на судебную защиту является важнейшей и действенной гарантией прав, предоставляемых государством. Государство признает за каждым право получить судебную защиту, суть которого авторитетный теоретик права раскрывает в простой и верной схеме: «Подразумевается право человека на обращение в суд за защитой своего права. Он действительно вправе прийти в суд, быть принятым и выслушанным судьей, а также подать жалобу, заявление, иск. Но дело будет разрешено в соответствии с законом и в его пределах, да еще и с учетом искусства ведения судебной тяжбы»².

* Кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации.

¹ Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2-х томах. Т. 1. Изд. 7, перераб. и доп. М., 2020. С. 795.

² Там же.

Для науки гражданского и арбитражного процесса такой взгляд на содержание права на судебную защиту требует осмысления в системе сложившихся представлений о гражданских процессуальных правоотношениях, об основополагающих идеях цивилистического процесса. Конституционное право на судебную защиту включает, исходя из рассматриваемой схемы, право на доступ к правосудию и право быть выслушанным и услышанным судом.

В современном российском гражданском и арбитражном процессуальном праве право быть выслушанным и быть услышанным судом в качестве принципа, т.е. основополагающей идеи процесса, было предложено профессором В.М. Шерстюком, последовательно отстаивающим свою позицию более двух десятилетий³. Профессор А.Т. Боннер поддерживал такое значение права быть выслушанным⁴.

Однако такая точка зрения на значение права быть выслушанным в отечественной доктрине гражданского права не является общепринятой или хотя бы устоявшейся. Ряд авторов отрицают самостоятельность принципа право быть выслушанным и быть услышанным судом⁵.

³ Профессор Шерстюк В.М. впервые выявил принцип права быть выслушанным в современной российской доктрине цивилистического процесса в статьях: Шерстюк В.М. Тенденции развития принципов гражданского процессуального права // Законодательство. 2019. № 2; Шерстюк В.М. Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: сборник статей. М., 2015. С. 136; Шерстюк В.М. «Право быть выслушанным и быть услышанным» – принцип гражданского процессуального права // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: сборник научных статей. Краснодар; СПб., 2004. С. 84–91.

⁴ См.: Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5.

⁵ См.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 144–145; Фокина М.А. Развитие принципа состоя-

Дискуссия о значении права быть заслушанным и быть услышанным ставит вопрос о критерии, на основании которого та или иная идея может считаться основополагающей, определяющей содержание норм процессуального права, считаться принципом гражданского и (или) арбитражного процесса. Можно предположить, что такое значение идеи приобретают в том случае, если они определяют сущность судебной процедуры разбирательства спора с участием частных лиц, разбирательства, осуществляемого государством. Важнейшим результатом такого разбирательства должен стать особый государственный акт – судебное решение, которое магическим образом наделяется законной силой и которому должны, прежде всего, добровольно подчиняться стороны спора, но также все остальные в силу ст. 13 ГПК и ст. 16 АПК должны считаться с ним как с обязательным актом.

Принятие судебного решения как акта, которому следует подчиниться, даже если решение не отвечает интересам и желаниям стороны (нередко обе стороны остаются недовольны решением, но подчиняются ему), основывается на восприятии решения как справедливого акта, принятого в результате справедливого судебного разбирательства. Возникает вопрос о том, что определяет такое восприятие судебного решения как справедливого и магическим образом заставляет даже недовольных решением лиц подчиняться ему. Ответ ближайший, прагматичный следует искать в той процедуре, которую образует процессуальная форма.

Процессуальная форма, естественный спутник судебной формы защиты права, устанавливается самим государством, чтобы гарантировать процессуальные права участников судопроизводства, прежде всего, сторон. Такие гарантии представляют собой защиту от произвола суда и обеспечивают, прежде всего, возможность сторон реализовать свою основную цель участия в разбирательстве – представить суду свои аргументы и доказательства. Поэтому закрепление именно во второй главе Конституции РФ права на судебную защиту представляет собой явно артикулированную демонстрацию признания российским государством права каж-

дого быть заслушанным судом и получить справедливое судебное решение в ходе справедливого разбирательства, справедливость которого гарантируется процессуальной формой, установленной в соответствующем процессуальном законе. Более того, как следует из ст. 17 Конституции РФ, право на судебную защиту является непосредственно действующим и определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, а, кроме того, обеспечивается правосудием. Таким образом, значение судебной формы защиты как важнейшей гарантии прав и свобод, закрепленных во второй главе Конституции РФ, также закреплено в самой Конституции РФ.

Обеспечение права на судебную защиту правосудием означает не только гарантию проведения судебного разбирательства по обращению лица за судебной защитой, но также соблюдение при отправлении правосудия установленных в процессуальном законе правил, образующих процессуальную форму, отделяющую судебную от иных форм защиты права. Заслуживает внимания замечание, сделанное Н.Н. Ефремовой в своих исследованиях истории правосудия в России, о том, что правосудие является одной из ценностей, обуславливающих обеспеченность прав и свобод личности, и в ретроспективе отражает рост в развитии человеческой свободы от древности до современности⁶. В современной науке гражданского и арбитражного процесса на ценность процессуальной формы для общества указывает Д.А. Туманов. Сущность процессуальной формы он описывает как систему базовых правил осуществления правосудия, которые появились в результате «развития права и учета в нем прав человека», которые «представляют собой особую систему гарантий, всецело направленных на обеспечение безопасности от произвола со стороны как суда, так и любых других лиц, установление действительных обстоятельств дела и реальную (максимально качественную) защиту различных прав и интересов»⁷.

Признать, принять в своем сознании то, что закреплено в решении как правильное и руководствоваться этим «правильным» в своих действиях,

зательности в гражданском и арбитражном процессах, административном судопроизводстве // Принципы гражданского процессуального права: проблемы правового закрепления, толкования и правоприменения: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции 9–10 октября 2020 г. / сост. и ред. З.Ш. Матчанова. СПб., 2020. С. 89–90; *Фурсов Д.А.* Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М., 2009. С. 35.

⁶ См.: *Ефремова Н.Н.* Судебные реформы в России: преемственность и обновление // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: ИГП РАН, 1996. С. 226–252.

⁷ *Туманов Д.А.* Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023.

сторонам и обществу в целом позволяет уверенность в справедливости решения и процедуре его получения, т.е. в справедливости судебного разбирательства.

Справедливость решения и судебного разбирательства важна не только для участников спора, но и для остальных членов общества, которые потенциально рассматривают себя как сторону в споре и которые в обычных, «стандартных» судебных делах хотят видеть подтверждение того, что правосудие государство вершит должным образом и что их права в случае необходимости будут защищены судом. Таким образом, процессуальная форма важна не только для лиц, вовлеченных в судебное разбирательство, но и для общества в целом.

Следовательно, вопрос о том, какие процессуальные гарантии, составляющие процессуальную форму, обеспечивают справедливость решения, а вернее, его восприятие как справедливого участниками судебного разбирательства и обществом, что составляет центральное содержание процессуальной формы, позволит не только продвинуться в поиске ответа на вопрос: что такое справедливость, но также нащупать ту границу, которая отделяет судебную форму от иных форм защиты права. Еще более востребован доктриной, законодателем и судебной практикой ответ на вопрос: до какой степени можно упрощать процессуальную форму, отказываясь от отдельных процессуальных гарантий или целых принципов процесса, без риска преобразования судебной формы защиты права в иную, оставив граждан и иных лиц без судебной защиты.

Идеи, определяющие основные правила разрешения дела, и их содержание, известные как принципы гражданского процессуального права, заслуживают оценки с точки зрения их связи, их влияния на восприятие решения как справедливого проигравшей стороной и обществом в целом. Конституционный Суд РФ вполне обоснованно отмечает, что правосудие по своей сути может признаваться таковым, только если оно отвечает требованиям справедливости⁸.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение «Берег», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод «Микропровод» и «Научно-производственное предприятие Респиратор» // СЗ РФ. 2010. № 6. Ст. 699.

Д.А. Туманов вводит в научный оборот категорию «процессуальные универсалии» – совокупность правовых принципов уважения прав человека и основных свобод, демократии, верховенства права, гуманизма, юридического равенства, обеспечения судебной защиты нарушенных прав, справедливости, а также определяемый в соответствии с юриспруденцией интересов баланс обнаруживаемых в процессе жизни общества интересов, нуждающихся в правовой регламентации и защите⁹.

Такой взгляд на сущность процессуальной формы вполне коррелирует тому, как более 20 лет назад академик Б.Н. Топорнин обозначил задачу судебной власти, которая «должна обеспечивать реализацию конституционного принципа, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства (ст. 2 Конституции РФ)»¹⁰.

В современной доктрине российской теории права профессор А.В. Поляков, основатель подхода к праву как к правовой коммуникации, в поисках основного принципа права акцентирует внимание на том, что правовая коммуникация составляет не просто передачу информации, а представляет собой взаимодействие на основе признания равной правосубъектности и предлагает подходить к проблеме сочетания свободы человека и принудительной силы государства с позиций «коммуникативного принципа», который для такого баланса делает необходимым обязательное признание человека и его прав первичной основополагающей ценностью¹¹.

Возникает вопрос: как такой баланс обеспечить в гражданском процессе, при отправлении правосудия по гражданским делам и в целом по спорам с участием частных лиц? Представляется, что такие принципы, как диспозитивность, состязательность, имеют важное, аксиоматическое значение, как и принцип независимости, или даже шире, беспристрастности суда. Однако заслуживает вни-

⁹ См.: Туманов Д.А. Указ. соч.

¹⁰ Топорнин Б.Н. Развитие судебной реформы: проблемы и перспективы. М., 2001. С. 14.

¹¹ Поляков А.В. Конституция России, традиционные ценности и основной принцип прав / Теоретические и историко-правовые исследования проблем конституционного развития. Вторые Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. М.С. Саликов, О.А. Заячковский. СПб., 2019. С. 20.

мания предложенная ученым-процессуалистом с мировой известностью Мауро Каппеллетти оценка права быть выслушанным как одного из двух фундаментальных положений судебного процесса (как гражданского, так и уголовного), наряду с беспристрастностью суда¹².

Распространившийся в последние два десятилетия в российской науке теории права подход к праву как к правовой коммуникации¹³ дает новый толчок к исследованию значения права быть выслушанным в системе основополагающих идей гражданского процессуального права. Представляется, что именно принцип права быть выслушанным и быть услышанным отражает в пространстве науки гражданского процессуального права такую характерную черту коммуникации, как способность процесса создания и интерпретации сообщений вызывать определенную реакцию¹⁴.

Подход к исследованиям в сфере гражданского процессуального права с учетом отношений между судом, а вернее – судьей, и человеком как правового общения¹⁵, как правовой судебной коммуникации¹⁶ требует учитывать цель обращения за судебной защитой, которая предоставляется специальным субъектом – судом от имени государства и которая обладает специальной формой (процессуальной формой).

¹² Fundamental guarantees of the parties in civil litigation. Studies in National, International and Comparative Law Prepared at the Request of UNESCO Under the Auspices of the International Association of Legal Studies. Edited by Mauro Cappelletti & Denis Tallon. – Milano – Dott. A. Giuffrè Editore. Dobbs Ferry, New York – Oceana Publications, inc., 1973 (General Report – Pp. 742–743). В российскую доктрину гражданского процессуального права фундаментальные положения гражданского процессуального права были введены Е.А. Виноградовой и М.А. Филатовой. См.: Виноградова Е.А. Фундаментальные положения гражданского процессуального права: сборник научных статей «Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. Теория и практика». Краснодар; СПб., 2004. С. 39; Филатова М.А. Фундаментальные гарантии сторон в гражданском процессе: способы закрепления и тенденции развития // Журнал российского права. 2007. № 5.

¹³ Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций: учебник. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.

¹⁴ См.: Гриффин Э. Коммуникация: теории и практики. Харьков, 2015. С. 36.

¹⁵ См.: Мамут Л.С. Правовое общение: очерк теории. М., 2014.

¹⁶ Понятие судебной коммуникации введено в научный оборот Сухоруковой О.В.: Сухорукова О.А. Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2017.

В коммуникации вообще обращение как сигнал, адресованный определенному субъекту, предполагает ожидание ответа. Это совершенно очевидное свойство обращения в бытовом общении действует даже в общении между незнакомыми людьми: ожидается, что вежливый человек что-то ответит на обращенное к нему слово или жест (возможно, словом, а может, и жестом).

Таким образом, если в парадигме правового общения, правовой коммуникации рассматривать обращение человека в суд как сигнал к общению, то его неотъемлемым спутником следует признать желание, намерение обратившегося частного лица быть услышанным и быть выслушанным судом. В равной степени это относится к ответчику, вовлеченному в судебное разбирательство, хотя, как правило, и без его желания, но также ожидающему, что ему будет предоставлена возможность быть выслушанным и услышанным.

Таким образом, когда государство принимает на себя обязательство создать гарантии права на судебную защиту, то обязательной частью их должны быть гарантии, позволяющие обратившемуся за судебной защитой получить ответный «сигнал», который явно демонстрирует готовность государства в лице суда (конкретного судьи) услышать обращение и предоставить возможность быть выслушанным в широком смысле.

Заслуживает внимания особенность судебной коммуникации, которая вытекает из особого положения суда в отношениях с другими участниками процесса: суд обладает властью по отношению к другим участникам судебного разбирательства, и потому сигналы, обращения, предписания суда иные участники внимательно выслушивают и подчиняются им под угрозой наступления неблагоприятных последствий. Специальных правил, обеспечивающих обязанности сторон дела внимательно слушать суд и выполнять распоряжения суда, почти нет (хотя обязанность выслушивать решение суда стоя, обращаться к суду стоя, используя определенное законом обращение, направлены не только на то, чтобы сторона демонстрировала суду почтение, но также чтобы сторона демонстрировала, что она услышала и поняла посылаемый судом «сигнал»).

Стороны и другие участники судебного разбирательства находятся по отношению к суду в положении подчиненном, у них практически отсутствуют возможности заставить суд слушать их внимательно, совершать предусмотренные законом действия.

Для суда источником возникновения обязанностей является закон, и нарушение судом возложенных на него обязанностей, правил проведения судебного заседания в конкретном разбирательстве не влечет автоматически ответственности. Только в случаях и в порядке, определенном процессуальным законом, участники разбирательства могут требовать устранения «ошибок» суда (и только грубейшие нарушения процессуальных правил, которые являются безусловными основаниями к отмене решения или которые привели или могли привести к вынесению неправильного решения, дают право требовать отмены решения, но не влекут последствий для судьи, рассматривавшего дело). Такой механизм обеспечивает независимость судьи от сторон и других участников процесса.

Означает ли это, что суд может нарушать установленные процессуальным законодательством правила проведения судебного заседания, рассматривая их как ненужные формальности, которые отбирают драгоценное время? Можно ли отказаться от этих «формальностей», сократить их, максимально упростив процедуру рассмотрения дела в целях процессуальной экономии? Профессор Е.В. Васьковский предостерегал от того, чтобы интересы процессуальной экономии были поставлены выше правил судебного разбирательства: «Удобство производства имеет по сравнению с правильностью решений второстепенное значение. Процесс, в котором дела разрешались бы скоро и легко, но неправильно, не представлял бы для граждан никакой ценности. Они всячески избегали бы обращения к суду и прибегали бы к другим способам разрешения споров: третейским судам, мировым сделкам, самоуправству»¹⁷.

Однако современный законодатель последовательно упрощает судебную форму защиты права для «удобства» суда, в целях сокращения нагрузки на судейский корпус, начиная с введения упрощенного производства в АПК 2002 г. и, прежде всего, за счет сокращения процессуальных прав сторон, образующих право быть заслушанным судом. Необходимы ли вообще такие процессуальные права и какое место они занимают в системе процессуальных гарантий, образующих процессуальную форму?

Учитывая, что процессуальная форма является необходимой характеристикой судебной фор-

мы защиты, право быть заслушанным и быть услышанным судом, как представляется, должно быть признано в доктрине и судебной практике центральной частью гарантий, образующих процессуальную форму, и по праву занять место самостоятельного принципа в системе принципов цивилистического процесса. Признание гарантий права быть заслушанным судом означает соблюдение этих гарантий судом при рассмотрении каждого конкретного дела. Таким образом суд демонстрирует уважение к каждому участнику судебного разбирательства, не понижая его положение игнорированием его прав, а признавая его значимость как равного себе субъекта правового общения, правовой коммуникации, который заслуживает быть заслушанным и быть услышанным. Только от суда как «руководителя» судебного производства зависит создание условий для правовой судебной коммуникации.

Необходимой частью правовой судебной коммуникации является не просто признание в законе гарантий права быть заслушанным, но их признание в деятельности суда, т.е. действия суда по созданию условий для реализации права быть заслушанным и быть услышанным. Если суд пренебрегает совершением таких действий, другим участникам судебного разбирательства таким бездействием посылается «сигнал» о непризнании их судом равным участником правовой судебной коммуникации. Ответная реакция на такой сигнал носит естественный характер – такой сигнал воспринимается как проявление неуважения и вызывает встречные неуважение, отказ в признании контрагента субъектом коммуникации. «Могущество ничего не стоит без уважения, ... господство без справедливости заслуживает презрения», – отмечает известный философ – исследователь взаимности М. Энаф¹⁸.

Таким образом, в силу действующих в коммуникации между людьми законов, несоблюдение судьей установленных процессуальных законом правил, направленных на создание условий для реализации участниками конкретного разбирательства права быть заслушанным и услышанным судом в широком смысле на протяжении всего судебного производства по делу, разрушает судебную коммуникацию и усилия всех – от законодателя, судебного департамента и до секретаря

¹⁷ Васьковский Е.В. Учебник гражданского процесса. М., 2017. Переиздание. Краснодар, 2003. С. 122–123.

¹⁸ См.: Энаф М. Дар философов. Переосмысление взаимности / пер. с франц. И.С. Вдовина, Г.В. Вдовина, Л.Б. Комиссарова. М., 2015. С. 9.

судебного заседания – по созданию условий для надлежащего выполнения функции государства по отправлению правосудия оказываются нивелированы. Экономия времени судебного заседания на сокращении процессуальных гарантий влечет утрату доверия к суду, восприятие процедуры рассмотрения дела и ее результата – судебного решения как справедливых в силу исчезновения из судебной коммуникации взаимного признания ее сторонами. Едва ли такая экономия может быть оправданна, когда отказ от процессуальных формальностей лишает в глазах сторон и общества деятельность суда оценки как справедливой деятельности по рассмотрению и разрешению дел, без которой не остается правосудия. Скорее она обходится слишком дорого во всех измерениях.

Сокращение процессуальных гарантий в процессуальном законодательстве без учета потребности частных лиц в таких гарантиях при рассмотрении конкретных категорий дел (как известно, в гражданском и арбитражном процессе сегодня критерием рассмотрения дела в порядке упрощенного производства является только размер взыскиваемой суммы, даже в спорах об истребовании недвижимого имущества¹⁹) способно повлечь утрату восприятия населением деятельности судебной системы как справедливой, а значит, как деятельности государства по осуществлению функции по отправлению правосудия.

Выявление тех основополагающих гарантий права на судебную защиту, которые образуют существенное содержание процессуальной формы, и их реальное предоставление судом при рассмотрении каждого дела, а также внимательное, взвешенное отношение к сокращению процессуальных гарантий при введении упрощенных процедур разрешения дел судом являются насущной потребностью современного российского общества и государства, а следовательно, и важнейшим предметом изучения для науки гражданского и арбитражного процессуального права.

В силу изложенного выше право быть выслушанным видится той основополагающей идеей, которая несет центральную нагрузку, является стержнем системы правил, образующих процессу-

альную форму, одной из важнейших «процессуальных универсалий». Необходимым условием формирования доверия общества к суду и государству является предоставление государством в лице суда реальной возможности реализовать право быть выслушанным в том смысле, который вкладывается обществом в него для того, чтобы процедура и выносимое судом решение воспринимались обществом как справедливые и принимались как акты, которым необходимо добровольно подчиняться и следовать.

Библиографический список

1. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2-х томах. Т. 1. Изд. 7, перераб. и доп. М., 2020.
2. *Боннер А.Т.* Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5.
3. *Васьковский Е.В.* Учебник гражданского процесса. М., 2017. Переиздание: Краснодар, 2003.
4. *Виноградова Е.А.* Фундаментальные положения гражданского процессуального права // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. Теория и практика: сборник научных статей. Краснодар; СПб., 2004.
5. *Гриффин Э.* Коммуникация: теории и практики. Харьков, 2015.
6. *Ефремова Н.Н.* Судебные реформы в России: преемственность и обновление // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М.: ИГП РАН, 1996.
7. *Мамут Л.С.* Правовое общение: очерк теории. М., 2014.
8. *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003.
9. *Поляков А.В.* Конституция России, традиционные ценности и основной принцип прав // Теоретические и историко-правовые исследования проблем конституционного развития. Вторые Прокопьевские чтения: материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. М. С. Саликов, О. А. Заячковский. СПб., 2019.
10. *Поляков А.В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций: учебник. СПб.: Изд. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004.
11. *Сухорукова О.А.* Эффективность гражданского судопроизводства: коммуникативный аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2017.
12. *Топорнин Б.Н.* Развитие судебной реформы: проблемы и перспективы. М., 2001. С. 14.
13. *Туманов Д.А.* Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023.

¹⁹ Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // СПС «КонсультантПлюс».

14. *Филатова М.А.* Фундаментальные гарантии сторон в гражданском процессе: способы закрепления и тенденции развития // Журнал российского права. 2007. № 5.
15. *Фокина М.А.* Развитие принципа состязательности в гражданском и арбитражном процессах, административном судопроизводстве // Принципы гражданского процессуального права: проблемы правового закрепления, толкования и правоприменения: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции / сост. и ред. З.Ш. Матчанова. 2020.
16. *Фурсов Д.А.* Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса. М., 2009.
17. *Шерстюк В.М.* «Право быть выслушанным и быть услышанным» – принцип гражданского процессуального права // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика: сборник научных статей. Краснодар; СПб., 2004.
18. *Шерстюк В.М.* Современные проблемы гражданского и арбитражного судопроизводства: сборник статей. М., 2015.
19. *Шерстюк В.М.* Тенденции развития принципов гражданского процессуального права // Законодательство. 2019. № 2.
20. *Энафф М.* Дар философов. Переосмысление взаимности / пер. с франц. И.С. Вдовина, Г.В. Вдовина, Л.Б. Комиссарова. М., 2015.
21. Fundamental guarantees of the parties in civil litigation. Studies in National, International and Comparative Law Prepared at the Request of UNESCO Under the Auspices of the International Association of Legal Studies. Edited by Mauro Cappelletti & Denis Tallon. – Milano – Dott. A. Giuffrè Editore. Dobbs Ferry, New York – Oceana Publications, inc., 1973.

Многоликая добросовестность в процессуальном праве

*Ирина Валентиновна Решетникова**

Исторически понимание добросовестности уходит корнями в римское право, в котором *bona fides* как юридический термин означал «добрые услуги», «добросовестность», правдивость. Этимология слова «добросовестный» прозрачна – «добрая совесть», что предполагает надлежащую реализацию прав без нарушения прав и законных интересов других участников правоотношений¹.

Добросовестность в процессуальном праве может выполнять разные функции: быть принципом права, правовой презумпцией и элементом предмета доказывания.

* Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева.

¹ См.: *Крусс И.А.* Значение презумпции процессуальной добросовестности в современном гражданском процесс: российский и зарубежный опыт // Юридическая техника. 2010. № 4. С. 290–291.

Добросовестность как межотраслевой правовой принцип

Сложившееся в обществе понимание применительно к принципу добросовестности является правовой материализацией духа права в конкретных правоотношениях, ему подчиняется вся правовая жизнь. Принцип добросовестности подлежит применению тогда, когда имеющиеся правовые нормы не дают того правового результата, который должен достигаться. Добросовестность имеет значение везде, где складываются отношения между двумя и более лицами. Из сказанного очевидно, что принцип добросовестности претендует быть общеправовым.

Практически все законодательство ориентировано на законопослушного и добросовестного субъекта правоотношений, который действует согласно предписанным правилам, не нарушая пра-

ва и интересы иных участников правоотношений. В связи с этим добросовестность даже глубже понятия законность, ибо связана с естественными правами – ожидать от всех участников отношений добросовестного поведения, где добросовестность ассоциируется с честностью² и порядочностью. Наверно, поэтому Конституция РФ, перечисляя права и свободы гражданина, наряду с правом на жизнь (естественное право человека), говорит о том, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17)³, что и является проявлением добросовестности в правоотношениях. Возможно, именно эта естественность, которая должна быть присуща человеку, и послужила некой причиной того, что законодательно принцип добросовестности долгое время не находил свое закрепление в законе. В науке в большинстве своем вспоминали о добросовестности в противовес злоупотреблению правом, которое нередко рассматривается как высшая форма недобросовестного поведения⁴.

В последнее время все активнее стали говорить о необходимости закрепления принципа добросовестности в процессуальном законодательстве⁵, следуя за гражданским правом, где с 2013 г. закреплён принцип добросовестности (п. 3 ст. 1 ГК РФ)⁶.

Но и до указанного законодательного нововведения в гражданском праве добросовестность рассматривалась в качестве основного начала соответствующей отрасли права: при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участни-

ки гражданских правоотношений должны были действовать добросовестно (п. 3 ст. 4 ГК РФ), никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (п. 4 ст. 10 ГК РФ). Дальнейшее развитие данного положения содержится в п. 1 ст. 10 ГК РФ: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)». Конкретизация приведенного положения гражданского законодательства содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление № 25), где добросовестное поведение определено как ожидаемое поведение от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе, в получении необходимой информации⁷.

В процессуальном законодательстве отсутствует раскрытие принципа добросовестности. Хотя еще в 80-е годы прошлого века В.М. Семенов выделял добросовестность в гражданском процессуальном праве в качестве принципа, отражающего общие требования честности, добросовестности, правдивости, предъявляемых требований обществом к гражданам⁸. Отметим важный момент: В.М. Семенов, рассматривая принцип как требование действовать добросовестно, относил добросовестность к межотраслевым принципам права.

Сегодня в процессуальном законодательстве имеется упоминание (но не раскрытие) принципа добросовестности: судебное примирение осуществляется на основе принципов независимости, беспристрастности и добросовестности судебного примирителя (ч. 2 ст. 138⁵ АПК, ч. 2 ст. 153⁶ ГПК, ст. 137⁶ КАС).

⁷ Абзац 3 п. 1 постановления № 25. Однако данное положение не работает в банкротстве, в котором участвуют не две стороны правоотношений, а множество лиц, большая часть из которых состоит в правоотношениях только с должником (Судьи и адвокаты обсудили перспективы реализации принципа добросовестности в российском праве // Адвокатская газета. 18.07.2019. С. 3–6).

⁸ См.: Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982. С. 90–91; Курс советского гражданского процессуального права: в 2-х томах. Т. 1. М.: Наука, 1981. С. 174–175 (автор – В.М. Семенов).

² М.М. Агарков определял добросовестность через честность в отношениях между людьми. См.: Агарков М.М. Проблемы злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2-х томах. Том 2. М., 2022. С. 375–376.

³ М.К. Сулейменов относит принцип добросовестности к общеправовым принципам. См.: Сулейменов М.К. Добросовестность в гражданском процессе // Информационная программа «ПАРАГРАФ»: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35533636. С. 1.

⁴ См., например: Федин И.Г. Актуальные вопросы развития предмета доказывания в арбитражном и гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3.

⁵ Лебедев предложил изменить ГПК и АПК // <https://pravo.ru/news/view/141199?cl=A>.

⁶ В ГК РФ принцип добросовестности упоминается часто, например: ст. 1, п.п. 3, 4; ст. 6, п. 2; ст. 10; ст. 53, п.п. 2, 3; ст. 652, п. 4; ст. 157, п. 3; ст. 166, п.п. 5; ст. 179, п. 2; ст. 220; ст. 307, п. 3; ст. 4311; ст. 4312, ст. 432, п. 3; ст. 4341; ст. 450, п. 4; ст. 4501, п.п. 4, 5, 6; ст. 451 ГК РФ.

В остальных случаях в процессуальных нормах упоминается о добросовестности как норме поведения субъектов процессуальных отношений:

- лица, участвующие в деле, должны *добросовестно* пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 1 ст. 35 ГПК, ч. 2 ст. 41 АПК, ст. 45 КАС). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46⁹ закреплено наличие принципа добросовестности лиц, участвующих в деле;
- специалист дает консультацию *добросовестно* и беспристрастно исходя из профессиональных знаний и внутреннего убеждения (ч. 2 ст. 8 АПК);
- лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, обязано *добросовестно* защищать права и законные интересы группы лиц (ч. 2, п. 2 ч. 4 ст. 225¹⁰⁻¹ АПК, ч. 2, п. 2 ч. 4 ст. 244²² ГПК) и т.д.

Многие положения о добросовестности вытекают из закона, хотя прямо не называются. Так, очевидно, что представитель должен действовать добросовестно по отношению к своему доверителю, соблюдая и защищая его права законными методами; эксперт должен добросовестно относиться к проведению исследования и даче заключения; переводчик призван быть добросовестным при выполнении своих обязанностей в суде и пр.

Добросовестность распространяется на всех субъектов процессуальных правоотношений, включая даже суд, что вытекает из Кодекса судейской этики: судья должен добросовестно, на высоком профессиональном уровне исполнять свои обязанности, принимать все меры для своевременного и квалифицированного рассмотрения дела, а также содействовать примирению сторон (п.п. 1, 2 ст. 11 Кодекса судейской этики¹⁰). Добросовестность судьи проявляется и в своевременности заявления самоотвода и пр.

В судебной практике также признается наличие принципа добросовестности. Верховный Суд РФ характеризует злоупотребление правом как действие лица в пределах предоставленных ему прав недозволенным образом¹¹. Отсюда следует, что

добросовестность – это дозволенное поведение в пределах предоставленных законом прав.

Можно выделить основные черты добросовестности как принципа гражданского процессуального права:

- 1) это законодательное требование к субъектам процессуальных правоотношений действовать добросовестно, как это ожидается от них;
- 2) соблюдение субъектами процессуальных правоотношений прав и законных интересов других участников;
- 3) отсутствие намерения причинить вред другим субъектам правоотношений и непричинение такого вреда;
- 4) отсутствие намерения у субъектов процессуальных правоотношений извлекать преимущество из своего недобросовестного поведения.

Законодательство (как процессуальное, так и гражданское) обычно предусматривает последствия за недобросовестное поведение субъектов соответствующих правоотношений. Процессуально-правовые последствия могут различаться. Прежде всего недобросовестное поведение может повлиять на исход разрешения судебного спора, в частности привести к отказу в удовлетворении требований. В качестве последствий могут быть признание условия, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона, соответственно наступившим или ненаступившим (п. 3 ст. 157 ГК); заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (п. 5 ст. 166 ГК) и т.д.¹² Здесь приведены примеры последствий из гражданского права.

Недобросовестное поведение может быть признано злоупотреблением правом. В этом случае закон предусматривает определенные санкции. Например, арбитражный суд вправе отнести все судебные расходы по делу на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами или не выполняющее своих процессуальных обязанностей, если это привело к срыву судебного заседания, затягиванию судебного процесса, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта (ч. 2 ст. 111 АПК). Злоупотребление правом может быть и при предъ-

⁹ Абзац 2 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Российская газета. 2022. 14 янв.

¹⁰ Кодекс судейской этики, утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г.

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 14 апреля 2015 г. № 33-КГ15-5.

¹² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

явлении необоснованного иска¹³, в результате суд откажет в удовлетворении иска.

Недобросовестность поведения стороны может привести и к необходимости пересмотра судебного акта. При рассмотрении спора по существу суд истребовал оригинал соглашения у ответчика, однако ответчик скрыл от суда это соглашение, впоследствии представив его в другое дело о взыскании долга. Таким образом, в отношении вопроса о существовании соглашения ответчик вел себя противоречиво и непоследовательно, преследуя исключительно собственную выгоду в каждом конкретном деле, что свидетельствует о его недобросовестности. По мнению суда, в подобной ситуации представление ответчиком во второе дело оригинала соглашения о расторжении открывало для его процессуальных оппонентов возможность ревизии результатов первого дела¹⁴.

Процессуальные санкции могут предусматривать запрет или ограничение для тех, кто был недобросовестным. К примеру, сторона не раскрыла доказательства другой стороне, закон ограничивает возможность исследования таких доказательств и их представления в апелляционной инстанции. В качестве санкции за недобросовестное поведение может быть установлена процессуальная фикция. К примеру, ч. 3 ст. 79 ГПК (при уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях (*автор – проявление недобросовестности*)), если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым). Другой пример процессуальной фикции – признание судебного извещения надлежащим в случаях, предусмотренных п.п. 1, 2 ч. 4 ст. 123 АПК.

Понимание принципа добросовестности имеет единые корни, толкование и последствия в трех процессуальных отраслях права: гражданском, арбитражном и административном процессуальном праве, что позволяет говорить о межотраслевом характере принципа добросовестности.

Если исходить из того, что в основе добросовестности лежит нравственность поведения человека, то добросовестность можно понимать не только как межотраслевой, но и как общеправовой принцип.

Добросовестность как правовая презумпция

Презумпция добросовестности – одна из наиболее старых презумпций, известная еще римскому праву – каждый предполагается честным, пока не доказано обратное (*quivis praesumitur bonus donec probetur contrarium*).

В российском праве впервые презумпция добросовестности была закреплена в ст. 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик от 31 мая 1991 г.

В судебной практике Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ неоднократно подчеркивалось наличие как принципа, так и презумпции добросовестности. Как отмечал Высший Арбитражный Суд РФ: «Судебная практика разрешения налоговых споров исходит из *презумпции добросовестности* налогоплательщиков и иных участников правоотношений в сфере экономики»¹⁵.

Рассматриваемая презумпция добросовестности является опровержимой, что подчеркивает и Верховный Суд РФ¹⁶.

Верховный Суд РФ неоднократно акцентировал внимание судов на действии презумпции добросовестности. Юридически значимыми обстоятельствами, которые подлежат установлению при рассмотрении иска о взыскании задолженности по оплате ресурса, являются факт передачи ресурса для энергоснабжения МКД, его количество, цена и качество. С учетом установленной п. 5 ст. 10 ГК РФ презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий, а также по смыслу ст.ст. 469, 474–477, 542 ГК РФ надлежащее качество ресурса предполагается (презюмируется)¹⁷.

Распространение презумпции добросовестности в различных отраслях права позволяет говорить о ее межотраслевом характере.

¹³ См.: Гурвич М.А. Право на иск. М., Л., 1949.

¹⁴ См. подробнее: Султанов А.Р. Борьба с пробелами в Налоговом кодексе Российской Федерации и фиксированными идеями в налоговых спорах: монография. М.: Статут, 2022.

¹⁵ Пункт 1 постановления Пленума ВАС РФ от 12 октября 2006 г. № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды».

¹⁶ Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2014 г. по делу № 309-ЭС14-923.

¹⁷ Обзор Верховного Суда РФ № 1 за 2021 год.

Добросовестность участников правоотношений как элемент предмета доказывания

Верховный Суд РФ нередко отмечает необходимость установления добросовестности при рассмотрении различных категорий дел. Например, при оспаривании действий судебного пристава в предмет доказывания по делу входит добросовестность исполнения им своих обязанностей¹⁸. При разрешении вопроса о возможности освобождения должника от дальнейшего исполнения обязательств принимается во внимание, помимо прочего, его поведение в период производства по делу о несостоятельности (банкротстве), в том числе проверяется, имело ли место добросовестное сотрудничество должника с судом, финансовым управляющим его имуществом¹⁹.

Р.С. Бевзенко, комментируя ст. 8¹ ГК, пишет, что «нет никакой презумпции добросовестности, и в Пленуме № 25 ошибка. Приобретатель должен ДОКАЗАТЬ, что он добросовестный, что он смотрел реестр и на тот момент из реестра не было видно, что отчуждатель не имеет права на недвижимость»²⁰. Согласно ст. 8¹ ГК приобретатель недвижимого имущества, полагавшийся при его приобретении на данные государственного реестра, признается добросовестным (ст.ст. 234 ГК и 302 ГК), пока в судебном порядке не доказано, что он знал или должен был знать об отсутствии права на отчуждение этого имущества у лица, от которого ему перешли права на него. Следовательно, в предмет доказывания по данной категории дел входит установление добросовестности приобретателя, а именно: на момент совершения сделки был изучен государственный реестр, из которого следовало, что отчуждатель не имел прав на эту недвижимость. Но означает ли такое указание закона на отрицание презумпции добросовестности? В данном случае лишь указан юридический факт, из которого можно сделать вывод о добросовестности субъекта спора или иными словами об ожидаемом поведении.

¹⁸ Пункт 9 Обзора Верховного Суда РФ № 1 за 2021 год.

¹⁹ Пункт 42 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»; определение Верховного Суда РФ от 12 января 2021 г. № 305-ЭС20-20781.

²⁰ Бевзенко Р.С. Что такое добросовестность при приобретении недвижимости? // Новелла ст. 8.1 ГК РФ// https://zakon.ru/blog/2019/12/18/chto_takoe_dobrososvestnost_pri_priobretenii_nedvizhimosti_novella_st_81_gk_rf (дата обращения: 09.11.2023).

Добросовестность – это ведь не просто пассивное поведение, а определенные ожидаемые действия или воздержание от таковых. В приведенном примере таким ожидаемым действием добросовестного лица является ознакомление с государственным реестром на момент заключения сделки. На основании совершения названных действий есть основания говорить о его добросовестности. Ровно, как и противоположная сторона, вправе опровергнуть данный факт, доказав тем самым недобросовестность.

Далее Р.С. Бевзенко отмечает, что добросовестность, доказанная приобретателем, разумеется, опровержима. «Для этого, – как пишет Р.С. Бевзенко, – могут быть использованы самые разные доказательства. Например, родственная или корпоративная связь между отчуждателем и приобретателем; из выписки видно, что отчуждатель приобрел недвижимость незначительное время назад»²¹. Естественно, противоположная сторона, выполняя свое бремя доказывания, способна убедить суд в обратном. Ведь презумпция добросовестности опровергаемая.

В гражданском праве немало аналогичных примеров, когда, несмотря на презумпцию добросовестности, по отдельным категориям дел предполагается ее доказывание с помощью установления тех или иных фактов, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ раскрывается, что понимается под добросовестностью в том или ином случае. Например, при разрешении споров, связанных с возникновением права собственности в силу приобретательной давности, давностное владение является добросовестным, если лицо, получая владение, не знало и не должно было знать об отсутствии оснований у него права собственности. В п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» отмечено, что критерий добросовестности отражает сложность добросовестности как оценочного понятия, допускающего ее различные проявления применительно к различным категориям дел.

Является ли данный подход отрицанием презумпции добросовестности?

В связи с возможностью рассмотрения добросовестности как элемента предмета доказывания

²¹ Там же.

и в то же время как правовой презумпции встает вопрос о пределах действия последней. Если презумпция распространяется на всех, то в любом случае подлежит презюмированию добросовестность. Если же в нормах права говорится о необходимости установить добросовестность чьих-то действий, то следует, что презумпция носит ограничительный характер. Этот вопрос применительно к гражданскому праву рассматривался Ю.В. Виниченко. По мнению Ю.В. Виниченко, прежняя редакция ст. 10 ГК (п. 3) предусматривала ограничение сферы действия презумпции добросовестности исключительно теми случаями, когда закон ставит защиту гражданских прав участника гражданских правоотношений в зависимость от его добросовестности. В настоящее время такие ограничения из текста закона исключены, что свидетельствует о более общем характере презумпции добросовестности²². В том же направлении дано разъяснение Верховным Судом РФ: оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника²³. Вместе с тем в нормах особенной части ГК остаются положения по которым необходимо установить добросовестность действия, что означает включение указанного факта в предмет доказывания по той или иной категории дела (например, ст. 8¹, 65², 166, 179 и др. ГК). Возможно, во всех подобных случаях будет меняться отношение к стандарту доказывания: если по большинству категорий дел, где нет дополнительного указания закона на необходимость установления определенных фактов в качестве подтверждения добросовестности, суд может исходить из обычного «ожидаемого поведения» лица (по терминологии постановления Пленума ВС РФ № 25). Там, где законодательно требуется установление определенных фактов в подтверждение добросовестности, там усложняется стандарт доказывания: мало при разрешении дела исходить из ожидаемого поведения лица, требуется также установление конкретных фактов, из которых делается вывод о добросовестности поведения. В этом случае добросовестность

является выводом из установленных иных юридических фактов.

Для обоснования возможности подхода к добросовестности как правовой презумпции и в то же время как факту предмета доказывания обратимся к классикам. Д.И. Мейер определял презумпции как признание факта существующим, по вероятности, в силу существования других фактов²⁴. В нашей конструкции добросовестность признается имеющей место в силу существования других фактов, в частности, факта ознакомления с государственным реестром на момент заключения сделки.

И.Г. Оршанский рассматривал истинный и нормативный тип презумпции как проявляющий себя во всех тех случаях, когда закон предписывает от одного юридического факта заключать о существовании другого, и это заключение обязательно для суда, пока противное не будет доказано²⁵. В нашем примере ознакомление с реестром – юридический факт, из которого делается вывод о добросовестности. Вывод может быть опровергнут.

Практически аналогичный подход высказывался О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородским: «Предположение о существовании юридического факта, вызвавшего наступление данных конкретных юридических последствий, называется презумпцией»²⁶.

Презумпция – предположение о наличии или отсутствии определенных фактов, основанное на связи между предполагаемыми фактами и фактами наличными и подтвержденное предшествующим опытом. В основе презумпций лежит социальный опыт, многократно проверенное практикой знание о том, что презюмируемое – типичный, вероятный при данных условиях факт²⁷. В нашем случае соци-

²⁴ См.: Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 1997. С. 192.

²⁵ Цит. по: Сулейменов М.К. Юридические факты в гражданском праве: проблемы теории и практики // Выступление в Алматы 21–22 мая 2015 г. на Международной научно-практической конференции в рамках ежегодных цивилистических чтений «Юридические факты как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений», посвященная 20-летию НИИ частного права и 10-летию Казахстанского Международного Арбитража и организованной НИИ частного права Каспийского университета, Германским обществом по международному сотрудничеству (GIZ), Юридической фирмой «Зангер» и Казахстанским Международным Арбитражем // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33796397&pos=5;-107#pos=5;-107 (дата обращения: 09.11.2023).

²⁶ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Изд. Юрид. литература, 1961. С. 262.

²⁷ См.: Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. М.: Городец, 2010. С. 361.

²² См.: Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в российском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2. С. 286–301.

²³ Абзац 3 п. 1 постановления Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

альный опыт был заменен на опыт юридический, что и выразилось в указании на юридический факт, который должен иметь место, если приобретатель является добросовестным.

Если применительно к принципу и презумпции добросовестности было логично говорить о межотраслевом и даже возможно общеправовом характере, то применительно к предмету доказывания однозначно просматривается взаимосвязь между отраслями процессуального права и материального права (прежде всего, гражданского права), ибо именно нормы материального права чаще всего выступают источником формирования предмета доказывания. Сохранение в нормах права требования об установлении добросовестности на основании доказывания определенных фактов не ограничивает сферу действия добросовестности как правовой презумпции, но конкретизирует факты, подтверждающие наличие добросовестности в различных категориях дел.

Библиографический список

1. *Азарков М.М.* Проблемы злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2-х томах. М., 2022.
2. *Бевзенко Р.С.* Что такое добросовестность при приобретении недвижимости? // Новелла ст. 8¹ ГК РФ // https://zakon.ru/blog/2019/12/18/chto_takoe_dobrosovestnost_pri_priobretenii_nedvizhimosti_novella_st_81_gk_rf 9 (дата обращения: 09.11.2023).
3. *Виниченко Ю.В.* О презумпции добросовестности в российском праве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, кн. 2.
4. *Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало.* Т. 1. М.: Статут, 2016.
5. *Гурвич М.А.* Право на иск. М., Л., 1949.
6. *Иоффе О.С., Шаргородский М.Д.* Вопросы теории права. М.: Юрид. литература, 1961.
7. *Крусс И.А.* Значение презумпции процессуальной добросовестности в современном гражданском процесс: российский и зарубежный опыт // Юридическая техника. 2010. № 4.
8. *Курс советского гражданского процессуального права / под ред. А.А. Мельникова и др.: в 2-х томах.* Т. 1. М.: Наука, 1981.
9. *Лебедев предложил изменить ГПК и АПК* // <https://pravo.ru/news/view/141199/?cl=A>.
10. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М.: Статут, 1997.
11. *Российское гражданское право: учебник в 2 т. Т. 1 / под ред. Е.А. Суханова.* М.: Статут, 2010.
12. *Семенов В.М.* Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М., 1982.
13. *Судьи и адвокаты обсудили перспективы реализации принципа добросовестности в российском праве* // Адвокатская газета. 2019. 18 июля.
14. *Сулейменов М.К.* Добросовестность в гражданском процессе // Информационная программа «ПАРАГРАФ»: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35533636.
15. *Сулейменов М.К.* Юридические факты в гражданском праве: проблемы теории и практики // Выступление в Алматы 21–22 мая 2015 г. на Международной научно-практической конференции в рамках ежегодных цивилистических чтений «Юридические факты как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений», посвященная 20-летию НИИ частного права и 10-летию Казахстанского Международного Арбитража и организованной НИИ частного права Каспийского университета, Германским обществом по международному сотрудничеству (GIZ), Юридической фирмой «Зангер» и Казахстанским Международным Арбитражем // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33796397&pos=5;-107#pos=5;-107 (дата обращения: 09.11.2023).
16. *Султанов А.Р.* Борьба с пробелами в Налоговом кодексе Российской Федерации и фиксированными идеями в налоговых спорах: монография. М.: Статут, 2022.
17. *Протасов В.Н., Протасова Н.В.* Лекции по общей теории права и теории государства. М.: Городец, 2010.
18. *Федин И.Г.* Актуальные вопросы развития предмета доказывания в арбитражном и гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3.

Непосредственность гражданского процесса – что это?

Всеволод Владимирович Аргунов*

Введение. Непосредственность гражданского судопроизводства – одна из древнейших процессуальных «максим», выражающаяся в том, что участники процесса действуют лично: лично взаимодействуют между собой, с судом, с окружающей средой – с общей целью справедливого, полного и своевременного разрешения дела. Древняя концепция об индивидуализации юридических действий личностью их субъекта, предполагающая, что одни и те же действия, но совершенные разными лицами, являются различными, а поэтому непередаваемы и незаменимы, наиболее близка к реальности человеческого общежития в этом мире. Первоначально перенесенная в право вообще она потеряла свою значимость для гражданского права по экономическим соображениям из-за целей, диктуемых обезличенностью и взаимозаменяемостью объектов и субъектов гражданского оборота. Однако для правосудия, всегда имеющего дело с общей справедливостью и частной целесообразностью, персонализация участников судопроизводства, значимость их личного поведения, действий и волеизъявлений никуда не делись и требуют подчинения древней мудрости¹.

В угоду принципу процессуальной экономии в законодательстве все больше исключений из принципа непосредственности. Создаются регламенты видов производства, практически полностью исключающие прямой контакт участников процесса как друг с другом, так и с судом (главы 11, 21¹ ГПК РФ, 29, 29¹ АПК РФ, 11¹, 33 КАС РФ). Может, принципа уже нет?

Давно привилась идея, что непосредственность – это принцип доказательственного права,

а не всего процесса. Действительно, этот принцип правосудия среди способов и форм защиты гражданского права растерял свое первоначальное значение. Вернемся к дискуссии, «что такое непосредственность гражданского процесса?», которую для отечественного права слишком категорично, по нашему мнению, закрыл Е.В. Васьковский 120 лет назад².

Классическая непосредственность в гражданском процессе – это, по выражению Эмиля Коффи, четыре составляющих: а) непосредственность восприятия судом доказательств в процессе, включая личные доказательства (господствующее и сегодня мнение о принципе непосредственности в гражданском процессе); б) непосредственность формирования процессуального материала, когда он образуется при свидетельстве и личном присутствии суда (личное участие состава суда во всех моментах процесса и процессуальных действиях); в) непосредственность состязания, при которой разработка процессуального материала происходит в том же заседании, где этот материал представляется лично заинтересованными лицами (непосредственность коммуникации лиц, участвующих в деле друг с другом и с судом, – сегодня опять же относится к состязанию в процессе, реже – к его концентрации); г) непосредственное восприятие происходящих в судебном заседании действий публикой (непосредственная публичность процесса)³.

Все указанные пункты предполагают *физическое личное восприятие действительности, личное взаимодействие* людей между собой, так называемую физическую непосредственность. Во всех случаях она реализуется путем вербального общения

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ См.: Салозубова Е.В. Римский гражданский процесс. М., 2018. С. 148–152.

² Подробнее см.: Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Том 1. М., 1913. С. 402–420, 430–434.

³ Koffka E. Mündlichkeit und Unmittelbarkeit im Civilprozess. Berlin, 1887. S. 50–52.

(язык, текст, иные знаки) и невербального поведения (образы, интонации, жесты, мимика, пантомимика, расположение в пространстве и др.) с преобладанием первого. Тогда еще не было никаких иных пространств и моделей, а также мало знаний о человеческой коммуникации и ее средствах.

С развитием математики, физики, биологии, психологии и цифровых технологий сейчас к пунктам Э. Коффки можно добавить еще два: д) правовое регулирование невербального поведения субъектов процесса («невербальная непосредственность»); е) раздельное правовое регулирование непосредственности в физическом и виртуальном пространстве («физическая и виртуальная, дистанционная непосредственность»).

Как видно, ключевой характеристикой принципа непосредственности, проявляющейся во всех пунктах, является *персональное взаимодействие каждого индивида с действительностью (средой) и людьми в ней, личная коммуникация между участниками судопроизводства в ходе обмена информацией*. Все остальное – средства такого обмена, которые не могут отождествляться с самой коммуникацией.

Также ясно, что непосредственность есть как в логической (духовной), так в практической (физической) деятельности субъектов гражданского процесса. Логическую (духовную) сторону можно представить как мыслительный процесс, проходящий скрыто и во многом независимо от правового регулирования⁴. Ее можно назвать аналитической, интеллектуальной непосредственностью, основной упор в которой делается на индивидуальную работу субъекта с информацией, целями, задачами и прогнозированием процесса. Активность преимущественно направлена внутрь себя. Непосредственность в практической деятельности – это ее коммуникативная сторона, выражающаяся во внешней (физической) активности субъектов во взаимодействии друг с другом. Каждый из участников процесса реализует свое право непосредственного, прямого доступа к суду (судье) и право быть выслушанным.

⁴ О логической (мыслительной) и практической (процессуальной) деятельности обычно говорят применительно к судебному познанию и доказыванию. Подробнее см.: Молчанов В.В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве. М., 2012. С. 68. Однако и духовная (познание, ценностная ориентация, прогностика), и практическая (в основном социальное преобразование) модели деятельности содержатся в любом институте гражданского процесса.

Сделаем упор на коммуникативной стороне принципа непосредственности как наименее исследованной в процессуальной науке. В нее юристы включают как вербальную, так и невербальную коммуникацию. О невербальной процессуальной коммуникации также мало что известно.

Непосредственность – ведущий фактор судебной коммуникации. Вербальная и невербальная непосредственность. Судебный процесс как одна из важнейших частей социальной коммуникации, предметом которой является совместное познание права и справедливости в ходе рассмотрения и разрешения судом юридического дела, не может строиться вопреки основам социальной коммуникации, проходить без ее средств. Правосудие, как и наука, всегда существует в социальном контексте, и им не занимаются в одиночку. Гражданский процесс в своей основе стремится к идеальному коммуникативному сообществу, представляя собой межличностную публичную коммуникацию на основе синтеза вербальной и невербальной коммуникации (с превалированием вербальной)⁵.

Вербальную сторону коммуникации отражают такие принципы гражданского процесса, как устность и письменность (их сочетание), отвечающие за речевые правила ведения дискурсивного диалога. Невербальная сторона (знаки, жесты, символы, паралингвистические средства) – оплот принципа непосредственности, включающего в себя *все остальные акты поведения субъектов процесса*. Вряд ли есть еще какие-то принципы, отражающие невербальную сторону взаимодействия субъектов процесса так глубоко. Эта сторона непосредственности всегда была уязвимой и мало разработанной в процессуальной науке. Сегодня, с цифровизацией, есть риск «потерять» ее для процесса совсем, либо же, наоборот, дать новую жизнь и правовой регламент.

Как верно отмечает Ю. Хабермас, конститутивные для коммуникативной деятельности акты взаимопонимания мы не можем анализировать таким же образом, как грамматические предложения, с

⁵ Мы понимаем идеальное коммуникативное сообщество в духе идей немецких философов К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса о коммуникативной рациональности: по теории познания, трансцендентальной прагматике и дискурсивной этике. Подробнее см.: Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М., 2001; Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. М., 2002; Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А.К. Судакова. М., 2022.

помощью которых данные акты выполняются. Для коммуникативной модели *язык важен лишь как часть коммуникации* (выделено нами. – В.А.), когда говорящие, пользуясь предложениями с ориентацией на взаимопонимание, *вступают в отношение к миру (внешней среде) непосредственно, прямо*. Говорящие интегрируют в ходе коммуникации три формальные концепта мира (которые могут выступать в других моделях коммуникации стремящихся или даже не стремящихся к идеальной, поодиночке или попарно) *в некую систему, и совместно предполагают эту систему как общую рамку интерпретации*, в пределах которой возможно взаимопонимание⁶.

В социологии, психологии непосредственность социальной коммуникации понимается как способность и готовность ее участников выражать свои мысли, эмоции и желания безо всяких преград и масок. Приоритет отдается диалогической модели коммуникации, в которой максимально исключены любые формы манипулятивного воздействия. Общение с взаимопониманием, или диалог, – это «интеллектуальный труд, деятельность, требующая определенных навыков, знаний, умений и стремлений»⁷. Сюда входит как языковое, речевое общение, так и невербальное поведение. Причем значение вербальности в коммуникации часто преувеличивается, как и в судопроизводстве. Однако за последнее время накоплены исследования и о «невербальном интеллекте», об образно-эмоциональном характере мыслительной деятельности⁸, результаты которых представляют ценность и для науки гражданского процесса.

Непосредственность судебной коммуникации обеспечивает «психологическую форму гражданской близости», отражая основы, заложенные в Конституции РФ о праве на судебную защиту (ст. 46). *Обращение за судебной защитой – проявление права на личное участие граждан в управлении государством и личное обращение в государственные органы. Это вытекает и из содержания ст. 32,33 Конституции РФ. Обращение в суд за защитой – самая развернутая форма такого личного участия в управлении*. Как верно отметил С.Ф. Афанасьев: «Внедрение данного вывода в жизнь позволит при-

близить российское законодательство к международным правовым эталонам»⁹.

Таким образом, с позиций теории коммуникации, для судебного процесса как непосредственная вербальная, так и невербальная коммуникация имеют, как минимум, равнозначное значение.

Непосредственность и процессуальная экономия. Технические средства коммуникации и «виртуальная (дистанционная) непосредственность».

Еще не так давно при решении вопроса о связи принципа непосредственности с процессуальной экономией отмечалось, что «Коль скоро принцип непосредственности конкурирует с принципом процессуальной экономии, предпочтение отдается принципу непосредственности, так как именно этот принцип способствует установлению судом материальной истины»¹⁰. Полагаем, нет оснований отказываться от данного постулата.

Как и ранее, «принцип непосредственности следует понимать как необходимость поддержания прямого личного контакта суда с субъектами производства по делу»¹¹.

Возможен ли «прямой личный контакт» в разном пространстве и времени? Хотя бы для вербальной коммуникации? Вероятно, ответив на этот вопрос, мы хоть как-то совместим процессуальную экономию с традицией правосудия.

Драйвером в процессуальной экономии сегодня видятся технические средства коммуникации, в особенности – цифровые технологии. Много пишется о «дематериализации процесса», его «деритуализации» с внедрением методов «бесконтактного правосудия», «виртуальном судебном пространстве» без личного контакта судьи со сторонами¹².

Следует согласиться с философами, что технические средства (конференц-связь, сетевые технологии, применение ИИ и пр.) могут как способствовать ведению воспроизводству аргументативного дискурса в ходе рассмотрения дела судом, так и

⁹ Афанасьев С.Ф. О некоторых аспектах права на судебную защиту недееспособных и ограниченно дееспособных лиц // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5. С. 67–83.

¹⁰ Основные принципы гражданского процесса / под ред. М.К. Треушниковой, З. Чешки. М., 1991. С. 116 (авторы главы – В.М. Шерстюк и П. Главса).

¹¹ Там же.

¹² См.: Ярков В.В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. №11. С. 3–6.

⁶ См.: Хабермас Ю. Указ. соч. С. 123–124.

⁷ Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация: учебное пособие. М., 1997. С. 13.

⁸ Адамьянц Т.З. Указ. соч. С. 15; Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1997. С. 202.

препятствовать ему¹³. Верно указывают и юристы: «Сервис электронного правосудия может быть функциональным и эффективным с технологической точки зрения, но не юридической», а поэтому не должен иметь юридической силы; и наоборот: юридически легитимная технология может быть «...технологически бесполезной, неудачной или неэффективной»¹⁴. Важно найти и применить такие технологии, которые способны оптимизировать сложившийся веками обряд правосудия.

Следовательно, говорить о какой-либо серьезной трансформации самого обряда и его принципов преждевременно. Обряд и содержание принципов гражданского судопроизводства останутся практически без изменений, *поменяются лишь средства их осуществления.*

Сегодня ясно, что «виртуальная (дистанционная) непосредственность», реализуемая путем видеоконференцсвязи, онлайн-судебных заседаний – гораздо лучшая альтернатива заочному канцелярскому правосудию. И письменная опосредованность уже не верх достижений эффективности правосудия.

Интересно, но возможности цифровых технологий именно с точки зрения оптимизации принципа публичности правосудия, его прозрачности у большинства ученых и практиков не вызывает сомнения. Почему же мы должны сомневаться в их эффективности для иных проявлений принципа непосредственности? Можно ли утверждать, что «при дистанционном участии в судебных слушаниях возникает четвертая сторона – посредник – информационная система, которая обеспечивает удаленную коммуникацию суда с участниками процесса»?¹⁵ Даже если так, по нашему мнению, опасения излишни. Если любой посредник есть «сторона», тогда мы уже имеем язык и текст как посредников в вербальной коммуникации. Далее, когда-то люди внедрили таких субъектов, содействующих правосудию, как судебный переводчик, судебный представитель. Посредники ли они в коммуникации? Способны ли они создать существенную опасность для обмена информацией? Каким тогда по счету посредником будет инфор-

мационная платформа, сама являющаяся лишь проявлением двоичного кода?

Думается, идет смешение средств социальной коммуникации и ее самой как явления. Это пройденный этап, повтор разработок эмпирической схемы коммуникации, ставящей во главу угла знак, а не смысл и контекст его передачи и приема. Цифровая платформа сама по себе неспособна изменить знак, а тем более прагматические аспекты использования знаковых систем в процессе коммуникации. *Здесь речь идет не о новой коммуникации, а о создании нового средства коммуникации,* практические аспекты использования которого иные, нежели прямое речевое личное взаимодействие в едином пространстве и времени. *Новый контекст такой прагматики – разное пространство и время.* Язык, текст и все остальные аспекты вербальной коммуникации остаются неизменными. Опасения могут быть приемлемы только в отношении технических возможностей использования нового средства коммуникации, владении таковыми со стороны человека. Не исключено, что придется подумать над особыми субъектами, содействующими осуществлению правосудия в виде IT-специалистов, способных взаимодействовать с электронной платформой.

Повлияют ли цифровые средства коммуникации на содержание принципа непосредственности? Не многим более, как на разработку нового правового понятия – «виртуальная (дистанционная) непосредственность», которая может быть как письменной, так и устной. Это *личное участие в судебном разбирательстве при помощи технических средств связи без необходимости совместного присутствия коммуникантов в едином времени и пространстве.* Сама коммуникация остается личной, непосредственной (вербальной или невербальной, устной или письменной), меняется только ее средство. Конечно, в условиях цифровизации возможно и усовершенствование алгоритма опосредованной письменной коммуникации в приказном и упрощенном производствах. Но вряд ли за ними будущее.

Как уже указывалось, с помощью технических средств можно значительно поднять уровень публичности гражданского судопроизводства, повысить открытость и прозрачность правосудия в обществе. Автоматизация оповещения сторон и общественности о судебном заседании, проведение дистанционных судебных заседаний с возможностью подключиться каждому, открытое размеще-

¹³ См.: Назарчук А.В. Указ. соч. С. 43–44.

¹⁴ Харитонова Ю.С., Ян Т. Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации гражданского процесса в России и Китае // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1. С. 211, 213.

¹⁵ Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е.Г. Стрельцова. М., 2022.

ние электронных судебных актов реально способны «вернуть» участие публики в судопроизводство и ее включение в судебную коммуникацию.

В целом следует поддержать коллег, которые с благосклонностью относятся к цифровизации правосудия¹⁶, так как атмосфера онлайн-судебных разбирательств, пусть осуществляемых по несколько иным правилам (которые еще предстоит создать в процессуальных нормах), способна приблизить правосудие к каждому члену общества, дает больше возможностей для проявления принципа непосредственности. *Таким образом, электронная коммуникация может дополнить устную и документную коммуникацию.*

Совсем другое дело с личной невербальной коммуникацией. В основе ее – движение, время, пространство. Как пишут психологи, «какие бы невербальные средства не выделялись, все они могут быть сведены к кинесическим (движения тела), пространственным (организация поведения, межличностного общения) и к временным характеристикам взаимодействия»¹⁷. Для правосудия в структуру невербальных средств коммуникации, помимо вышеуказанных, по нашему мнению, следует отнести и особую среду: окружающие социально-бытовые условия, обстановку, совокупность людей, связанных общностью условий. Именно движение, время, пространство, а также среда пока еще не могут быть удовлетворительно восполнены с помощью электронных средств. Все они строятся вокруг вербальной коммуникации. Но и здесь системы распознавания речи, мимики, жестов способны сыграть положительную роль на уровне использования их искусственного интеллекта как ассистента судьи и лиц, участвующих в деле.

Цифровизация и глобальные сети радикально изменили характер общественных связей, информационного обмена, степень открытости власти, а с нею качество и количество диалоговых форм в контактах людей, социальных групп и структур¹⁸. С философско-исторических позиций, глобальные цифровые коммуникации могут способствовать диалогической форме коммуникации в суде, одна-

ко могут воплотить и управленческую ее форму в виде канцелярской документальной опосредованности. С позиций права – без непосредственности гражданское судопроизводство не может быть справедливым, нужен «механизм правильного соединения новых технических решений и правил судопроизводства»¹⁹ с расширением возможности прямого диалога.

Библиографический список

1. Адамьянц Т.З. Социальная коммуникация: учебное пособие. М., 1997.
2. Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. М., 2001.
3. Афанасьев С.Ф. О некоторых аспектах права на судебную защиту недееспособных и ограниченно дееспособных лиц // Вестник гражданского процесса. 2014. № 5.
4. Васильковский Е.В. Курс гражданского процесса. Том 1. М., 1913.
5. Воробьев Ю.Л. Коммуникативное взаимодействие гражданского общества и структур публичной власти как управленческий процесс: дисс. ... докт. соц. наук. М., 2008.
6. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: Прошлое, настоящее, будущее. М., 2009.
7. Лабунская В.А. Невербальное поведение: социально-перцептивный подход. Ростов-на-Дону, 1986.
8. Молчанов В.В. Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве. М., 2012.
9. Назарчук А.В. Этика глобализирующегося общества. М., 2002.
10. Основные принципы гражданского процесса / под ред. М.К. Треушниковой, З. Чешки. М., 1991.
11. Салогубова Е.В. Римский гражданский процесс. М., 2018.
12. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А.К. Судакова. М., 2022.
13. Харитонова Ю.С., Ян. Т. Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации цивилистического процесса в России и Китае // Вестник гражданского процесса. 2023. № 1.
14. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / отв. ред. Е.Г. Стрельцова. М., 2022.
15. Ярков В.В. Принципы гражданского процессуального права в условиях деритуализации и дематериализации правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 11.
16. Koffka Emil. Mündlichkeit und Unmittelbarkeit im Civilprozess. Berlin, 1887.

¹⁶ См.: Харитонова Ю.С., Ян. Т. Указ соч. С. 225–226.

¹⁷ Лабунская В.А. Невербальное поведение: социально-перцептивный подход. Ростов-на-Дону, 1986. С. 8.

¹⁸ См.: Воробьев Ю.Л. Коммуникативное взаимодействие гражданского общества и структур публичной власти как управленческий процесс: дисс. ... докт. соц. наук. М., 2008. С. 4.

¹⁹ Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: Прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 149.

К вопросу о некоторых аспектах действия принципа диспозитивности при рассмотрении арбитражными судами корпоративных споров

Дина Юрьевна Ионова*

В процессуальной литературе при исследовании специфики рассмотрения корпоративных споров в последние годы нередко поднимается вопрос о некоторых ограничениях действия принципа диспозитивности¹. В первую очередь, речь идет о рассмотрении арбитражными судами требований участников юридического лица о возмещении убытков, причиненных такому юридическому лицу действиями лиц, входящих в состав его органов, а также об оспаривании сделок, совершенных юридическим лицом. В настоящей статье мы остановимся именно на второй категории дел, при анализе судебной практики по которой отчетливо видны некоторые спорные аспекты действия принципа диспозитивности. На выбор именно этой категории дел автора настоящей статьи также подтолкнуло изучение недавно принятого Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ определения от 5 декабря 2023 г. № 307-ЭС23-10613², при анализе которого воз-

никло несколько вопросов, требующих, по нашему мнению, внимательного рассмотрения.

Прежде чем перейти к анализу процессуальных вопросов, связанных с действием принципа диспозитивности, следует сказать несколько слов о сложностях применения участниками корпораций такого способа защиты, как оспаривание сделок, совершенных юридическим лицом, а именно крупных сделок и сделок с заинтересованностью, в том числе возникших в связи со значительным реформированием данного института, произошедшим в 2017 году³. Так, например, при оспаривании крупной сделки для участника общества, обратившегося в суд с иском об оспаривании сделки, значительные сложности представляет доказывание факта выхода сделки за пределы обычной хозяйственной деятельности (так называемого качественного критерия для квалификации сделки как крупной)⁴, а также осведомленности контрагента о том, что сделка являлась для общества крупной сделкой и (или) что отсутствовало надлежащее согласие на ее совершение⁵. Перечисленные сложности вызва-

* Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

¹ См., например: *Моисеев С.В.* Отдельные вопросы активного процессуального соучастия по корпоративным спорам // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2018. № 6. С. 14–20; *Ватаманюк В.О.* Заключение мирового соглашения в рамках производства по косвенному иску // *Актуальные проблемы российского права.* 2021. № 10. С. 38–55; *Туманов Д.А., Ионова Д.Ю.* К вопросу о возможности обогащения гражданского судопроизводства России новыми участниками // *Вестник гражданского процесса.* 2022. № 4. С. 240–256; *Аргунов В.В.* Диспозитивность, право быть выслушанным и законное представительство в суде: «корпоративный» парадокс // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2023. № 1. С. 23–28.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 5 декабря 2023 г. № 307-ЭС23-10613 по делу N А56-6328/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (далее – определение СКЭС ВС РФ № 307-ЭС23-10613).

³ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // *СЗ РФ.* 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4276.

⁴ См. подробнее п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» (далее – постановление Пленума ВС РФ № 27).

⁵ Как указано в п. 18 постановления Пленума ВС РФ № 27, закон не устанавливает обязанности третьего лица по проверке перед совершением сделки того, является ли соответствующая сделка крупной для его контрагента и была ли она надлежащим образом одобрена (в том числе отсутствует обязанность по изучению бухгалтерской отчетности контрагента для целей определения балансовой стоимости его активов, видов его деятельности, влияния сделки на деятельность контрагента). Третьи лица, полагающиеся на дан-

ны тем, что некоторые положения закона о крупных сделках и сделках с заинтересованностью, а также ряд правовых позиций, содержащихся в постановлении Пленума ВС РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», направлены в первую очередь на защиту стабильности имущественного оборота⁶.

Вернемся к анализу уже упомянутого Определения СКЭС ВС РФ № 307-ЭС23-10613 по делу об оспаривании участником юридического лица крупной сделки. Краткая фабула дела заключается в следующем. Акционер (далее – акционер Н.) обратился в суд с иском к акционерному обществу (далее – общество) и его контрагенту по сделке о признании недействительной сделки по отчуждению недвижимого имущества общества. В ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции общество было исключено из числа ответчиков по делу и привлечено к участию в деле в качестве соистца. Суд отказал в удовлетворении ходатайства другого акционера (далее – акционер Ш.) о привлечении его к участию деле в качестве соистца. Решением суда первой инстанции заявленные требования в части признания оспариваемой сделки недействительной удовлетворены; дополнительным решением применены последствия недействительности сделки. Однако в суде апелляционной инстанции акционер Н. заявил об отказе от исковых требований, и данный отказ от иска был принят судом, в связи с чем производство по делу было прекращено. Впоследствии акционером Ш. определение о прекращении производства по делу было обжаловано в кассационном порядке. Поддерживая выводы апелляционного суда о наличии оснований для прекращения производства по делу в связи с отказом истца от иска, суд округа отклонил доводы акционера Ш. о нарушении его прав, указав, что он не воспользовался своими процессуальными правами на обжалование определения суда первой инстанции. СКЭС ВС РФ отменила постановления

судов апелляционной и кассационной инстанции и направила дело на новое рассмотрение. В данном случае в нарушение требований закона суд не допустил к участию в деле в качестве соистца Акционера Ш., что, безусловно, учитывая правила п. 2 ст. 65² ГК РФ, ограничивает его право на судебную защиту. Судом также не учтено, что если отказом от иска нарушаются интересы юридического лица и (или) его права, то такой отказ судом не принимается⁷. Интересно заметить, что ВС РФ в рассматриваемом Определении, в том числе, указал, что участвующие в деле участники корпорации ограничены в своем праве на полный или частичный отказ от иска, изменение оснований или предмета иска, заключение мирового соглашения и соглашения по фактическим обстоятельствам, поскольку совершение указанных действий невозможно без согласия корпорации⁸ в лице соответствующего органа и присоединившихся к иску участников. По нашему мнению, в данном случае

⁷ К мировому соглашению, признанию иска и отказу от иска по делу, стороной которого является хозяйственное общество, подлежат применению правила о порядке совершения крупных сделок и сделок с заинтересованностью (п. 6 постановления Пленума ВС РФ № 27). В рассматриваемом определении № 307-ЭС23-10613 ВС РФ также отметил, что, принимая отказ от иска, суд апелляционной, фактически ограничился констатацией наличия у истца соответствующего права, избрав формальный подход и не дав оценку тому обстоятельству, что данный отказ заявлен лицом, в пользу которого был разрешен спор в суде первой инстанции, которое, в том числе, указывало на злоупотребление правом сторонами сделки. Однако данный подход суда может стимулировать недобросовестных участников корпорации к совершению противоправных действий.

⁸ В абз. 6 п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 25) указано, что по смыслу ст. 65² ГК РФ корпорация в лице соответствующего органа и присоединившиеся к иску участники не имеют права без согласия участника, предъявившего иск, полностью или частично отказаться от иска, изменить основание или предмет иска, заключить мировое соглашение и соглашение по фактическим обстоятельствам. Обратившийся в суд с требованием участник корпорации в случае присоединения к иску иных участников также не имеет права совершать указанные действия без согласия всех таких участников.

То есть в постановлении Пленума № 25 не указано на необходимость получения согласия корпорации при принятии судом распорядительных действий участника. В доктрине на необходимость получения согласия корпорации на заключение мирового соглашения по косвенным искам указывалось В.О. Ватаманюком (см. подробнее: Ватаманюк В.О. Заключение мирового соглашения в рамках производства по косвенному иску // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 38–55).

ные единого государственного реестра юридических лиц о лицах, уполномоченных выступать от имени юридического лица, по общему правилу, вправе исходить из наличия у них полномочий на совершение любых сделок (п. 18 постановления Пленума ВС РФ № 27).

⁶ См.: Шиткина И., Губин Е., Степанов Д., Кузнецов А., Чеховская С., Сергеев А., Терещенко Т., Громов А., Каплухий М., Карнаков Я., Казакова М., Чупрунов И. Оспаривание экстраординарных сделок: новые разъяснения Верховного Суда // Закон. 2018. № 7. С. 20–21 (автор комментария – проф. И.С. Шиткина).

речь идет не об ограничении права на совершение распорядительных действий как исключении из действия принципа диспозитивности, а о необходимости особого контроля суда за распорядительными действиями сторон в корпоративных спорах, в целях недопущения нарушения интересов иных субъектов корпоративных отношений, в том числе иных участников и самого юридического лица, то есть обеспечения действия принципа законности. Именно поэтому в ч. 2 ст. 225 АПК РФ в качестве общего правила установлено, что арбитражный суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком, не утверждает мировое соглашение сторон в случаях, если это противоречит закону либо нарушает права и (или) законные интересы других лиц, в том числе юридического лица, по поводу участия или управления в котором возник спор.

Однако первое, что бросается в глаза при анализе судебных актов по данному делу об оспаривании акционером крупной сделки, это принятое судом первой инстанции протокольное определение, в соответствии с которым корпорация, участник которой обратился в суд, была исключена из числа ответчиков по делу и привлечена к участию в деле в качестве соистца. Следует констатировать, что такая практика, то есть исключение юридического лица, участник которого обратился в суд из числа ответчиков и привлечение его в качестве истца по делу уже стала обычной в практике арбитражных судов⁹. Обычно при этом еще «уточняется» процессуальный статус обратившегося в суд участника корпорации, а именно суды определяют его представителем в силу закона. В анализируемом нами деле об оспаривании крупной сделки это было сделано вышестоящими инстанциями. Более того, как отмечает Н.Р. Сафаевой, невыполнение судом действий, направленных на определение надлежащего процессуального статуса лиц, участвующих в деле, нередко является основанием для отмены принятых судебных актов¹⁰. При этом суды видят нарушения закона только в том, что не учтены положения п. 1 ст. 65² ГК РФ и разъяснения

⁹ См., например: Определение Верховного Суда РФ от 16 марта 2018 г. № 308-ЭС18-948 по делу № А53-3806/2017; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 сентября 2020 г. № Ф03-3840/2020 по делу № А73-21339/2019.

¹⁰ Сафаева Н.Р. Процессуальные особенности рассмотрения производных исков по корпоративным спорам на примере исков об оспаривании сделок // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5.

п. 32 постановления Пленума ВС РФ № 25 о том, что обращающийся в суд участник корпорации в силу закона является ее представителем, в том числе на стадии исполнения судебного решения, а истцом по делу выступает корпорация.

Попытаемся разобраться, действительно ли в данном случае имеется необходимость такого принудительного изменения процессуального положения юридического лица и его участника, обратившегося в суд с требованием об оспаривании сделки¹¹. По нашему мнению, такой необходимости нет, более того, вышеприведенная судебная практика противоречит принципу диспозитивности.

Во-первых, у участников корпорации имеется самостоятельный интерес в оспаривании сделки, за защитой которого они и обращаются в суд¹². Как отмечено А.А. Кузнецовым, нормы об оспаривании крупных сделок являются частным случаем ст. 173¹ ГК РФ и представляют собой гарантию неотъемлемого права участников (акционеров) участвовать в принятии решения по вопросу о совершении сделок, которые влекут или могут повлечь изменение или прекращение деятельности общества, т.е. «продажу бизнеса»¹³. Применительно к сделкам с заинтересованностью С.В. Моисеев делает аналогичный вывод и указывает, что правом на оспа-

¹¹ Небезынтересно привести еще один пример из судебной практики: в кассационной жалобе, поданной в СКЭС ВС РФ, заявитель просил отменить постановления судов апелляционной и кассационной инстанции, исключив из содержания мотивировочной части определения суда первой инстанции выводы об уточнении процессуального статуса участников рассматриваемого спора, так как считал неправомерным такое «уточнение» и изменение процессуального статуса с истца на представителя в силу закона. ВС РФ указал, что, определяя процессуальный статус участников настоящего спора, руководствуясь при этом п. 2 ст. 53, абз. 6 п. 1 ст. 65² ГК РФ, разъяснениями, содержащимися в п. 32 постановления Пленума ВС РФ № 25, ввиду установленных по делу обстоятельств наличия у участника корпорации права на оспаривание совершенных корпорацией сделок от ее имени, суды пришли к обоснованным выводам об определении заявителя в роли ее законного представителя по рассматриваемому делу.

¹² Об интересе участника юридического лица говорится в п. 71 постановления Пленума ВС РФ № 25, согласно которому не требуется доказывания наступления неблагоприятных последствий в случаях оспаривания сделки по основаниям, указанным в ст. 173.1, п. 1 ст. 174 ГК РФ, когда нарушение прав и охраняемых законом интересов лица заключается соответственно в отсутствии согласия, предусмотренного законом, или нарушении ограничения полномочий представителя или лица, действующего от имени юридического лица без доверенности.

¹³ Кузнецов А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью // О собственности: сборник статей к юбилею К.И. Скловского / сост. М.А. Ерохова. М.: Статут, 2015. С. 224–253.

ривание сделки с заинтересованностью участники корпорации наделены именно в силу своего статуса, в силу наличия у данных лиц права на участие в управлении делами общества, и, следовательно, у таких участников имеется самостоятельный юридический интерес в признании такой сделки недействительной и применении последствий ее недействительности¹⁴. Не случайно проф. Р.Э. Гукасян выделял в качестве предпосылки принципа диспозитивности обусловленность воли лица интересом¹⁵. В данном случае речь идет о воли участника корпорации на возбуждение процесса в защиту своих интересов.

Во-вторых, согласно принципу диспозитивности «ответчика по делу определяет истец»¹⁶. В подавляющем большинстве случаев юридическое лицо и оспаривающий сделку участник имеют противоположные материально-правовые интересы, то есть корпорация заключила сделку и заинтересована в сохранении ее действительности. Следует отметить, что только в случае, если корпорация сама выразит волю на оспаривание сделки, она должна занимать процессуальное положение соистца. В остальных случаях, по нашему мнению, участники корпорации, обращаясь в суд, совершенно обоснованно указывают корпорацию и ее контрагента по сделке в качестве ответчиков.

В-третьих, сама корпорация без ее на то воли становится истцом, что является явным нарушением принципа диспозитивности. Более того, как отмечает В.В. Аргунов, в практике арбитражных судов можно встретить «корпоративный парадокс», а именно констатацию, что участия в деле акционера, предъявившего иск о признании сделки недействительной и применении последствий ее недействительности, в качестве представителя корпорации в силу закона достаточно для защиты прав самой корпорации, необходимости привлекать ее к участию в деле не имеется¹⁷. На наш взгляд, такой подход в судебной практике является в корне неправильным, так как в соответствии с ним юридическое лицо признается имеющим по-

роки воли и ограничивается в процессуальной дееспособности¹⁸.

Следует согласиться с позицией С.С. Казихановой, согласно которой правильное определение процессуального положения корпорации и ее участника позволяет верно установить объем тех процессуальных прав, которыми они могут пользоваться для защиты своих интересов в делах по косвенным искам¹⁹. Так, например, если корпорация, участник которой обратился с требованием об оспаривании сделки, будет занимать процессуальное положение соответчика, то она будет стороной мирового соглашения. Корпорация как соответчик вправе полностью или частично признать иск, а также использовать предусмотренные законом средства защиты интересов ответчика и т.д.

Возникает закономерный вопрос о необходимости принудительного изменения или «уточнения» судом процессуального статуса корпорации и ее обратившегося в суд участника. Если следовать логике подхода, который нашел отражение в ряде постановлений Пленума ВС РФ²⁰, получается, что раз юридическое лицо принудительно становится истцом, а обратившийся в суд участник его представителем в силу закона, то после вступления решения в законную силу даже в случае обращения в суд иного участника юридического лица (то есть другого представителя в силу закона), его требования будут тождественными, что должно влечь отказ в принятии иска или в случае выяснения этого обстоятельства после возбуждения дела – прекращение производства по данному делу.

Как уже было нами сказано ранее, такой подход представляется противоречащим принципу диспозитивности и ограничивающим возможность получения участниками юридического лица полноценной судебной защиты своих законных интересов. Однако можно понять стремление законодателя и высшей судебной инстанции обеспечить определенность не только корпоративных отношений, но и защитить интересы ответчика (контрагент-

¹⁴ Моисеев С.В. Отдельные вопросы активного процессуального соучастия по корпоративным спорам // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 6.

¹⁵ Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2009. С. 76.

¹⁶ Там же. С. 87.

¹⁷ См.: Аргунов В.В. Диспозитивность, право быть выслушанным и законное представительство в суде: «корпоративный» парадокс // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 1.

¹⁸ См. подробнее: Туманов Д.А., Ионова Д.Ю. К вопросу о возможности обогащения гражданского судопроизводства России новыми участниками // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. В.В. Аргунов также указывает на ограничение процессуальной дееспособности юридического лица. См.: Аргунов В.В. Указ. соч. С. 23–28.

¹⁹ См.: Казиханова С.С. Проблема верного определения процессуального положения корпорации и ее участников, их процессуальных прав и обязанностей по косвенным искам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 42–58.

²⁰ Пункт 32 постановления Пленума ВС РФ № 25, п. 7 постановления Пленума № 27.

та по сделке). В том числе, как верно замечено С.В. Моисеевым, может возникнуть риск принятия противоречащих друг другу судебных актов (при параллельном или последовательном рассмотрении таких дел, при отказе от иска, признании иска, заключении мирового соглашения по одному из имеющихся в производстве дел)²¹.

При этом в вышеописанном принудительном изменении процессуального положения корпорации и ее обратившегося в суд участника нет никакой необходимости, так как в законе установлены особые правила действия законной силы судебного решения по рассматриваемой категории дел²². В соответствии с абз. 2 п. 2 ст. 65² ГК РФ участники корпорации, не присоединившиеся в порядке, установленном процессуальным законодательством, к иску о возмещении причиненных корпорации убытков либо к иску о признании недействительной совершенной корпорацией сделки или о применении последствий недействительности сделки, в последующем не вправе обращаться в суд с тождественными требованиями, если только суд не признает причины этого обращения уважительными. Нельзя не отметить, что, в принципе, единственный процессуальный институт, который в целом совпадает с моделью, предложенной в п. 2 ст. 65² ГК РФ, это институт защиты интересов группы лиц в арбитражном процессе²³, так как в гл. 28¹

²¹ С.В. Моисеев указывает на данную проблему применительно к делам о возмещении убытков, причиненных юридическому лицу действиями лиц, входящими в состав его органов, однако такая же проблема может возникнуть и по делам об оспаривании участниками корпорации крупных сделок и сделок с заинтересованностью. См. подробнее: Моисеев С.В. В продолжение дискуссии о косвенном иске // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М.К. Треушников. Москва, 9 февраля 2022 г. / под ред. В.В. Молчанова. М.: Зерцало-М, 2022.

²² Как верно отмечает Д.А. Туманов, «процессуальная теория и законодательство, основанное на принципе диспозитивности, исходя из того, что невступление в процесс соистцов не может рассматриваться как основание для ограничения их самостоятельного права на предъявление иска для защиты своих прав и интересов. Это связано с тем, что, по общему правилу, такое свойство судебного решения, как исключительность, т.е. невозможность повторного рассмотрения того же дела, определяется по внешнему тождеству иска (его предмету, основанию и сторонам в деле)». См. подробнее: Туманов Д.А. Проблемы оспаривания решений собраний по статье 181⁴ Гражданского кодекса Российской Федерации: вопросы процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2014. № 7.

²³ Согласно ч. 7 ст. 225¹⁶ АПК РФ арбитражный суд прекращает производство по делу, если установит, что имеется принятое по требованию о защите прав и законных инте-

АПК РФ, посвященной корпоративным спорам, не установлено специального порядка присоединения²⁴. В соответствии с п. 31 постановления Пленума ВС РФ № 25 требования участника корпорации, созданной в форме коммерческой организации, в том числе об оспаривании сделок, только при наличии обстоятельств, указанных в ст. 225¹⁰ АПК РФ, рассматриваются не только по правилам гл. 28¹ АПК РФ, но и с учетом положений гл. 28² АПК РФ, посвященной защите интересов группы лиц. Одним из обстоятельств, перечисленных в ст. 225¹⁰ АПК РФ, является правило о том, что к требованию лица, обращающегося в суд в защиту интересов группы лиц, должно присоединиться не менее пяти лиц – членов группы лиц. По нашему мнению, положения АПК РФ позволяют сделать единственный вывод, что применение правил о групповом иске возможно только при наличии соответствующего волеизъявления лица, обращающегося в суд. В противном случае – это прямое ограничение действия принципа диспозитивности, так как обратившийся в суд участник будет обязан защищать не только свои права и законные интересы, но и группы лиц (конечно, в случае, если кто-либо из других участников юридического лица к иску присоединится); на такое лицо будет возложен значительный круг дополнительных процессуальных обязанностей, в том числе несения судебных расходов по групповому иску²⁵; а само рассмотрение дела судом будет гораздо продолжительнее.

Таким образом, из положений п. 2 ст. 65² ГК РФ можно сделать вывод не об императивном применении правил о защите прав и законных интересов группы лиц в ряде категорий корпоративных споров, в том числе в делах об оспаривании круп-

ресов группы лиц и вступившее в законную силу решение арбитражного суда и исковое заявление, заявление поданы лицом, отказавшимся от заявления о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц либо не воспользовавшимся правом присоединиться к данному требованию или вступить самостоятельно в дело на стороне истца или в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, к тому же ответчику и о том же предмете, за исключением случаев, если арбитражный суд признает причины обращения указанного лица с самостоятельными иском заявлением, заявлением уважительными.

²⁴ Следует отметить, что в ч. 3 ст. 225² АПК РФ установлены особенности рассмотрения корпоративных споров по правилам о защите прав и законных интересов группы лиц.

²⁵ См. подробнее: Ионова Д. Ю. Групповые иски в корпоративных спорах: о возможных путях совершенствования законодательного регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9. С. 72–81.

ных сделок и сделок с заинтересованностью, а об особых правилах действия законной силы судебного решения, аналогичных правилам, установленным для групповых исков. Даже в том случае, если требование участника об оспаривании сделки рассматривается без применения правил о групповом производстве, в силу прямого указания закона (п. 2 ст. 652 ГК РФ) законная сила судебного решения будет распространяться и на тех участников, которые получили соответствующее уведомление обращающегося с иском в суд участника²⁶, но не присоединились к иску.

Возникает вопрос о допустимости приведенного подхода к свойству исключительности законной силы решения суда по рассматриваемой категории дел. Характеризуя такое же, по сути, действие законной силы судебного решения по групповым искам, Д.А. Туманов отмечает, что применять содержащийся в АПК РФ подход к исключительности решения суда по групповому иску можно только в тех случаях, когда в групповом производстве разрешается вопрос о защите общего (неделимого, в том числе общественного, интереса). Следует согласиться с мнением ученого, что, например, при вступлении в силу решения по иску о возмещении вреда юридическому лицу, причиненного лицами, выполняющими функции его органов управления, или об оспаривании решений собраний организации – отсутствие возможности других лиц повторно инициировать судебный процесс вполне целесообразно²⁷. К таким же случаям можно отнести и рассматриваемые нами дела об оспаривании участниками сделок, совершенных юридическим лицом. Конечно, в первую очередь, такие правила необходимы в отношении акционерных обществ, которые могут насчитывать значительное количество акционеров. При оспаривании сделки, совершенной обществом с ограниченной ответственностью, в котором обычно небольшое количество

участников, не представляет никакой сложности обеспечить их привлечение к участию в деле и после вступления решения в законную силу, распространить на таких лиц ее действие.

Нельзя не согласиться с Д.А. Тумановым, который приходит к выводу о том, что условием принятия рассмотренного подхода к исключительности решения суда является закрепление в процессуальном законе всех необходимых гарантий, обеспечивающих действительно качественное рассмотрение сложного, многоаспектного дела, касающегося интересов, чьи обладатели порой не тождественны лицам, выполняющим функцию сторон в деле, а также поддерживающих баланс различных интересов²⁸. Таким образом, вне зависимости от того, в каком порядке рассматривается дело (с применением правил гл. 28² АПК РФ или в ординарном искомом производстве с учетом гл. 28¹ АПК РФ), является важным установление системы гарантий получения защиты своих прав и законных интересов как участниками юридического лица, так и самим юридическим лицом. Вопрос о такой системе гарантий должен быть предметом самостоятельного подробного исследования, в настоящей статье перечислим лишь основные, на наш взгляд, правила:

– после возбуждения дела именно под контролем суда должно происходить уведомление участников юридического лица о начавшемся процессе, и оно должно быть обязательным. Тем более, что в законе уже содержатся необходимые правила уведомления именно через юридическое лицо, которое обладает всей полнотой информации о своих участниках²⁹. При этом в таком уведомлении долж-

²⁶ Там же.

²⁶ В п. 2 ст. 65² ГК установлена обязанность участника корпорации (вне зависимости от ее организационно-правовой формы), требующего возмещения причиненных корпорации убытков (на основании ст. 53¹ ГК), признания сделки корпорации недействительной или применения последствий недействительности сделки, «принять разумные меры по заблаговременному уведомлению других участников корпорации и в соответствующих случаях корпорации о намерении обратиться с такими требованиями в суд, а также предоставить им иную информацию, имеющую отношение к делу».

²⁷ Туманов Д.А. Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023. С. 505.

²⁸ В ст. 224 АПК РФ установлен ряд специальных правил, которые направлены на информирование заинтересованных лиц о рассматриваемом в арбитражном суде корпоративном споре и призваны обеспечить своевременное вступление заинтересованных лиц в процесс с целью защиты своих прав и законных интересов. В том числе предусмотрено полномочие арбитражного суда обязать юридическое лицо, в связи с управлением или участием в котором возник спор, уведомить о возбуждении производства по делу, предмете и об основании заявленного в арбитражный суд требования, об иных обстоятельствах спора участников этого юридического лица, лиц, входящих в его органы управления и органы контроля, а также держателя реестра владельцев ценных бумаг этого юридического лица и (или) депозитария, осуществляющих учет прав на эмиссионные ценные бумаги этого юридического лица. На такую обязанность юридического лица арбитражный суд указывает в определении о принятии искового заявления, заявления к производству (ч. 3 ст. 225⁴ АПК РФ). В соответствии со ст. 106 АПК РФ расходы юриди-

ны быть разъяснены последствия неприсоединения к иску;

– дано время на вступление в процесс в качестве соистцов или заинтересованных лиц³⁰.

– вне зависимости от порядка рассмотрения дела (в порядке гл. 28² АПК или ординарном исковом производстве) должно быть обеспечено право на обжалование судебных актов, в том числе и тем участникам юридического лица, которые по каким-либо причинам не вступили в процесс;

– необходимы подробные разъяснения ВС РФ, что следует понимать под уважительными причинами обращения неприсоединившегося участника с самостоятельным иском для того, чтобы минимизировать риск неполучения судебной защиты заинтересованным лицом.

В заключение следует отметить, что вопросы необходимости при рассмотрении судами корпоративных споров учета разносторонних корпоративных интересов (юридического лица, его мажоритарных и миноритарных участников и т.д.), поиска их баланса, обеспечения защиты таких интересов требуют очень осторожного и взвешенного подхода, в том числе всестороннего обсуждения с точки зрения недопущения произвольного ограничения действия принципов гражданского судопроизводства.

ческого лица на уведомление о корпоративном споре включаются в состав судебных издержек.

За неисполнение обязанности по уведомлению на лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа или возглавляющее коллегиальный исполнительный орган юридического лица, в связи с управлением или участием в котором возник спор, арбитражным судом может быть наложен судебный штраф в размере 30 тыс. рублей (ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 225 АПК РФ).

³⁰ Подробнее о необходимости по отдельным категориям дел предусмотреть в качестве самостоятельной категории лиц, участвующих в деле, так называемых заинтересованных лиц, наряду с сохранением традиционного понятия третьих лиц: *Туманов Д.А., Ионова Д.Ю.* К вопросу о возможности обогащения гражданского судопроизводства России новыми участниками // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 240–256.

Библиографический список

1. *Арзунов В.В.* Диспозитивность, право быть выслушанным и законное представительство в суде: «корпоративный» парадокс // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 1.
2. *Ватаманюк В.О.* Заключение мирового соглашения в рамках производства по косвенному иску // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10.
3. *Казиханова С.С.* Проблема верного определения процессуального положения корпорации и ее участников, их процессуальных прав и обязанностей по косвенным искам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 9.
4. *Кузнецов А.А.* Крупные сделки и сделки с заинтересованностью // О собственности: сборник статей к юбилею К.И. Скловского / сост. М.А. Ерохова. М.: Статут, 2015.
5. *Моисеев С.В.* Отдельные вопросы активного процессуального соучастия по корпоративным спорам // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 6.
6. *Моисеев С.В.* В продолжение дискуссии о косвенном иске // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М.К. Треушникова. Москва, 9 февраля 2022 г. / под ред. В.В. Молчанова. М.: Зерцало-М, 2022.
7. *Сафаева Н.Р.* Процессуальные особенности рассмотрения производных исков по корпоративным спорам на примере исков об оспаривании сделок // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5.
8. *Туманов Д.А.* Защита общественных интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2023.
9. *Туманов Д.А., Ионова Д.Ю.* К вопросу о возможности обогащения гражданского судопроизводства России новыми участниками // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4.
10. *Шиткина И., Губин Е., Степанов Д., Кузнецов А., Чеховская С., Сергеев А., Терещенко Т., Громов А., Каплюхий М., Карнаков Я., Казакова М., Чупрунов И.* Оспаривание экстраординарных сделок: новые разъяснения Верховного Суда // Закон. 2018. № 7.

**ТОЧКА
ЗРЕНИЯ**

Искусственный интеллект в механизме противодействия коррупционному поведению: гражданско-правовой аспект

Сергей Николаевич Бакунин*

Борьба с коррупцией относится к числу актуальнейших и фокусируется как на федеральном, так и на региональном и муниципальных уровнях. Коррупция, безусловно, относится к числу негативных социально-экономических явлений. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» искоренение коррупции отнесено к национальным интересам. Ущерб от коррупционных преступлений весьма чувствителен. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2022 г. он превысил 37 млрд руб., всего же за последние два года ущерб составил более 100 млрд руб.¹ Прокуратурой Рязанской области за 11 месяцев 2023 г. в регионе выявлено 200 нарушений коррупционной направленности, 360 лиц, которые допустили нарушения антикоррупционных запретов, зафиксирован рост числа выявленных преступлений в сфере взяточничества, в различных нормативно-правовых актах и проектах установлено 1500 коррупциогенных факторов². Наиболее подверженными коррупционным проявлениям являются финансо-

во-кредитная сфера, сфера освоения бюджетных средств, потребительского рынка, деятельность органов власти и управления, строительства, транспорта и жилищно-коммунального хозяйства³.

Гражданское законодательство регулирует широкий спектр имущественных отношений. К сожалению, усиливающая их экономическая составляющая не всегда оказывает положительное влияние на выбор ценностных ориентаций поведения участников гражданского оборота. Коррупционное поведение ярчайший тому пример. В тех случаях, когда реализация субъективного права входит в противоречие с требованиями позитивных норм, речь может идти, как минимум, о злоупотреблении правом, а также возможным наступлением гражданской ответственности. Факты проявления коррупционного поведения проявляются благодаря системе противодействия, которые включают меры организационного, экономического, информационного, кадрового характера.

Изменение характера общественных отношений ставит перед государством новые задачи и в сфере правового регулирования. Цифровизация является фактором, определяющими развитие государства и общества не только будущего, но и настоящего.

* Кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина.

¹ Ущерб России от коррупции в 2022 году // <https://www.esti.ru/article/3084186> (дата обращения: 28.12.2023).

² <https://62info.ru/news/kriminal> (дата обращения: 28.12.2023).

³ <https://www.tass.ru?url=https%3A%2F%2Ftass.ru%2Fobschestvo%2F13152717%3Fysclid%3Dlquznkobc7413788510> (дата обращения: 28.12.2023).

Законодательство в этой сфере находится на начальном этапе регулирования. К числу инновационных подходов к проблеме борьбы с коррупционным поведением следует отнести использование технологии искусственного интеллекта, понятие которого закреплено в Указе Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁴, под которым следует понимать комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологии искусственного интеллекта включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиск возможных решений.

Справедливости ради необходимо отметить, что технологии искусственного интеллекта сегодня наиболее активно реализуются в области здравоохранения. Около 50 искусственно интеллектуальных систем дифференцированы по следующим направлениям: анализ медицинских изображений и цифровая диагностика; профилактика и лечение состояний, заболеваний и осложнений; прочие направления. Важна и финансовая составляющая. Объем рынка медицинского искусственного интеллекта в России превышает 500 млн рублей, при этом в 2022 году экономический эффект от использования искусственного интеллекта в российском здравоохранении превысил 13 млрд руб.⁵

Использование возможностей искусственного интеллекта в правоохранительной деятельности позволит обеспечить борьбу с коррупцией и коррупционным поведением на более высоком уровне и как следствие принятие к виновному лицу предусмотренных законодательством мер ответственности. Несомненный практический интерес представляет Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации»⁶. Важно отметить, что основными задачами системы «Посей-

дон» являются: автоматизация приема сведений, предоставляемых субъектами противодействия коррупции в систему; сбор, учет, хранение, анализ и предоставление коррупционных сведений, которые содержатся в системе; информационно-аналитическое обеспечение деятельности внутренних и внешних пользователей системы по анализу и проверке соблюдения запретов и ограничений в процессе осуществления своих профессиональных полномочий и компетенций, возложенных на них законодательством; формирование и ведение статистической отчетности и информационно-аналитических материалов по вопросам противодействия коррупции; взаимодействие «Посейдон» с иными системами, в которых хранятся сведения, позволяющие эффективно бороться с коррупцией. Прежде всего, это данные Федеральной налоговой службы, Росфинмониторинга, Росимущества, а также информация из соцсетей. «Посейдон» позволяет создать цифровой портрет проверяемого человека и узнать, нет ли у него пересечения интересов, неформального общения с лицами, в котором могут быть скрыты коррупционные отношения»⁷.

При этом система «Посейдон» состоит из трех взаимосвязанных комплексов. Первый из них, «Программно-аппаратный комплекс центрального сегмента системы», необходим в целях автоматизации деятельности внутренних и внешних субъектов «Посейдон», связанных с профилактическими мероприятиями по отношению к коррупционным и иным правонарушениям. Второй, «Программно-аппаратный комплекс многоцелевого назначения», функционально обеспечивает деятельность внутренних и внешних субъектов «Посейдон» с программно-аппаратным комплексом центрального сегмента системы, а также необходим для автоматизированного ввода, учета и хранения справок о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Третий, «Специальное программное обеспечение «Справки – БК», направлен на автоматизацию процесса оформления (заполнения) и перевода в машиночитаемый формат данных о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера»⁸.

⁴ СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁵ <https://www.iot.ru/monitoring/godovoy-ekonomicheskiy-effekt-ot-ispolzovaniya-ii-v-rossiyskom-zdravookhraneniiprevysil-13-mlrd-ysclid=lnpvtu>. (дата обращения: 28.12.2023).

⁶ СЗ РФ. 2022. № 18. Ст. 3053.

⁷ Как работает кремлевский антикоррупционный проект «Посейдон» // <https://ura.news/articles/1036284502> (дата обращения: 28.12.2023).

⁸ См.: *Фарахiev Д.М.* Государственная информационная система «Посейдон»: современный взгляд на противодействие коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1. С. 250–254.

Нетрудно заметить, что положения Указа направлены на создание механизма контроля и анализа имущественного положения лиц, на которых действующим законодательством возложены ограничения и запреты. Перечень лиц, которые обязаны предоставлять информацию о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера закреплен ст. 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273 «О противодействии коррупции»⁹, которые при необходимости должны обосновывать законность их соответствия. Последствием выявления несоответствия может быть направление соответствующих сведений в органы прокуратуры, которые, руководствуясь приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 14 апреля 2015 г. № 179 «О реализации прокурорами полномочий, предусмотренных Федеральным законом от 3 декабря 2012 года № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» и об организации прокурорского надзора за исполнением данного Федерального закона», осуществляют собственную проверку и принимают самостоятельное решение о направлении в суд заявления об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы. Как следствие, согласно пп. 8 п. 2 ст. 235 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) по решению суда в доход государства обращается имущество, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы. Действующее гражданское законодательство – ст. 1, п. 5 ст. 10 ГК РФ – исходит из презумпции разумности и добросовестности поведения участников гражданского оборота. Уместно ли в данном случае говорить о факте злоупотребления субъективным гражданским правом, когда имущество, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, приобреталось по сомнительным сделкам. Представляется, что да. В случае, если лицо обжалует предусмотренный механизм конфискации, то при этом возможность судебной защиты должна ставиться в зависимость от того, осуществлялись ли субъективные граждан-

ские права разумно и добросовестно. Если в ходе судебного разбирательства будет доказан факт злоупотребления правом, противоправность приобретения имущества, то суд с учетом п. 2 ст. 10 ГК РФ должен отказать в защите принадлежащего права полностью или частично.

В настоящее время в Российской Федерации все большее развитие получают развитие общественные отношения, связанные с цифровым профилем и технологиями его использования. Цифровой профиль должен стать источником достоверных, актуальных и юридически значимых данных о физических и юридических лицах¹⁰. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций опубликовало законопроект о цифровых профилях россиян. Согласно тексту цифровой профиль является «совокупностью сведений о гражданах и юридических лицах, содержащихся в информационных системах государственных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в единой системе идентификации и аутентификации»¹¹. Можно предположить, что цифровой профиль необходим для оперативного получения информации о гражданине по запросу публичных органов. Формирование первичных данных цифрового профиля осуществляется на базе единого федерального реестра населения, который ведется на основании сведений о физических лицах, представляемых уполномоченному органу соответствующими ведомствами. Это позволяет обеспечить непрерывную актуализацию сведений, составляющих цифровой профиль гражданина¹². Посредством цифрового профиля

¹⁰ Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков и противодействии коррупции: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2022 г. / Е.А. Артеменко, А.М. Волкова, Р.О. Долотов и др.; под науч. ред. Д.В. Крыловой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 8.

¹¹ Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации)»: подгот. Минкомсвязью России (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.03.2019) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.12.2023).

¹² Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков и противодействии коррупции: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Е.А. Артеменко, А.М. Волкова, Р.О. Долотов и др.; под науч. ред. Д.В. Крыловой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.

⁹ СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

возможна также реализация функции выявления конфликта интересов, обработки сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Кроме того, технологии искусственного интеллекта могут отслеживать так называемый цифровой след, анализировать стиль жизни подконтрольного лица, выявляя расхождения между расходами и официальным уровнем дохода¹³.

Таким образом, использование технологии искусственного интеллекта, несомненно, повысит эффективность выявления коррупционных правонарушений, будут способствовать решению задачи по снижению уровня коррупции, неотвратимости принятия к виновным лицам мер дисциплинарного, гражданского, административного и уголовно-правового характера.

¹³ Виноградова Е.В., Полякова Т.А., Минбалева А.В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19.

Библиографический список

1. Как работает кремлевский антикоррупционный проект «Посейдон» // URL: <https://ura.news/articles/1036284502> (дата обращения: 28.12.2023 г.).
2. Фарахiev Д. М. Государственная информационная система «Посейдон»: современный взгляд на противодействие коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1.
3. Искусственный интеллект в профилактике правовых рисков и противодействии коррупции: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 2022 г. / Е.А. Артеменко, А.М. Волкова, Р.О. Долотов и др.; под науч. ред. Д.В. Крыловой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022.
4. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации Е.В. Виноградова, Т.А. Полякова, А.В. Минбалева // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4.

ВНИМАНИЮ ЗАКОНОДАТЕЛЯ!

Доследственное производство: проблема защиты прав проверяемого лица

Игорь Владимирович Овсянников*

Ранее автор настоящей статьи обосновывал тезисы о том, что на этапе доследственной проверки повышена опасность необоснованного, не вызванного необходимостью принуждения, ущемления прав, свобод или законных интересов граждан, что на современном этапе развития уголовно-процессуального закона то достоинство стадии возбуждения уголовного дела, на которое традиционно указывали сторонники необходимости этой стадии в отечественном уголовном процессе, а именно – ее способность оградить граждан от необоснованных принудительных мер, от недопустимых ограничений их прав, свобод и законных интересов, не

только становится прозрачным, но и превращается в свою противоположность – в существенный недостаток¹.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать возможности защиты прав лица, в отношении которого на стадии возбуждения уголовного дела проводится проверка сообщения о преступлении. Далее для краткости будем называть это лицо проверяемым лицом.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ введена норма о том, что защитник участвует в

* Доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России.

¹ См.: Овсянников И.В. Проблема допустимости уголовно-процессуального принуждения и ограничения прав личности на начальном этапе досудебного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6. С. 65–69.

² Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса

уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ). Казалось бы, участие защитника уже на этапе доследственной проверки в ходе любых разрешенных на этом этапе познавательных действий, проводимых в отношении проверяемого лица, явление положительное и соответствует правозащитному назначению российского уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Соответствует это и правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, который в постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П разъясняет: «...Конституция Российской Федерации не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым либо обвиняемым, а следовательно, и с моментом принятия органом дознания, следствия или прокуратуры какого-либо процессуального акта, и не наделяет федерального законодателя правом устанавливать ограничительные условия его реализации. ...Поэтому конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным»³.

Но наличие двух отмеченных обстоятельств (ограничение прав проверяемого лица и участие защитника, выполняющего, как известно, функцию защиты от обвинения, то есть от уголовного преследования) позволяет утверждать: современный регламент доследственного производства предусматривает возможность уголовного преследования проверяемого лица. Возникает проблема охраны прав и свобод проверяемого лица, обеспечения ему права на защиту от уголовного преследования.

Уголовное преследование – деятельность по изобличению в совершении преступления подозреваемого, обвиняемого (п. 55 ст. 5 УПК РФ), то есть лица, формально наделенного соответствующим процессуальным статусом. Закрепленный в ст. 16 УПК РФ принцип обеспечения подозреваемому

и обвиняемому права на защиту обязывает суд, прокурора, следователя и дознавателя обеспечивать возможность защищаться любыми способами и средствами, которые не запрещены УПК РФ, именно подозреваемому и обвиняемому. Однако в досудебном производстве возможность наделения конкретного лица таким процессуальным статусом и начала его публичного уголовного преследования имеется лишь в момент возбуждения дела или позже (ч. 1 ст. 46, ч. 1 ст. 47 УПК РФ) путем вынесения соответствующих постановлений или иных процессуальных документов, требующих обоснования и мотивировки принимаемых решений.

Что касается лиц, которые участвуют в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, то в ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ предписано разъяснять им их права и обеспечивать возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, а также перечислены некоторые их права общего характера. Такое требование процессуального закона надо оценивать положительно, так как оно может служить некоторой гарантией обеспечения их прав. Но такая гарантия представляется слабой и недостаточной.

Из содержания процессуального закона неясны ни полный спектр прав и обязанностей граждан, привлекаемых к участию в доследственном производстве, ни корреспондирующие им обязанности следователя или дознавателя. Например, ч. 1¹ ст. 144 УПК РФ не обязывает должностных лиц разъяснять привлекаемым гражданам, в отношении кого из них и почему проводится проверка, в связи с совершением какого преступления осуществляется уголовное преследование, как это предусмотрено, например, в ходе дознания при уведомлении гражданина о подозрении в совершении преступления (ст. 223¹ УПК РФ). Процессуальный закон не обязывает разъяснять проверяемому лицу право защищаться всеми способами и средствами, не запрещенными УПК РФ, и обеспечивать возможность осуществления этого права, хотя в отношении подозреваемого и обвиняемого такая обязанность у следователя и дознавателя есть (ч. 1 ст. 11, ч. 2 ст. 16 УПК РФ).

Из-за этого на практике в каждом конкретном случае проверки содержание и объем разъясняемых тому или иному лицу прав и обязанностей, а также моменты времени, в которые будет что-то разъясняться, ставятся в зависимость от усмотре-

Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. № 9. Ст. 875.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

ния субъекта, проверяющего сообщение о преступлении. Но в процессуальной литературе констатируется наличие в правоприменительной практике, характеризующейся высокими профессиональными нагрузками, тенденции к упрощению процедуры: «Во всех случаях, когда использование той или иной процессуальной гарантии поставлено в зависимость от правоприменяющего субъекта, ее действие оказывается весьма ограниченным»⁴.

В связи с этим симптоматичны и красноречивы результаты проведенного Н.А. Логиновым в десяти регионах России интервьюирования 157 сотрудников, осуществляющих досудебное производство по уголовным делам: лишь 57,9% опрошенных полагают, что участниками уголовного судопроизводства, обеспечивающими право на защиту в стадии возбуждения уголовного дела, являются следователь (дознатель); 36,7% отнесли к таковым прокурора, 38,2% – заявителя (потерпевшего), 23,4% – суд; но больше всех голосов (87,3%) набрало само лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело. При этом 24,2% опрошенных полагают, что право на защиту реализуется исключительно после возбуждения дела⁵.

Из 143 сотрудников правоохранительных органов, проанкетированных И.А. Филимоненко в 7 регионах России, 30 сотрудников (21%) не разъясняют права участникам стадии возбуждения уголовного дела при производстве проверочных действий, 85 сотрудников (59%) не считают необходимым участие адвоката на этой стадии⁶.

По указанным причинам для проверяемого лица и его защитника осуществление защиты существенно затрудняется.

В частности, в предусмотренных УПК РФ случаях подозреваемый и обвиняемый могут пользоваться помощью защитника бесплатно (ч. 4 ст. 16 УПК РФ); дознаватель или следователь обязан обеспечить участие защитника по их просьбе (ч. 2 ст. 50 УПК РФ); расходы на оплату труда адвоката, который участвует в производстве предварительного расследования или судебном разбиратель-

стве по назначению дознавателя, следователя или суда, компенсируются за счет средств федерального бюджета (ч. 5 ст. 50 УПК РФ). Но для проверяемого лица, даже если оно не имеет средств для оплаты труда адвоката-защитника, на этапе доследственной проверки подобной возможности не предусмотрено. В связи с этим адвокат А.П. Голенко справедливо констатирует, что доследственная проверка сообщения о преступлении не является предварительным расследованием, и делает логичный вывод, что «положения части 5 статьи 50 УПК РФ неприменимы в стадии возбуждения уголовного дела в целях компенсации расходов адвоката на оплату его труда за счет средств федерального бюджета, что исключает реализацию конституционного права заподозренного в совершении преступления лица на бесплатную квалифицированную юридическую помощь адвоката в данной стадии уголовного процесса»⁷. По мнению К.А. Наумова, декларация права на защиту в ходе доследственной проверки – фикция⁸.

Эти недостатки представляются существенными. Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что постановление дознавателя, следователя или руководителя следственного органа об отказе в назначении защитника следует относить к решениям и действиям (бездействию), способным причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства⁹.

Таким образом, в доследственном производстве осуществление уголовного преследования конкретных лиц путем производства действий, затрагивающих их права и свободы, не соответствует принципам охраны прав и свобод человека и гражданина, обеспечения права на защиту (ст.ст. 11, 16 УПК РФ).

Существенна и другая особенность. В ходе предварительного расследования уголовное преследование конкретного лица может быть начато при наделении его процессуальным статусом

⁴ См.: Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989. С. 251.

⁵ См.: Логинов Н.А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах – членах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. С. 201–202.

⁶ См.: Филимоненко И.А. Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021. С. 282.

⁷ См.: Голенко А.П. Право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в начальной стадии уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2018. № 2. С. 171.

⁸ См.: Наумов К.А. Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. С. 46.

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (п. 2) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

подозреваемого (ч. 1 ст. 46 УПК РФ) или обвиняемого (ч. 1 ст. 47 УПК РФ) путем: а) возбуждения в отношении него уголовного дела, б) задержания, в) применения к нему меры пресечения до предъявления обвинения, г) уведомления о подозрении в совершении преступления, д) привлечения в качестве обвиняемого. Причем по смыслу закона требуется определенное основание и для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 141, ч. 1, 2 ст. 146 УПК РФ), в том числе в отношении конкретного лица, и для задержания подозреваемого (ст. 91 УПК РФ), и для избрания меры пресечения (ст. 97 УПК РФ), и для уведомления о подозрении в совершении преступления (ч. 1 ст. 223¹ УПК РФ), и для привлечения в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 171 УПК РФ).

Но для начала уголовного преследования проверяемого лица по действующему закону какому-либо процессуальному основанию не требуется. Не требуется и вынесения об этом обоснованного и мотивированного постановления, что, кстати, само по себе тоже затрудняет защиту от уголовного преследования. Следовательно, при отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, возможен как отказ в возбуждении дела, так и осуществление уголовного преследования. Такая законодательная регламентация представляется не только не вполне логичной и последовательной, но и опасной¹⁰. Тем более, что наибольшее количество нарушений законов должностные лица органов предварительного расследования традиционно допускают именно в доследственном производстве: в 2022 г. в результате надзора за исполнением законов на досудебной стадии уголовного судопроизводства прокуроры выявили 5,2 млн нарушений законов, из них при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении 3,4 млн (65%)¹¹.

В заключение отметим еще одну причину, затрудняющую защиту прав проверяемых лиц. В доследственном производстве уголовное преследование проверяемых лиц осуществляется, как правило, при ограниченности имеющейся у следователя или

дознателя криминалистически значимой информации и одновременно при значительных ограничениях (по сравнению с предварительным расследованием) возможностей по ее пополнению путем производства следственных действий. Совокупность указанных обстоятельств существенно повышает риск того, что уголовному преследованию будут ошибочно подвергаться лица, непричастные к совершению преступления. В таких условиях моральные издержки доследственного производства возрастают. Но если у подозреваемого или обвиняемого, уголовное преследование в отношении которого прекращено по реабилитирующим основаниям в ходе предварительного расследования, есть право на реабилитацию, на устранение последствий и возмещение морального вреда (ч. 1 ст. 133, п. 3 ч. 2 ст. 133, ст. 136 УПК РФ), то для лица, в отношении которого проводилась проверка сообщения о преступлении, подобных прав, связанных с ошибочным уголовным преследованием, процессуальным законом не предусмотрено.

Изложенное позволяет предложить законодателью обратить внимание на вопрос о целесообразности и допустимости в условиях существующего правового регулирования уголовного преследования конкретных лиц на этапе доследственной проверки путем производства действий, затрагивающих их права и свободы.

Библиографический список

1. *Голенко А.П.* Право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в начальной стадии уголовного судопроизводства // Публичное и частное право. 2018. № 2.
2. Курс советского уголовного процесса: Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М.: Юрид. лит., 1989.
3. *Логинов Н.А.* Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах – членах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019.
4. *Наумов К.А.* Сущность и построение досудебного производства в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021.
5. *Овсянников И.В.* Проблема допустимости уголовно-процессуального принуждения и ограничения прав личности на начальном этапе досудебного производства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6.
6. *Овсянников И.В.* Уголовное преследование конкретного лица и проблемы обеспечения его права на защиту при проверке сообщения о преступлении // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2.
7. *Филимоненко И.А.* Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2021.

¹⁰ См.: *Овсянников И.В.* Уголовное преследование конкретного лица и проблемы обеспечения его права на защиту при проверке сообщения о преступлении // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 2. С. 107–112.

¹¹ См.: Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь–декабрь 2022 г. // <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result?item=85327980> (дата обращения: 04.09.2023).

**ВЗГЛЯД
НА ПРОБЛЕМУ**

Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности

Руслан Сергеевич Утегенов*

В условиях неблагоприятных внешнеполитических и экономических факторов, связанных с недружественными действиями ряда государств в отношении российских граждан, предприятий, организаций и государства в целом, борьба с преступлениями, подрывающими экономическую безопасность страны, приобретает особую актуальность и является приоритетным направлением государственной политики.

Проблемы в рассматриваемой сфере, являясь одними из острых для современного российского общества, стали предметом повышенного внимания и вызывают обеспокоенность руководства страны. Так, в 2023 г. Президент России Владимир Путин в ходе ежегодного Послания Федеральному Собранию Российской Федерации указал, что важнейшим элементом экономического суверенитета России является свобода предпринимательства. Одновременно глава государства отметил: «Государство должно контролировать, что в этой сфере происходит, нельзя допустить здесь вседозволенности, но перегибать палку тоже ни к чему...»¹. Проблемы в рассматриваемой сфере были предметом обсуждения и в ходе заседания Петербургского международного экономического форума².

Об актуальности рассматриваемых вопросов свидетельствуют также положения государственных документов стратегического планирования. Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³ отмечается, что достижение

целей обеспечения государственной и общественной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение задач, в том числе по снижению уровня преступности в экономической сфере.

И это не случайно. В стране ежегодно регистрируется более 100 тыс. преступлений экономической направленности, в том числе порядка 40 тыс. преступлений в сфере экономической деятельности (см. рис. 1)⁴.

Как видим, несмотря на незначительное снижение в 2022 г. по сравнению с 2021 г. числа выявленных преступлений экономической направленности, а также преступлений в сфере экономической деятельности, их общее количество на протяжении последних пяти лет остается значительным.

Ущерб от таких преступлений исчисляется сотнями миллиардов рублей. Так, сумма причиненного имущественного вреда от преступлений экономической направленности по оконченным и приостановленным уголовным делам (из числа находящихся в производстве) в 2022 г. составила 339,08 млрд руб. (в 2021 г. 641,9 млрд руб.), от преступлений в сфере экономической деятельности – свыше 84 млрд руб. (рис. 2). В обеспечение возмещения имущественного вреда изъято, наложен арест на имущество, добровольно погашено, изъято имущества, денег, ценностей на сумму свыше 312 млрд руб., предъявлено гражданских исков на сумму 125,28 млрд руб.

В 2022 г. выявлено 51 855 лиц, совершивших преступления экономической направленности, из них 15 256 – совершивших преступления в сфере экономической деятельности (в 2021 г. – 53 717 и

* Старший прокурор 3 отдела управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел и юстиции прокуратуры г. Москвы.

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 07.11.2023).

² Официальный сайт Президента Российской Федерации: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/71445> (дата обращения: 07.11.2023).

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ от 2 июля

2021 г. № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (03.07.2021).

⁴ Портал правовой статистики // Генеральная прокуратура РФ: <http://crimestat.ru/>; Официальная статистика // Федеральная служба государственной статистики: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 14.11.2023).

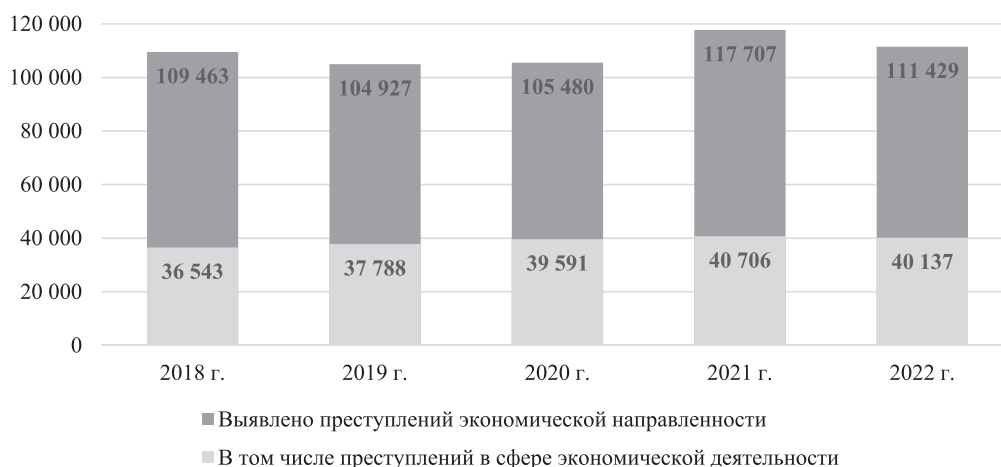

Рис. 1. Динамика количества выявленных преступлений экономической направленности, в том числе преступлений в сфере экономической деятельности в 2018–2022 гг.

Рис. 2. Размер причиненного имущественного вреда от преступлений экономической направленности по окончанным и приостановленным уголовным делам в 2022 гг.

13 306 соответственно). При этом за совершение преступления в сфере экономической деятельности осуждено 9841 лиц (в 2021 г. – 8199)⁵.

Учитывая указанные обстоятельства, вопросы обеспечения качества доказывания по рассматриваемой категории дел приобретают высокую

значимость, если учесть, что органами предварительного расследования не всегда учитывается специфика производства по таким делам, что приводит к нарушению прав и законных интересов участников уголовного процесса. Это подтверждается результатами деятельности прокуроров, которые при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия выявляют многочисленные

⁵ Форма № 11 ведомственного статистического наблюдения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2022 г.

нарушения законов по делам и материалам о преступлениях в рассматриваемой сфере. Так, в 2022 г. только в сфере предпринимательской деятельности прокурорами выявлено свыше 36 тыс. нарушений закона.

В юридической науке существуют различные подходы к определению понятия «преступления экономической направленности» наряду с «экономическими преступлениями», «преступлениями в сфере экономики»⁶. Анализ таких подходов свидетельствует, что одни авторы ставят знак равенства между преступлениями экономической направленности и преступлениями в сфере экономической деятельности, другие – ставят знак равенства между преступлениями в сфере экономики. В связи с этим в науке предпринимались и предпринимаются в настоящее время попытки выработать доктринальное определение преступлений экономической направленности⁷.

Кроме того, до настоящего времени не выработано единого подхода к определению сущности доказывания в уголовном судопроизводстве. Как справедливо отмечают ведущие отечественные ученые-процессуалисты, для определения сущности доказывания в уголовном судопроизводстве необходим более компромиссный подход, предполагающий сочетание познавательных и аргументационных приемов в деятельности как суда, так и сторон⁸.

Как известно, содержание деятельности, определяемой термином «особенности доказывания»,

стоит в анализе и сопоставлении: а) предмета доказывания; б) видов применяемых доказательств; в) особенностей источников доказательств, их обнаружения, собирания и проверки. В этой связи в рамках настоящей статьи представляется уместным обратить внимание читателя именно на особенности предмета доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, закреплены в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Как правило, в юридической литературе понятие «обстоятельства, подлежащие доказыванию» отождествляют с понятием «предмет доказывания», которое используется в доктрине. При этом обращает на себя внимание то обстоятельство, что в публикациях по данной тематике авторы ограничиваются характеристикой используемых видов следственных действий при собирании вещественных доказательств по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, что представляется не совсем достаточным.

Особенности предмета доказывания по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, на наш взгляд, проявляются, прежде всего, в необходимости установления тех обстоятельств, которые предусмотрены уголовно-правовой характеристикой данных посягательств. С этой целью обстоятельства, перечисленные в ст. 73 УПК РФ, должны быть конкретизированы с учетом конструктивных признаков составов преступлений, закрепленных в гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) (ст.ст. 169–200⁷).

На первый план уголовно-процессуальным законом выдвигается задача исследования события преступления. Как правило, сложности возникают в ходе определения предмета посягательства по таким делам. Во многом это объясняется их разнообразностью. Так, важно понимать, что предметом хищения могут выступать как вещные предметы (наличные денежные средства, имущество, ценные бумаги и др.), так и предметы неовещественные (цифровые права, безналичные денежные средства и др.). В том случае, если речь идет о праве на чужое имущество, то предмет посягательства также можно классифицировать на вещные (к примеру, при приобретении права собственности на объект

⁶ См.: *Гладких В.И.* К вопросу о понятии и видах экономической преступности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 621. С. 14–20; *Козаев Н.Ш.* Уголовная статистика как зеркало общественных отношений, обусловленных научно-техническим прогрессом // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2014. № 4 (55). С. 3; *Ларичев В.Д.* Преступность экономической направленности. М., 2011. С. 28; *Мазур С.Ф.* Некоторые вопросы противодействия преступлениям экономической направленности и их место в классификации преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4. С. 104; *Федирко Е.А., Барзыкина Г.А.* Преступления экономической направленности: понятие и методика исследования // Матер. III Междунар. молодежной науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита». Курск, 2016. С. 311–317, и др.

⁷ См.: *Привалов А.В.* О значении направленности и характера преступлений для их квалификации // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 201.

⁸ См.: *Воскобитова Л.А., Россинский С.Б.* Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1. С. 132.

недвижимости) и не вещиные предметы, рассматриваемые как право на чужое имущество (к примеру, в случае с интеллектуальной собственностью).

Кроме того, в целях разграничения преступлений в рассматриваемой сфере со смежными составами, а также от иных правонарушений (гражданско-правовых, административных и др.) важно при доказывании рассматриваемой категории дел устанавливать факт нарушения лицом норм того или иного отраслевого законодательства путем совершения конкретных противоправных деяний (действий или бездействия). На указанные обстоятельства неоднократно обращал внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ) в своих постановлениях.

К примеру, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ, включает в себя совершение таких действий, как: осуществление предпринимательской деятельности без регистрации или осуществление предпринимательской деятельности без лицензии в случаях, когда такая лицензия обязательна. Как отметил Пленум ВС РФ, право осуществлять деятельность, на занятие которой необходимо получение специального разрешения (лицензии), возникает с момента получения разрешения (лицензии) или в указанный в нем срок и прекращается по истечении срока его действия (если не предусмотрено иное), а также в случаях приостановления или аннулирования разрешения (лицензии) (п. 3 ст. 49 ГК РФ)⁹. При этом следует учесть, что если лицо осуществляет незаконную предпринимательскую деятельность посредством изготовления и реализации фальсифицированных товаров (к примеру, спиртосодержащих напитков, лекарств) под видом подлинных, обманывая потребителей относительно качества и характеристики товара, влияющих на его стоимость, содеянное образует состав мошенничества и дополнительная квалификация по ст. 171 УК РФ не требуется.

Заслуживают внимания и разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума ВС РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». Так, Пленум ВС РФ отметил, что, исходя из положений гл. 34 УПК РФ, по

поступившим уголовным делам о налоговых преступлениях судам следует проверять, содержатся ли в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительном заключении сведения о том, какие конкретно нормы законодательства о налогах и сборах, действовавшего на момент совершения преступления, нарушены обвиняемым (п. 29)¹⁰. При этом, на наш взгляд, важно разграничивать в доказывании установление фактической основы дела, т.е. признаков объективной стороны, и отыскание правовой основы дела, т.е. оснований для квалификации, поскольку это разные аспекты расследования экономических преступлений и доказывания по таким делам.

Кроме того, следует учитывать, что регуляторное законодательство, к которому отсылают нормы УК РФ, само может содержать бланкетные нормы, и при доказывании по рассматриваемым уголовным делам важно, чтобы в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении нашло отражение содержание таких норм. В противном случае, как отметил один из судов апелляционной инстанции, не только незаконно само по себе и исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе составленного по уголовному делу обвинительного заключения, но и нарушает право обвиняемого на защиту¹¹.

Не менее важную роль в доказывании по рассматриваемым делам играет установление места совершения преступления. В целом, проблем на практике в указанной части не возникает. Однако судебной практике известны случаи, когда в судебном заседании по уголовному делу о совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 171, п.п. «а», «б» ч. 3 ст. 174¹ УК РФ, стороной защиты заявлялось ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения, в котором указывалось, что исходя из имеющихся сведений, место расположения расчетного счета не соответствует указанному в обвинительном заключении, что препятствует рассмотрению уголовного дела по существу и правильному

⁹ Постановление Пленума ВС РФ от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 1.

¹⁰ Постановление Пленума ВС РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

¹¹ Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 12 августа 2022 г. № 22-1713/2022 // <https://sudact.ru/regular/doc/4iQRtM02i1w/> (дата обращения: 15.11.2023).

определению территориальной подсудности. Суд, возвращая такое дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, указывал, что следователю надлежало правильно и достаточно полно установить место совершения произошедшего, описать содержание обвинения и исходя из имеющихся фактических обстоятельств дела, а также имеющихся в деле доказательств определить территориальную подсудность уголовного дела¹².

Одновременно необходимо доказать причинно-следственную связь между действиями (бездействием) лиц(а) и наступившими преступными последствиями. В этой связи хотелось бы подробнее остановиться на вопросах доказывания виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов.

При доказывании по уголовным делам о преступлениях в рассматриваемой сфере важно правильно определить субъект преступления. Как правило, речь идет о специальных субъектах, поскольку преобладающее большинство рассматриваемых преступлений совершаются представителями хозяйствующих субъектов, которые в силу федерального законодательства наделены статусом юридического лица (ст.ст. 172, 177, 178, 195, 196 и др. статьи УК РФ) либо являются индивидуальными предпринимателями (ст. 171, 176, 177, ч. 2 ст. 195, 196 и др. статьи УК РФ). Поэтому при доказывании важно руководствоваться официальными документами, подтверждающими правовой статус представителя хозяйствующего субъекта (договорами, приказами, выписками из ЕГРЮЛ и (или) ЕГРИП, и др.).

Уголовно-процессуальный закон требует в ходе доказывания устанавливать виновность обвиняемого и мотивы совершения им преступления. По рассматриваемой категории дел важно установить наличие у обвиняемого умысла, поскольку преступления в сфере экономической деятельности совершаются умышленно (как правило, с прямым умыслом). По отдельным составам Конституционный Суд Российской Федерации обращает особое внимание правоприменителей на необходимость установления умысла. Так, в Определении от 18 декабря 2007 г. № 918-О-О Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что ответствен-

ность за совершение сделки, связанной с драгоценными металлами, а равно за незаконное их хранение, перевозку или пересылку в любом виде и состоянии, за исключением ювелирных и бытовых изделий из лома таких изделий, может наступить только при условии доказанности осознания лицом того, что в отношении реализуемых материалов установлен специальный порядок оборота, и наличия у него умысла на совершение соответствующих действий вопреки этому порядку¹³.

Мотивы и цели преступления, по общему правилу, на квалификацию не влияют, но в ряде случаев могут выступать в качестве отягчающих или смягчающих обстоятельств. Анализируемые преступления в основном совершаются по корыстным мотивам. Однако при доказывании следует учитывать, что по некоторым преступлениям субъективная сторона может характеризоваться мотивом личного интереса. В силу п. 19 постановления Пленума ВС РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» личный интерес как мотив преступления может выражаться в стремлении виновного лица извлечь выгоду имущественного или неимущественного характера. Как отметил Пленум ВС РФ, неисполнение налоговым агентом обязанностей по правильному и своевременному исчислению, удержанию и перечислению в бюджет соответствующих налогов, сборов, предусмотренных законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, не связанное с личными интересами, состава преступления, предусмотренного ст. 199¹ УК РФ, не образует и в тех случаях, когда такие действия были совершены им в крупном или особо крупном размере. Если действия налогового агента, нарушающие законодательство о налогах и сборах по исчислению, удержанию или перечислению налогов и (или) сборов в соответствующий бюджет, совершены из корыстных побуждений и связаны с незаконным изъятием денежных средств и другого имущества в свою пользу или в пользу других лиц, содеянное

¹² Приговор Центрального районного суда города Челябинска по ч. 1 ст. 171 УК РФ № 1-250/2017 // <https://sud-praktika.ru/precedent/396492.html> (дата обращения: 12.11.2023).

¹³ Определение Конституционного Суда РФ от 18 декабря 2007 г. № 918-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Сергея Алексеевича на нарушение его конституционных прав Указом Президента Российской Федерации «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена», а также рядом постановлений Правительства Российской Федерации» // Документ опубликован не был.

следует, при наличии к тому оснований, дополнительно квалифицировать как хищение чужого имущества¹⁴.

И наконец, важным аспектом доказывания, с учетом ранее приведенных нами сумм причиненного имущественного вреда от преступлений экономической направленности, является установление характера и размера вреда, причиненного такими преступлениями, поскольку неправильное его определение может повлечь за собой серьезные последствия, включая отмену приговора. Однако следует отметить, что действующий УПК РФ хотя и содержит понятие «вред», но не дает его определения. В ходе доказывания анализируемой категории дел, на наш взгляд, при установлении характера и размера вреда следует учитывать, что имущественный вред может быть как в виде реального ущерба, так и в виде упущенной выгоды. Так, к примеру, по уголовным делам о воспрепятствовании законной предпринимательской или иной деятельности фиксация крупного ущерба предполагает учет двух составляющих: 1) формальной, которая определяется в соответствии с примечанием к ст. 169 УК РФ – стоимости, ущерба, дохода либо задолженности в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей; 2) материальной, которую образуют прямой материальный ущерб и (или) упущенная выгода.

Сложности возникают по уголовным делам о «налоговых преступлениях» (ст.ст. 198–199⁴ УК РФ). Согласно п. 12 постановления Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» исходя из взаимосвязанных положений ч. 1 ст. 76¹, п. 3 примечаний к ст. 198, п. 2 примечаний к ст. 199, п. 2 примечаний к ст. 199¹, п. 2 примечаний к ст. 199³, п. 2 примечаний к ст. 199⁴ УК РФ и ч.ч. 1, 2 ст. 28¹ УПК РФ под возмещением ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, предусмотренного ст.ст. 198–199¹, 199³, 199⁴ УК РФ, следует понимать уплату в полном объеме до назначения судом первой инстанции судебного

заседания недоимки, пеней и штрафов в размере, определяемом в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах и (или) законодательством Российской Федерации об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний с учетом представленного налоговым органом или территориальным органом страховщика расчета размера пеней и штрафов¹⁵.

Однако в юридической доктрине можно встретить позицию ученых относительно того, что недоимки, пени и штрафы по налоговым преступлениям не могут охватываться категорией ущерба, поскольку, как справедливо отмечают авторы, непоступление или несвоевременное поступление обязательного платежа в бюджет (или иной публичный фонд) нельзя рассматривать как уменьшение наличного имущества государства, поскольку именно посредством данных платежей этот фонд и формируется¹⁶.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости закрепления понятий видов вреда («имущественный вред», «физический вред», «моральный вред»), причиненного уголовно наказуемыми деяниями, в действующем уголовно-процессуальном законе, что, на наш взгляд, будет способствовать формированию единого подхода в правоприменительной практике по рассматриваемой категории дел, а стало быть, и обеспечению прав участников уголовного процесса.

В заключение хотелось бы отметить, что сложившаяся ситуация с исполнением законов органами предварительного расследования при доказывании по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, требуют повышения эффективности деятельности органов предварительного расследования, а также ведомственного контроля и прокурорского надзора, их грамотной организации и совершенствования методики проверок, что, в свою очередь, обуславливает необходимость глубокой теоретической проработки указанных вопросов.

Очевидно, что работа в этом направлении не может останавливаться, внимание к ней государства не должно ослабевать, поскольку проблема

¹⁴ Постановление Пленума ВС РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 1.

¹⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 1.

¹⁶ См.: Разгильдиева М.Б. Ущерб, причиненный совершением налогового преступления: теоретико-правовые проблемы взыскания // Налоги. 2015. № 2. С. 39–42.

защиты общества и государства при отправлении правосудия по анализируемой категории дел приобретает особое значение в условиях, когда недостаточная эффективность по их доказыванию представляет серьезную угрозу основам национальной безопасности России.

Библиографический список

1. *Воскобитова Л.А., Россинский С.Б.* Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 1.
2. *Гладких В.И.* К вопросу о понятии и видах экономической преступности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 621.
3. *Козаев Н.Ш.* Уголовная статистика как зеркало общественных отношений, обусловленных научно-техническим прогрессом // Научный вестник Омской Академии МВД России. 2014. № 4 (55).
4. *Ларичев В.Д.* Преступность экономической направленности. М., 2011.
5. *Мазур С.Ф.* Некоторые вопросы противодействия преступлениям экономической направленности и их место в классификации преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 4.
6. *Привалов А.В.* О значении направленности и характера преступлений для их квалификации // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2.
7. *Разгильдиева М.Б.* Ущерб, причиненный совершением налогового преступления: теоретико-правовые проблемы взывания // Налоги. 2015. № 2.

КОММЕНТАРИИ
И ТОЛКОВАНИЯУправленческая природа
административного
усмотрения

Борис Вульфович Россинский*

Вопросам административного усмотрения всегда уделялось должное внимание в научных административно-правовых работах. Еще А.И. Елистратов в своем последнем предреволюционном труде «Основные начала административного права» отмечал, что как бы четко и строго ни регламентировалась деятельность государственных органов и учреждений, работающие в них должностные лица всегда будут проявлять свои индивидуальные особенности, действуя в ряде случаев, как им представляется, наиболее целесообразно¹, другими словами, по своему усмотрению.

Исследуя механизм принятия управленческих решений в начале 70-х годов прошлого века, уже в период распространения на процесс государственного управления кибернетических подходов, т. е. централизованных решений, основанных на анализе значительного объема разносторонней информации, Ю.А. Тихомиров, тем не менее, также писал о неизбежности проявления государственными органами, их служащими определенной степени оперативной самостоятельности. По мнению

ученого, это необходимо для выбора оптимального управленческого решения из нескольких возможных вариантов, допускаемых законом².

Административное усмотрение, конечно, при- сущее не только российским чиновникам, оно везде сопровождает деятельность администрации, в целом является важнейшей частью административного права³, ибо, по словам О.Н. Шестобоева, степень развития административной дискреции во многом определяет уровень существующей юридической практики⁴. Ведь реализация административного усмотрения – это всегда следствие и чиновничьей свободы, и собственного чиновничьего выбора⁵, что очень важно, а зачастую и просто необходимо для принятия оптимального

² См.: Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. М.: Наука, 1972. С. 143.

³ См., например: Брэбан Г. Французское административное право. М.: Прогресс, 1988; Ведель Ж. Административное право Франции. М.: Прогресс, 1973; Жалинский А, Рерихт А. Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001; Ло Хаоцай. Очерки современного административного права Китая. М.: Книгодел, 2010; Корнев А.П., Соловей Ю.П. Дискреционные полномочия полиции США // Сов. государство и право, 1982, № 4.

⁴ См.: Шестобоев О.Н. Законность дискреционного административного акта: проблема подконтрольности // Административное право и процесс. 2020. № 11. С. 9.

⁵ См.: Гирвиц А.В. Понятие, признаки и классификация административного усмотрения // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4 (25). С. 33.

* Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный юрист Российской Федерации.

¹ См.: Елистратов А.И. Основные начала административного права. 2-е изд. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917. С. 87.

управленческого решения. Но это и крайне опасно с точки зрения соблазна нарушения законности. Не случайно в стране уделяется пристальное внимание контролю, в частности судебному контролю, за осуществлением органами исполнительной власти административного усмотрения, проводятся глубокие исследования по этой проблеме⁶.

Конечно, в среде административистов всегда отмечались разные воззрения по поводу допустимости административного усмотрения в правоприменительной деятельности органов и должностных лиц исполнительной власти. Лично я впервые участвовал в соответствующей полемике более 40 лет назад, когда в начале 80-х годов шла подготовка единого для всей страны Указа Президиума Верховного Совета СССР об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения⁷. Хотя тогда уже были приняты Основы законодательства Союза СССР и союзных республик об административных правонарушениях⁸, но ни КоАП РСФСР⁹, ни кодексов об административных правонарушениях союзных республик еще не было. При обсуждении проекта этого Указа одновременно шла проработка вопроса о возможности включения его норм в проект КоАП РСФСР, который параллельно разрабатывался в соответствии с требованиями Основ законодательства Союза СССР и союзных республик об административных правонарушениях.

При рассмотрении проекта названного Указа широко также обсуждался вопрос о допустимости или недопустимости административного усмотрения сотрудников ГАИ при наложении ими адми-

нистративных взысканий¹⁰. Одни ученые и практические работники говорили, что все до мелочей должно быть предусмотрено в законодательном акте. Другие – утверждали, что все возможные жизненные ситуации, в том числе в дорожном движении, предусмотреть в нормативных правовых актах нельзя, а поэтому следует признать допустимость административного усмотрения в юрисдикционной деятельности Госавтоинспекции.

Я поддерживал второе мнение, в правильности которого ни раз убеждался, изучая эту проблему в десятках регионов страны, куда выезжал в служебные командировки. В результате пришел к прочному пониманию, что осуществлять административную юрисдикцию в этой сфере без реализации в тех или иных случаях дискреции невозможно. Более того, анализируя управленческие решения должностных лиц во многих других областях человеческой деятельности, в частности свою личную административную работу, принятие собственных управленческих решений, занял активную позицию, доказывая необходимость и неизбежность административного усмотрения во всех сферах социального управления, но, безусловно, в рамках дозволенного законом и с усилением соответствующих надзорных полномочий¹¹.

Излагая эту мысль студентам, всегда привожу пример итальянской забастовки, т.е. добросовестной работы, но лишь строго по правилам. Еще в начале XX века рабочий класс Италии понял, что четкое выполнение всех инструкций без реализации в случаях необходимости собственной инициативы приводит к снижению производительности труда, а нередко к остановке производства. Дело в том, что в реальном производственном процессе постоянно возникают ситуации, которые заранее невозможно предусмотреть в инструкциях. Выход только один – специалистам, обладающим должными знаниями, опытом, а в силу этого и интуицией, в соответствующих случаях необходимо проявить разумную инициативу. Суть же итальянской забастовки заключается в обратном – в отказе от основанных на усмотрении инициативных решений.

⁶ См., например: *Соловей Ю.П.* О совершенствовании законодательной основы судебного контроля за реализацией органами публичной администрации и их должностными лицами дискреционных полномочий // Административное право и процесс. 2015. № 2; *Он же.* Стандарты судебной оценки дискреционных актов органов (должностных лиц) публичной администрации по законодательству Российской Федерации об административном судопроизводстве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8; *Он же.* Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации как законодательная основа судебного контроля за реализацией дискреционных полномочий публичной администрации // Административное право и процесс. 2016. № 1.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта 1983 г. № 8918-Х // Ведомости Верховного Совета СССР. 1983. № 25. Ст. 387.

⁸ Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 44. Ст. 909.

⁹ Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 27. Ст. 908.

¹⁰ Термин «административное наказание» появился лишь в ныне действующем КоАП РФ.

¹¹ См., например: *Россинский Б.В.* Концепция деятельности Государственной автомобильной инспекции в современных условиях // Организационные и правовые проблемы совершенствования деятельности Госавтоинспекции: сб. научных трудов, М.: НИЦ ГАИ МВД России, 1995; *он же.* Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Системные подходы. М.: Норма, 2020.

Таким образом, административное усмотрение обусловлено наличием определенного пробела в жестких требованиях к поведению субъекта управления и ни в коем случае не может осуществляться, если такого пробела нет, т.е. когда существуют четкие, однозначные требования к деятельности субъекта в конкретной ситуации.

Расширение предмета исследований этой проблемы за пределы социального управления, показывает, что отсутствие жестких рамок, определенный пробел в тех или иных требованиях (некий люфт) свойственны любым управленческим процессам объективной действительности. Возможное и необходимое «усмотрение» в таком понимании, скажем, «усмотрение природы», в целом является закономерным атрибутом управления, осуществляемого не только в социальных, но и в механических, более сложных технических, биологических системах.

Приведу несколько характерных примеров. Рассмотрим простую зубчатую передачу вращения деталей. Если организовать абсолютно жесткий контакт между зубьями, то в определенных ситуациях их просто заклинит, движение остановится. Не случайно детали всех технических агрегатов, в том числе зубчатые передачи, изготавливаются с учетом необходимых допусков и посадок. Лишь при достаточном люфте между зубьями они сами (образно говоря, по своему усмотрению) выйдут из критической ситуации и продолжат вращение. Еще один пример связан с обеспечением устойчивости при движении автомобиля, корабля, самолета. Все эти конструкции оснащены гироскопами или, иначе, гиростабилизаторами, которые самостоятельно, без управленческих команд водителя, капитана, пилота и вне зависимости от их действий (также фактически по своему усмотрению) обеспечивают в случае необходимости устойчивость соответствующей механической системы.

Усмотрение неизбежно проявляется и в социально-технических системах. Так, в литературе описаны ситуации, возникающие при летных испытаниях, когда вероятность мгновенного падения самолета и гибели самого летчика-испытателя крайне велика. При этом заранее разработанных рекомендаций по управлению самолетом в подобных условиях нет и быть не может, ибо ситуации всегда новые, разные и абсолютно непредсказуемые. Здесь и машину, и человека может спасти только усмотрение пилота. Причем заметим, ус-

мотрение, не обусловленное лишь его знаниями, опытом, волей, наконец, интуицией.

Как вспоминал выдающийся летчик-испытатель М.Л. Галлай, давший путевку в жизнь 125 конструкциям летательных аппаратов, в том числе первому советскому реактивному истребителю «МиГ-9», в момент смертельного риска, когда зрение, слух, осязание уже не воспринимают в должной степени нужные детали полета и работы систем самолета, сознание испытателя, подчиняясь объективным закономерностям природы, вдруг начинает работать само по себе во много раз лучше, чем обычно, мгновенно выдавая оптимальное решение. Именно это субъективное решение, фактически являющееся собственным усмотрением летчика, позволяет ему выйти из критической ситуации¹².

Очевидно, что реализация усмотрения, в том числе административного усмотрения, – это не столько произвольное желание субъекта управления, сколько объективная закономерность любого управленческого процесса. Чем же объяснить эту закономерность?

Хорошо известно, что в основе управления лежит передача информации по каналам прямой и обратной связи. Причем существует много вариантов таких каналов. В теории и практике управления однозначно признано, что для организации эффективного управления необходимо сочетание в системах управления, особенно в больших системах, к которым относятся и социальные системы, всех возможных вариантов таких связей, без какого-либо исключения¹³. Не рассматривая в настоящей статье сущность и управленческие особенности иных каналов информационной связи, отмечу, что своеобразной конструкцией в архитектонике каналов обратной связи является так называемая собственная обратная связь. Она во всех системах, главное, в социальных, вызывает много вопросов, ибо не направлена, как все другие обратные связи, от объектов к субъектам управления, а является связью между выходным и входным сигналами одного и того же субъекта.

Каналы этой связи, прежде всего, иллюстрируют возможность субъекта управления в отсутствии

¹² См.: Галлай М.Л. Через невидимые барьеры. Испытано в небе: Записки летчика-испытателя. М.: Молодая гвардия, 1969. С. 51.

¹³ Подробно см. об этом: Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2002; Россинский Б.В. Исполнительная власть в системе государственного управления. М.: Норма, 2023.

нормативных требований, каких-либо рекомендаций или поступивших свыше указаний принимать управленческие решения в основном с учетом результатов ретроспективного анализа своих собственных, ранее принятых аналогичных решений. То есть в соответствующих ситуациях субъект управления, исходя из своих знаний, накопленного опыта, интуиции (собственно, обусловленной этими знаниями и опытом), наконец, волевых особенностей характера, принимает какое-либо управленческое решение. Это и есть его усмотрение.

Однако невозможность обеспечения эффективного управленческого процесса без наличия в системе управления каналов собственной обратной связи (а, следовательно, без реализации в определенных управленческих ситуациях усмотрения) объясняется не только отсутствием соответствующих нормативных требований или команд, поступающих к субъекту управления свыше. Другой отличительной чертой каналов собственной обратной связи является минимальность в них информационных потерь и искажения информации, так называемых информационных шумов¹⁴. В этой связи информационная чистота административного усмотрения в ряде случаев значительно выше, чем команд, прошедших по каналам более сложной архитектуры. Данное обстоятельство нередко обуславливает предпочтительность тех решений, которые приняты по усмотрению.

С учетом сказанного усмотрение в деятельности органов и должностных лиц исполнительной власти, т.е. административное усмотрение, конечно, необходимо и важно во многих случаях публичного управления. Но особую значимость оно приобретает в экстраординарных условиях, когда надо принимать мгновенные управленческие решения в новых и зачастую абсолютно непредсказуемых ситуациях, естественно, при отсутствии не только нормативных требований, но и каких-либо апробированных рекомендаций.

Еще раз подчеркну, что реализация усмотрения вообще и административного усмотрения в частности не является лишь произвольным желанием субъекта управления. Принятие определенных управленческих решений по усмотрению – объективно необходимая и неизбежная составная часть

всего управленческого процесса, обусловленная информационной сущностью управления. В этом, собственно, и состоит управленческая природа усмотрения, в том числе административного усмотрения.

Как было показано выше, вопросы административного усмотрения широко рассматриваются в научной литературе, но, к сожалению, в программах юридических вузов по административному праву, в соответствующих учебниках этому вопросу не уделяется должного внимания. Между тем значимость проблемы требует не только изучения особенностей административного усмотрения как своеобразной формы управленческой деятельности, но и необходимых случаев его реализации, а также допустимых пределов применения.

Библиографический список

1. *Афанасьев В.Г.* Социальная информация и управление обществом. М.: ЛИБРОКОМ, 2013.
2. *Брэбан Г.* Французское административное право. М.: Прогресс, 1988.
3. *Ведель Ж.* Административное право Франции. М.: Прогресс, 1973.
4. *Винер Н.* Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2002.
5. *Галлай М.Л.* Через невидимые барьеры. Испытано в небе: Записки летчика-испытателя. М.: Молодая гвардия, 1969.
6. *Гирвиц А.В.* Понятие, признаки и классификация административного усмотрения // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 4 (25).
7. *Жалинский А., Рерихт А.* Введение в немецкое право. М.: Спарк, 2001.
8. *Елистратов А.И.* Основные начала административного права. 2-е изд. М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1917.
9. *Корнев А.П., Соловей Ю.П.* Дискреционные полномочия полиции США // Сов. государство и право. 1982. № 4.
10. *Ларин М.В.* Информационное обеспечение управления. М.: РГТУ, 2018.
11. *Ло Хаоцай.* Очерки современного административного права Китая. М.: Книгодел, 2010.
12. *Россинский Б.В.* Концепция деятельности Государственной автомобильной инспекции в современных условиях // Организационные и правовые проблемы совершенствования деятельности Госавтоинспекции: сборник научных трудов. М.: НИЦ ГАИ МВД России, 1995.
13. *Россинский Б.В.* Административно-правовые аспекты государственного управления в России. Системные подходы. М.: Норма, 2020.
14. *Россинский Б.В.* Исполнительная власть в системе государственного управления. М.: Норма, 2023.

¹⁴ См.: *Афанасьев В.Г.* Социальная информация и управление обществом. М.: ЛИБРОКОМ, 2013; *Винер Н.* Кибернетика и общество. М.: Тайдекс Ко, 2002; *Ларин М.В.* Информационное обеспечение управления. М.: РГТУ, 2018; *Урсул А.Д.* Природа информации. М.: ЛЕНАНД, 2020.

15. Соловей Ю.П. О совершенствовании законодательной основы судебного контроля за реализацией органами публичной администрации и их должностными лицами дискреционных полномочий // Административное право и процесс. 2015. № 2.
16. Соловей Ю.П. Стандарты судебной оценки дискреционных актов органов (должностных лиц) публичной администрации по законодательству Российской Федерации об административном судопроизводстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8.
17. Соловей Ю.П. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации как законодательная основа судебного контроля за реализацией дискреционных полномочий публичной администрации // Административное право и процесс. 2016. № 1.
18. Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. М.: Наука, 1972.
19. Урсул А.Д. Природа информации. М.: ЛЕНАНД, 2020.
20. Шестобоев О.Н. Законность дискреционного административного акта: проблема подконтрольности // Административное право и процесс. 2020. № 11.

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Транспарентность как фактор, обеспечивающий достижение социального назначения уголовного судопроизводства

Никита Владимирович Спесивов*

Вопрос о назначении уголовного судопроизводства является одним из активно обсуждаемых в доктрине российского уголовного процесса в силу того, что цели (назначение) уголовно-процессуальной деятельности носят ярко выраженный социальный характер, непосредственно затрагивая интересы личности, общества и государства. Именно назначение уголовно-процессуальной деятельности определяет ее сущность, ее основные черты и принципы осуществления. Проблематика назначения уголовного судопроизводства, его целей функциональной направленности деятельности участников уголовного процесса не теряет актуальности, поскольку в связи с развитием общественных отношений и меняющейся в соответствии с ними государственной (в том числе и уголовно-правовой) политикой возникает потребность в разработке максимально сбалансированной, гармоничной модели уголовного судопроизводства, адекватной современному состоянию государственного развития.

* Кандидат юридических наук, доцент, директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.

Использованный в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) термин «назначение» уголовного судопроизводства в доктрине уголовного процесса трактуется и как цель, и как задача, и как функция¹. По нашему мнению, понятие «назначение уголовного судопроизводства» должно характеризовать потенциальный желаемый результат, которого необходимо достичь; назначение уголовно-процессуальной деятельности должно давать ответ на главный вопрос: для чего, в конечном счете, осуществляется уголовное судопроизводство.

Как справедливо отмечено, уголовное судопроизводство – это продукт, порожденный интересами общества по обеспечению своей безопасности от преступных проявлений, это регламентированный законом способ, средство установления контроля над преступностью, обеспечения правопорядка в государстве². Отсюда идет его карательная состав-

¹ См.: Хузина Н.А. Оправдание подследного и назначение уголовного судопроизводства // Территория науки. 2012. № 1. С. 184.

² См.: Манова Н.С., Лавнов М.А., Чурикова А.Ю. Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности // Правовая политика

ляющая. Однако в социальном назначении уголовного судопроизводства важное место занимают также охранительная, воспитательная и предупредительная (превентивная) составляющие. На переориентацию порядка производства по уголовным делам от карательной к охранительной составляющей активно указывалось учеными-процессуалистами после принятия УПК РФ⁵. Однако о предупредительной и воспитательной целях уголовного судопроизводства сегодня практически забыли.

Как верно отмечает профессор Л.М. Володина, уголовный процесс имеет две стороны: первая заключается в том, что уголовное судопроизводство представляет собой социально-правовой институт, который сложился из различных общественных отношений, способствующий решению правовых конфликтов в обществе; вторая грань уголовного процесса – это некая система нормативно-ценностных норм, основой которых являются ценностные ориентиры общества в целом⁴.

Сам термин «назначение», во многом этимологически схожий с термином «предназначение», на наш взгляд, связан с той миссией, которую должно выполнять уголовное судопроизводство. Доступность правосудия, обеспечение потерпевшим возмещения причиненного вреда, справедливое наказание виновных обеспечивается эффективным порядком уголовного судопроизводства, главенствующую роль в котором играет четко выверенный баланс публичных и частных интересов, процессуальных прав и обязанностей сторон. Как вид государственной деятельности оно направлено

на обеспечение безопасности всего общества (публичные интересы) и в равной степени – на защиту прав и свобод личности, вовлеченной в данный вид деятельности (частные интересы).

Для достижения социального назначения уголовного судопроизводства особую значимость имеет осознание не только участниками процесса, но и населением страны справедливости (в том числе в смысле полезности и необходимости) данного вида государственной деятельности. Общественное сознание особенно остро реагирует на нарушение справедливости в уголовно-процессуальной сфере. В связи с этим в последние годы в отечественной теории уголовного процесса на фоне общемировой тенденции к построению справедливой системы правосудия особое внимание уделяется справедливости в российском уголовном судопроизводстве, отчетливо чувствуется «назревший общественный запрос на справедливость уголовного процесса»⁵.

Справедливость уголовного судопроизводства тесно связана с его доступностью, открытостью, транспарентностью. Российская Федерация идет по пути формирования государства «открытого доступа», в котором высокая степень информационной открытости, транспарентности обеспечивает подотчетность государственных органов, контроль со стороны общества за их деятельностью. На современном этапе общественного развития потребность в транспарентности является глобальным вызовом, обусловленным характером взаимодействия между обществом и государством. В своем ежегодном Послании к Федеральному Собранию Президент России 15 января 2020 г. отметил, что ключевую роль в обеспечении законности и прав граждан играет судебная система. Подчеркивая, что в указанном аспекте «безусловным должен быть не только профессионализм судей, но и доверие к ним», В.В. Путин акцентировал внимание на том, что справедливость и моральное право принимать решения, затрагивающие судьбы людей, всегда в России имели первостепенное значение. Президент констатировал, что в российском обществе четко обозначился запрос на перемены⁶. Однако сфера уголовного судопроизводства по-прежнему остается наиболее закрытой стороной деятельности государства, что порождает высокую

и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 40; Манова Н.С. Цели (назначение) российского уголовного судопроизводства и средства их достижения // Правовые институты и методы обеспечения экологической и природоресурсной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство, социальная и экологическая эффективность: матер. VI Междунар. научно-прак. конф.: сборник научных статей / под ред. Н.Т. Разгельдеева. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2019. С. 88.

³ См., например: Материалы научно-практической конференции «Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России», проведенной Институтом государства и права РАН // Государство и право. 2002. № 9; Лазарева В.А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина (назначение уголовного судопроизводства) // Lex Russica. 2010. № 3. С. 544–546; Михайлов В.А. Проблема целей и задач уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 3 (19). С. 4.

⁴ См.: Володина Л.М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2. С. 16.

⁵ См.: Манова Н.С., Лавнов М.А., Чурикова А.Ю. Указ. соч. С. 41.

⁶ См.: Стенограмма Послания Президента Федеральному Собранию 15 января 2020 г. // Официальный сайт Президента РФ: <http://www.kremlin.m/events/president/transcripts/62582>.

степень недоверия общества к правоохранительным органам и судам, осуществляющим деятельность в сфере уголовного судопроизводства.

Несмотря на довольно устоявшееся понимание транспарентности как информационной открытости, гласности при осуществлении государственной деятельности⁷, считаем необходимым концептуально переосмыслить подход к ее сущности в сфере уголовного судопроизводства и рассматривать транспарентность как процессуальную основу открытого, доступного и справедливого правосудия. Для сферы уголовного процесса идеи транспарентности имеют особое значение, поскольку важнейшей задачей любого государства, его органов и должностных лиц является обеспечение правопорядка, контроль над преступностью. Должностные лица, осуществляющие данный вид государственной деятельности, наделены широкими полномочиями по ограничению конституционных прав граждан, а процессуальное принуждение провоцирует большинство уголовно-процессуальных институтов. И, как представляется, именно транспарентность может явиться тем реальным средством, которое способно существенно повысить качественную составляющую деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Создание концепции открытости и доступности уголовного судопроизводства, его транспарентности позволит приблизиться и к определению оптимального баланса интересов участников уголовного процесса, интересов государства по установлению контроля над преступностью, а также интересов общества и прав граждан на доступ к информации о деятельности соответствующих компетентных государственных органов и должностных лиц. Кроме того, на основе концепции транспарентности уголовного судопроизводства будет возможно разработать систему нормативно закрепленных правил, обеспечивающих всем заинтересованным лицам возможность получить информацию о производстве по уголовному делу в том объеме и в той форме, которые, с одной стороны, позволяют таким лицам реализовать их конституционные права

и свободы, а с другой стороны, не допускают необоснованного нарушения или ограничения прав и законных интересов других лиц.

Транспарентность уголовного судопроизводства подразумевает открытость и доступность результатов деятельности судебных органов и должностных лиц, осуществляющих досудебное производство в четко очерченных границах института следственной тайны, являющегося гарантией защиты информации, раскрытие которой способно нанести вред не только интересам расследования преступлений, но и правам и законным интересам участников уголовного судопроизводства. Безусловно, что абсолютизация идеи полной открытости уголовного судопроизводства на всех его этапах может препятствовать обеспечению жизненно важных интересов не только государства, но и всего общества по установлению контроля над преступностью, без чего невозможны фактическая защита прав и свобод личности, обеспечение ее безопасности.

Открытость и доступность информации о деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, необходимы для объективной оценки результатов такой деятельности, формирования доверия к ней у населения. Осуществление общественного контроля за органами судебной власти не просто повышает правовую грамотность населения, но и выступает как гарантия использования механизма судебной защиты заинтересованными участниками процесса, способствует обеспечению справедливости самого судебного разбирательства, росту доверия населения к результатам деятельности следственных и судебных органов.

Ныне реализация транспарентности в уголовном судопроизводстве испытывает регулятивное воздействие таких общих условий досудебного и судебного производства, как недопустимость разглашения тайны предварительного расследования и гласность судебного разбирательства, устанавливающих пределы реализации права участников уголовного процесса на получение указанной информации. Однако закон не устанавливает границы такого допустимого разглашения, оставляя решение этого вопроса на усмотрение органа расследования. В ситуации подобных нормативных предписаний гласность досудебного производства нередко искусственно блокируется должностными лицами, его осуществляющими, и зачастую не с целью обеспечить раскрытие преступления и

⁷ См., например: Свежинцев Е.И. Теоретические и прикладные проблемы реализации конституционного права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019; Гунин Д.И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.

установление виновного лица, а из-за стремления скрыть свои ошибки, упущения, волокиту.

Подобное нормативное регулирование уголовно-процессуальной деятельности позволяет сегодня говорить о некой степени транспарентности только применительно к судебному производству. По данным российских авторов, сегодня критически снизилось доверие населения к судебной власти и к органам уголовного преследования. Граждане отказываются верить в справедливость уголовного судопроизводства, не желают как-либо содействовать правосудию⁸. Такое неуважение российского населения к закону, неверие в его торжество во многом связаны с отсутствием информации о деятельности следственных органов, о принятых следователем решениях, с тем, что информация о деятельности правоохранительных органов становится известной лишь из отчетов их руководителей. Для коррекции этой ситуации в Российской Федерации сегодня созданы различные сайты правовой информации, значимые решения выкладываются в обезличенном виде в сети «Интернет». Однако в силу закрытости самой системы правоохранительных органов и укоренившегося в сознании российского населения правового нигилизма нередко ставшие достоянием гласности решения следственных органов и органов прокуратуры по-прежнему встречают негативную реакцию, обусловленную неверием в законность их деятельности, убеждением в наличии двойных стандартов правосудия. Вместе с тем режим «секретности» досудебного производства в определенной степени обусловлен необходимостью следовать нравственным началам уголовно-процессуальной деятельности, недопустимостью разглашения отдельных обстоятельств уголовного дела, которые не должны стать достоянием широкого круга лиц⁹.

Потребность в реализации транспарентности уголовного судопроизводства обусловлена изменениями характера взаимодействия человека, общества и государства в условиях цифровизации и информатизации, изменениями характера взаимосвязей между государством и личностью. Вместе с тем идея транспарентности уголовного

судопроизводства и решаемая государством задача по установлению контроля над преступностью в известной степени противоречат друг другу. Тем не менее разработка критериев и условий транспарентности как судебного, так и досудебного производства по уголовным делам и ее последовательное внедрение в уголовное судопроизводство позволят решить целый ряд актуальных для российского уголовного процесса задач: установление общественного контроля за независимостью и справедливостью судопроизводства; обеспечение условий для единообразия правоприменительной практики (цифровизация уголовного судопроизводства); создание предпосылок для процессуальной экономии, позволяющей участникам уголовного процесса полноценно охватить все материалы производства и оперировать ими.

Библиографический список

1. Володина Л.М. Назначение и принципы уголовного судопроизводства – основа нравственных начал уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 2.
2. Гунин Д.И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
3. Лазарева В.А. Уголовный процесс как способ защиты прав и свобод человека и гражданина (назначение уголовного судопроизводства) // Lex Russica. 2010. № 3.
4. Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45.
5. Манова Н.С. Цели (назначение) российского уголовного судопроизводства и средства их достижения // Правовые институты и методы обеспечения экологической и природоресурсной безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство, социальная и экологическая эффективность: матер. VI Междунар. научно-прак. конф.: сборник научных статей / под ред. Н.Т. Разгелдеева. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2019.
6. Манова Н.С., Лавнов М.А., Чурикова А.Ю. Современная уголовная политика, совершенствование уголовного судопроизводства и модель деятельности прокурора: проблемы взаимообусловленности // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1.
7. Материалы научно-практической конференции «Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России», проведенной Институтом государства и права РАН // Государство и право. 2002. № 9.

⁸ См.: Смирнова И.Г. Борьба с преступностью и уголовное судопроизводство // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 200–205.

⁹ См.: Манова Н.С., Баранова М.А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 45. С. 578.

8. Михайлов В.А. Проблема целей и задач уголовного судопроизводства // Труды Академии управления МВД России. 2011. № 3 (19).
9. Свежинцев Е.И. Теоретические и прикладные проблемы реализации конституционного права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019.
10. Смирнова И.Г. Борьба с преступностью и уголовное судопроизводство // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3.
11. Хузина Н.А. Оправдание подсудимого и назначение уголовного судопроизводства // Территория науки. 2012. № 1.

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Научные и правоприменительные вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением антимонопольного законодательства

Александр Владимирович Кожинский*, Владислав Викторович Солодов**

Часть 2 статьи 34 Конституции Российской Федерации запрещает деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере экономики является одним из приоритетных направлений прокурорской деятельности.

В стране отмечается рост нарушений антимонопольного законодательства со стороны как хозяйствующих субъектов, так и органов власти, эффективное противодействие которым не всегда обеспечивает специальный государственный орган – Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС России), что отражает необходимость усиления прокурорского надзора за исполнением законов органами ФАС России и исполнением антимонопольного законодательства в целом.

Надзор за исполнением антимонопольного законодательства является приоритетным согласно п. 8 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека

и гражданина»¹. Данный вид надзора является одним из важнейших направлений прокурорского надзора за исполнением законов в сфере экономики, по мнению А.Э.Буксмана² и А.В. Паламарчука³.

Интересна встречающаяся практика, при которой прокуроры по административным правонарушениям монополистической направленности (ст.ст. 14.9, 14.31, 14.32, 14.33 и 14.40 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, далее – КоАП РФ), выявленным в результате собственных надзорных проверок, возбуждают дела без принятия решения комиссии антимонопольного органа, хотя согласно ч. 1.2 ст. 28.1 КоАП РФ принятие такого решения является обязательным условием для этого. С другой стороны, предварительное получение прокурором такого решения ставит реализацию надзорных полномочий прокурора в рассматриваемой сфере в зависимость от волеизъявления поднадзорного органа, что противоречит сущности самого отечественного прокурорского надзора за исполнением

¹ Законность. 2008. № 3.

* Кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарно-экономического университета.

** Аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия».

² См.: Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере экономики: сборник методических материалов. Генеральная прокуратура Российской Федерации; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2010. С. 7.

³ Паламарчук А.В. Особенности прокурорского надзора в условиях экономических санкций // Законность. 2015. № 3.

законов вне уголовно-правовой сферы. Для правильного определения путей выхода из данной противоречивой правовой ситуации требуются также соответствующие научные исследования. Согласно ст. 28.4 КоАП РФ при осуществлении надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, прокурор вправе возбудить дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ или законом субъекта Российской Федерации.

Таким образом, формально это законодательная коллизия, так как нормы ч. 1.2 ст. 28.1 и ч. 1.2-1 ст. 28.1 КоАП РФ запрещают прокурору возбуждать дело об административном правонарушении по ст.ст. 14.9, 14.9.1, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ в отсутствие решения комиссии антимонопольного органа. На наш взгляд, это является законодательной ошибкой в рамках ограничения полномочий прокурора по административному преследованию в антимонопольной сфере.

При этом только по результатам рассмотрения дела о нарушении антимонопольного законодательства выносится решение о наличии нарушения антимонопольного законодательства, и в случае его наличия возбуждается дело об административном правонарушении.

Необходимо учитывать, что приказом Федеральной антимонопольной службы от 25 мая 2012 г. № 339 «Об утверждении административного регламента Федеральной антимонопольной службы по исполнению государственной функции по возбуждению и рассмотрению дел о нарушениях антимонопольного законодательства Российской Федерации»⁴ установлен порядок рассмотрения дел о нарушении антимонопольного законодательства. Так, согласно его п. 3.88 дело о нарушении антимонопольного законодательства рассматривается на заседании комиссии. Согласно ст. 40 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁵ (далее – Закон № 135-ФЗ) для рассмотрения каждого дела о нарушении антимонопольного законодательства антимонопольный орган создает в порядке, предусмотренном данным Законом, комиссию по рассмотрению дела о нарушении антимонопольного законодательства. Комиссия состоит из работников антимонопольного

органа. Ее председателем может быть руководитель антимонопольного органа, его заместитель или руководитель структурного подразделения федерального антимонопольного органа.

По мнению А.И. Гальченко, «прокурор хотя и наделен правом возбуждения дела о любом административном правонарушении, но проводить административное расследование может только по делам, относящимся к его исключительной компетенции»⁶.

В научной работе коллектива авторов под редакцией С.В. Максимова и С.А. Пузыревского «Ответственность на нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики» указывается, что, поскольку единственным поводом возбуждения дела об административном правонарушении является решение комиссии антимонопольного органа, при отсутствии такого решения дело не может быть возбуждено, в том числе прокурором, в соответствии со ст. 28.4 КоАП РФ⁷.

Особый порядок возбуждения дел об административных правонарушениях по ст.ст. 14.9, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ фактически исключает из процессуальных субъектов, наделенных правами возбуждать дела об административных правонарушениях, прокуроров, которые при осуществлении надзора за соблюдением Конституции России и исполнением законов, действующих на территории Российской Федерации, имеют право возбудить дело о любом административном правонарушении, ответственность за которое предусмотрена КоАП РФ.

По мнению С.В. Максимова и С.А. Пузыревского, самым опасным в случае применения ст.ст. 14.9, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ является то, что возбуждение дела прокурорами в отсутствие повода к возбуждению дел об административных правонарушениях может быть признано доказательством, полученным с нарушением закона, и привести к отмене решения антимонопольного органа в судебном порядке (при использовании таких доказательств). Такая опасность существует, даже если при последующем возбуждении дела о нарушении антимонопольного законодательства

⁴ Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2013. № 8.

⁵ Российская газета. 2006. 27 июля.

⁶ Гальченко А.И. Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях // Законность. 2014. № 2. С. 22.

⁷ См.: Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики // отв. ред. д.ю.н. Максимов С.В., к.ю.н. Пузыревский С.А. // СПС «КонсультантПлюс».

принятое в установленном порядке решение о нарушении антимонопольного законодательства при обжаловании в суде будет признано законным и обоснованным⁸.

Согласно ст. 23.48 КоАП РФ уполномоченными лицами при рассмотрении дел об административных правонарушениях по ст.ст. 14.9, 14.9.1, 14.31, 14.32, 14.33, 14.40 КоАП РФ являются руководители федерального антимонопольного органа, его заместители или руководители территориальных антимонопольных органов, их заместители. А.Ю. Кинев также отмечает, что при отсутствии решения антимонопольного органа возбудить дело по вышеуказанным антимонопольным статьям КоАП РФ невозможно, и считает, что аналогичный порядок должен быть и при возбуждении уголовных дел по ст. 178 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)⁹.

Вместе с тем, по мнению авторов, положения ч. 1.2 и ч. 1.2-1 ст. 28.1 КоАП РФ противоречат положениям ст. 28.4 КоАП РФ. Так, например, порядок возбуждения уголовных дел за нарушение антимонопольного законодательства по ст. 178 УК РФ не предусматривает обязанности возбуждать уголовные дела только после рассмотрения антимонопольными органами дел о нарушении антимонопольного законодательства, и это уже уголовно-правовая сфера отношений. Возбуждение же прокурором дел об административных правонарушениях монополистической направленности не входит в уголовно-правовую сферу, а является полномочием прокурора согласно ст. 22 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»¹⁰ (далее – Закон о прокуратуре) и ст. 28.4 КоАП РФ входит в полномочия прокурора надзора за исполнением законов.

Прокурор, возбуждая дело об административном правонарушении по антимонопольным нарушениям, не привлекает к ответственности, а выявляет признаки нарушения антимонопольного законодательства для последующего рассмотрения данных признаков антимонопольными органами. Если органы прокуратуры лишают права возбуждения дела об административном правонарушении по антимонопольным составам без решения комиссии антимонопольного органа, тогда, по ана-

логии, органы прокуратуры можно лишить права на возбуждение дел об административных правонарушениях и в других сферах, например, защиты прав потребителей, нарушений в сфере закупок, налоговых правонарушений и др.

Данные нормы содержат правовые препятствия, сдерживающие повышение эффективности прокурорского надзора за исполнением антимонопольного законодательства и искажающие саму суть российского прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы, которые запрещают прокурору по материалам собственной надзорной проверки возбуждать дела об административных правонарушениях монополистической направленности без предварительного принятия по ним решения органами ФАС России.

Проблеме правовых препятствий уделяли внимание теоретики права профессора А.В. Малько¹¹, В.Ю. Панченко¹², т.е. категория «правовые препятствия» является научной категорией теории права, которая конкретизирована применительно к теории прокурорского надзора вне уголовно-правовой сферы относительно надзора за исполнением антимонопольного законодательства.

В данном выводе выявлено именно правовое препятствие для эффективного осуществления деятельности прокуратуры при применении такой меры реагирования, как вынесение постановления о возбуждении производства по делам об административных правонарушениях по материалам собственных надзорных проверок, так как если органы прокуратуры лишают права возбуждения дела об административном правонарушении по антимонопольным составам без решения поднадзорной органам прокуратуры комиссии антимонопольного органа, это искажает саму суть данного прокурорского надзора, создавая препятствия для его осуществления.

Таким образом, действующее законодательство Российской Федерации содержит правовые препятствия, сдерживающие повышение эффективно-

¹¹ Мальков А.В. Препятствия как фактор снижения эффективности правового воздействия: понятие, признаки, классификация // Сборник научных трудов по итогам всероссийских научно-практических конференций с международным участием «Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов» (4 июля 2014 г.); «Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: технологии распознавания и преодоления» (3 июля 2015 г.). Красноярск: Центр информации, 2015. С. 33–46.

¹² Панченко В.Ю., Петров А.А. Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2015.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: Кинев А.Ю. Уголовная ответственность за картели: практика применения статьи 178 УК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472.

сти прокурорского надзора за исполнением анти-монопольного законодательства и искажающие саму суть российского прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы, запрещающие прокурору по материалам собственной надзорной проверки возбуждать дела о некоторых административных правонарушениях монополистической направленности без предварительного принятия по ним решения поднадзорными прокуратуре Российской Федерации органами ФАС России.

Огромный вред экономике государства причиняется картельными соглашениями, в связи с чем своевременное обеспечение возмещения причиненного ими вреда средствами прокурорского надзора приобретает особую актуальность. Однако в данной категории дел органы прокуратуры сталкиваются с существенными проблемами, связанными с пробелом законодательных норм, создающих правовую неопределенность относительно круга субъектов, ответственных за исчисление размеров извлеченного дохода и причиненного ущерба от заключения картельных соглашений, которая на практике дает органам ФАС России основания для принятия решений о применении к участникам картельных соглашений административных наказаний без исчисления размеров ущерба и дохода, превышение определенных размеров которых исключает административную ответственность, что, в свою очередь, увеличивает временные затраты на проверку законности таких решений и сдерживает процесс повышения эффективности прокурорского надзора за исполнением законов в рассматриваемой сфере. Для обоснования путей устранения данного пробела требуются соответствующие научные исследования. Существенной проблемой, на взгляд авторов, сдерживающей повышение эффективности прокурорского надзора в данной сфере, является то, что для привлечения к уголовной ответственности за заключение картельных соглашений по ст. 178 УК РФ требуется причинение крупного или особо крупного ущерба либо извлечение дохода в крупном или особо крупном размере, что не требуется для привлечения к административной ответственности за такие нарушения, что дает возможность органам ФАС России выборочно передавать материалы в следственные органы по делам о картельных соглашениях.

Для привлечения к уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ требуется наступление от

такого правонарушения как минимум трех последствий в совокупности, а именно: наступление последствий, указанных в п.п. 1–5 ч. 1 ст. 11 Закона № 135-ФЗ, например, такого, как возникновение раздела рынка между конкурентами по территориальному принципу и т.п.; наступление реального ограничения конкуренции; причинение крупного ущерба или особо крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечение дохода в крупном или в особо крупном размере. В науке отмечается, что для наступления уголовной ответственности за совершение деяния, предусмотренного ст. 178 УК РФ, необходимо наступление реального ограничения конкуренции¹³.

Также Б.В. Волженкин отмечает, что причинами неэффективного использования уголовно-правовых средств борьбы с ограничением конкуренции является недостаточная профессиональная подготовка следственного аппарата¹⁴. Для привлечения к административной ответственности за такое же нарушение, согласно ст. 14.32 КоАП РФ, достаточно наличия одного последствия, предусмотренного п.п. 1–5 ч. 1 ст. 11 Закона № 135-ФЗ. Закон при этом не обязывает органы ФАС России определять размер полученного дохода или причиненного ущерба. Из-за такой правовой неопределенности сложилась противоречивая практика борьбы с картельными соглашениями. Комиссия по рассмотрению дел о нарушении антимонопольного законодательства, образуемая при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства в антимонопольных органах, по результатам рассмотрения дел передает не все материалы о нарушениях антимонопольного законодательства в следственные органы, а выборочно, по своему усмотрению, не руководствуясь определенными четкими критериями, а следственные органы по переданным материалам не возбуждают уголовные дела без установления размера полученного дохода или причиненного ущерба от картельного соглашения, что препятствует обеспечению законности в данной сфере.

¹³ См.: Волженкин Б.В. Уголовное право России: учебник для вузов в двух томах. Т. 2. Особенная часть. М.: Профобразование, 2002. С. 263.

¹⁴ См.: Волженкин Б.В. К вопросу о совершенствовании законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Ярославль: Издательство Ярославского государственного университета, 2000. С. 22.

Закон № 135-ФЗ не обязывает органы ФАС России определять сумму извлеченного дохода или размер причиненного ущерба от заключенного картельного соглашения, за которые предусмотрена административная и уголовная ответственность по ст. 178 УК РФ. Следовательно, можно сделать вывод, что действующее антимонопольное законодательство Российской Федерации имеет пробел, обуславливающий возможность несвоевременного принятия прокурором мер к возбуждению уголовных дел по фактам заключения уголовно наказуемых картельных соглашений и устранению их последствий, суть которого (пробела) заключается в том, что закон не возлагает на органы ФАС России, выявивших факты заключения картельных соглашений, обязанности определять размеры извлеченного дохода и причиненного такими соглашениями ущерба, превышение определенного уровня которых образует признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 178 УК РФ, и в то же время позволяет органам ФАС России, без учета этих размеров, привлекать лиц, заключивших картельные соглашения, к административной ответственности, не направляя материалы или информацию об этом в правоохранительные органы для привлечения виновных к уголовной ответственности. В связи с этим органы прокуратуры лишены правовой возможности незамедлительно определить законность принятого органами ФАС России по делам данной категории решения и вынуждены проводить собственные проверочные действия с привлечением соответствующего специалиста для определения и подсчета размеров причиненного ущерба и извлеченного дохода, что требует значительных временных затрат и поэтому негативно влияет на уровень законности в данной сфере.

Для решения рассматриваемой проблемы представляется необходимым дополнить Закон № 135-ФЗ положением, возлагающим на органы ФАС России обязанность в каждом случае определять сумму извлеченного дохода или сумму ущерба от совершенного картельного соглашения, а также информировать органы прокуратуры о направленных в правоохранительные органы материалах по делам о картельных соглашениях.

Так, если обратиться к статистическим данным, то, например, в 2020 г. было возбуждено 247 дел о сговорах на торгах, тогда как в 2021 г. уже 187 таких дел, что на 24,3% меньше.

По данным доклада о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2021 год¹⁵, ФАС России в 2021 г. направлено в правоохранительные органы для рассмотрения и принятия решения в порядке, предусмотренном ст.ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, 122 сообщения (заявления) о преступлении, из них 53 – коррупционной и экономической направленности и 69 – о преступлениях, предусмотренных ст. 178 УК РФ.

В 2021 г. следственными органами МВД России и Следственного комитета Российской Федерации по сообщениям (заявлениям) антимонопольного органа и материалам доследственных проверок, проведенных с их участием, возбуждено 61 уголовное дело, из них – 17 дел по ст. 178 УК РФ, в том числе 1 – по материалам ФАС России.

Практиками в антимонопольной сфере отмечается, что выводы о наличии причиненного ущерба или извлеченного дохода, полученного в связи с нарушением антимонопольного законодательства, в случае их установления подлежат отражению в тексте решения по делу¹⁶. Данное утверждение еще раз подтверждает, что сумма извлеченного дохода или нанесенного ущерба не всегда устанавливается антимонопольными органами, а при рассмотрении дел о нарушении антимонопольного законодательства по картелям и вовсе не обязательна.

Также некоторые ученые считают, что для установления признаков преступления ст. 178 УК РФ необходим соответствующий правовой акт антимонопольного органа, так как только он правомочен осуществлять соответствующие исследования ситуации на рынке, и самостоятельно решать вопрос об уголовной ответственности по ст. 178 УК РФ органы следствия не могут, так как для этого нужно точно знать, есть картель или нет¹⁷. Данное мнение представляется авторам неверным, так как законодательством не предусмотрено обязанности возбуждения уголовного дела по ст. 178 УК РФ только после принятия решения комиссией антимонопольного органа. Кроме того, важным фак-

¹⁵ Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации // <https://fas.gov.ru/documents/688431?ysclid=ine9h9m7dt900882226>.

¹⁶ См.: Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики / отв. ред. д.ю.н. Максимов С.В., к.ю.н. Пузыревский С.А. // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ См.: Денисова А.В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренные ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».

тором в сфере совершенствования прокурорского надзора за исполнением антимонопольного законодательства является взаимодействие органов прокуратуры с антимонопольными органами, которое должно способствовать более эффективному выявлению, устранению и предупреждению правонарушений.

Исходя из доклада о состоянии конкуренции в Российской Федерации в 2021 году, следует, что наилучшие результаты в расследовании картелей и иных антиконкурентных соглашений достигнуты в тех субъектах Федерации, где налажено эффективное взаимодействие антимонопольных и правоохранительных органов на первоначальном этапе сбора и проверки материалов и стадии возбуждения уголовного дела. Данный вывод подтверждает, что важным фактором в сфере совершенствования надзора за исполнением антимонопольного законодательства является взаимодействие органов прокуратуры с антимонопольными органами, которое должно способствовать более эффективному выявлению, устранению и предупреждению правонарушений.

Учитывая приоритетность надзора за исполнением антимонопольного законодательства, результаты анкетирования работников прокуратуры и сотрудников антимонопольных органов, сделан вывод, что важным средством повышения уровня законности в экономической сфере, регулируемой антимонопольным законодательством, и повышения эффективности надзора за исполнением антимонопольного законодательства в современных условиях является взаимное информирование друг друга органами прокуратуры и органами ФАС России о выявленных ими нарушениях антимонопольного законодательства и принятых мерах по их устранению, обеспечение сбалансированного и согласованного применения полномочий специалистов ФАС России и прокуроров, проведение совместных учебных семинаров и выработка совместных рекомендаций по выявлению и устранению нарушений антимонопольного законодательства.

Библиографический список

1. Волженкин Б.В. К вопросу о совершенствовании законодательства об ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Ярославль: Издательство Ярославского государственного университета, 2000.
2. Волженкин Б.В. Уголовное право России: учебник для вузов в двух томах. Т. 2. Особенная часть. М.: Профобразование, 2002.
3. Гальченко А.И. Возбуждение прокурором дел об административных правонарушениях // Законность. 2014. № 2.
4. Денисова А.В. Общественно опасные последствия преступления, предусмотренные ст. 178 УК РФ «Ограничение конкуренции» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Кинев А.Ю. Уголовная ответственность за картели: практика применения статьи 178 УК РФ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Мальков А.В. Препятствия как фактор снижения эффективности правового воздействия: понятие, признаки, классификация // Сборник научных трудов по итогам всероссийских научно-практических конференций с международным участием «Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов» (4 июля 2014 г.); «Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: технологии распознавания и преодоления» (3 июля 2015 г.). Красноярск: Центр информации, 2015.
7. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики / отв. ред. д.ю.н. Максимов С.В., к.ю.н. Пузыревский С.А. // СПС «КонсультантПлюс».
8. Ответственность за нарушения антимонопольного законодательства: проблемы теории и практики / отв. ред. д.ю.н. Максимов С.В., к.ю.н. Пузыревский С.А. // СПС «КонсультантПлюс».
9. Паламарчук А.В. Особенности прокурорского надзора в условиях экономических санкций // Законность. 2015. № 3.
10. Панченко В.Ю., Петров А.А. Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: проблемы теории и практики / М.: Юрлитинформ, 2015.
11. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере экономики: сборник методических материалов. Генеральная прокуратура Российской Федерации; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2010.

**ВБЛИЗИ И ВДАЛИ
ОТ РОССИИ**

Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в Республике Беларусь

Илья Арнольдович Гончаренко, Валерий Андреевич Мошин***

Система налогов Республики Беларусь характеризуется высокой долей косвенных налогов в общей структуре налоговых поступлений. Так, за первые 3 квартала 2021 года доля налога на добавленную стоимость (далее – НДС) в общем объеме налоговых поступлений в консолидированный бюджет составила 37%¹. Роль НДС в регулировании экономики в Республике Беларусь продолжает расти. Это происходит на фоне дефицитного республиканского бюджета на 2023 год, в котором более половины налоговых поступлений приходится на НДС².

Основным органом государственного управления, осуществляющим регулирование в сфере налогообложения, является Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь. Деятельность белорусских налоговых органов регламентируется Постановлением 2001 г.³ Ранее, с 1990 по 2001 г., главный налоговый орган Республики именовался иначе и входил в состав Министерства финансов. Сегодня в структуру Министерства по налогам и сборам входят 87 инспекций (областных, районных, городских, внутригородских)⁴.

Прежде всего необходимо определить место НДС в системе налогов и сборов Беларуси. Сама система устанавливается основным актом налогового законодательства – Налоговым кодексом Республики Беларусь (далее – НК РБ), а именно его Общей частью⁵. Большинство налогов и сборов относится к республиканским, то есть обязательным к уплате на всей территории Республики. По состоянию на май 2023 г. республиканских налогов и сборов насчитывалось 18 (причем НДС указан первым в перечне ст. 8 НК РБ⁶), а местных – 3.

Республиканские налоги:

- 1) налог на добавленную стоимость;
- 2) акцизы;
- 3) налог на прибыль;
- 4) налог на доходы иностранных организаций, не осуществляющих деятельность в Республике Беларусь через постоянное представительство;
- 5) подоходный налог с физических лиц;
- 6) налог на недвижимость;
- 7) земельный налог;
- 8) экологический налог;
- 9) налог за добычу (изъятие) природных ресурсов;
- 10) офшорный сбор;
- 11) гербовый сбор;
- 12) консульский сбор;
- 13) государственная пошлина;
- 14) патентные пошлины;
- 15) таможенные пошлины и таможенные сборы, таможенные платежи в отношении товаров для личного пользования;
- 16) утилизационный сбор;
- 17) транспортный налог;

* Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права международно-правового факультета МГИМО МИД России.

** Студент 2 курса магистратуры «Международное финансовое право» международно-правового факультета МГИМО МИД России.

¹ См.: Аналитические доклады «О состоянии государственных финансов Республики Беларусь» 2021 г. Министерство финансов Республики Беларусь: https://minfin.gov.by/special/gu/budgetary_policy/analytical_reports/2021/ (дата обращения: 11.09.2023).

² Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 231-З «О республиканском бюджете на 2023 год». Министерство финансов Республики Беларусь: https://minfin.gov.by/upload/br/act/zakon_301222_231z.pdf/ (дата обращения: 22.05.2023).

³ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2001 г. № 1592 «Вопросы Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20101592/> (дата обращения: 22.05.2023).

⁴ См.: Структура налоговых инспекций // Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь: <https://nalog.gov.by/inspectorates/?ysclid=lmen5ja45i195327370/> (дата обращения: 11.09.2023).

by/inspectorates/?ysclid=lmen5ja45i195327370/ (дата обращения: 11.09.2023).

⁵ Кодекс Республики Беларусь от 15 ноября 2002 г. № 166-З «Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть)» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0200166/> (дата обращения: 22.05.2023).

⁶ Там же. Статья 8.

18) сбор за размещение (распространение) рекламы.

Местные налоги:

- 1) налог за владение собаками;
- 2) курортный сбор;
- 3) сбор с заготовителей.

То, что к местным налогам и сборам относятся всего 3 обязательных платежа, позволяет сделать вывод о главенствующей роли именно республиканских налогов и сборов в структуре доходов консолидированного бюджета. Кроме того, список республиканских налогов в упомянутой ст. 8 НК РБ сформирован не в алфавитном порядке, а, видимо, в порядке примерного убывания значимости соответствующего обязательного платежа для доходов государственного бюджета: после НДС следуют акцизы, за ними – налог на прибыль, подоходный налог с физических лиц и т.д. Доля налоговых поступлений от каждого из этих налогов превышает 10% в общем объеме доходов консолидированного бюджета⁷.

Как уже отмечалось выше, поступления от НДС являются ключевыми в структуре доходов консолидированного бюджета Республики Беларусь. Взимание данного налога состоит в следующем: он добавляется к цене товара при его реализации (продаже), то есть уплачивается продавцу покупателем, а продавец в дальнейшем перечисляет сумму налога в бюджет. НДС включается в стоимость практически любого товара. В Беларуси используется принцип страны назначения, закрепленный в Соглашении о принципах взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров (работ, услуг) между государствами – участниками Содружества Независимых Государств⁸. Суть принципа страны назначения состоит в том, что при его использовании НДС облагаются товары и услуги, потребляемые внутри страны, независимо от того, где они были выпущены.

Обращаясь к истории НДС, следует отметить, что этот налог во многих странах мира заменил другой косвенный налог – налог с продаж. В настоящее время подавляющее большинство государств применяют НДС. Из крупных мировых

экономик этот налог не применяют США, Индия, Канада, Япония, Новая Зеландия и ряд других государств.

Республика Беларусь относится к странам с переходной экономикой, поскольку в настоящее время в государстве продолжается становление рыночных механизмов: на путь развития рыночной экономики Беларусь встала после распада Советского Союза около 30 лет назад. Это сравнительно немного по историческим меркам. Некоторые специалисты указывают, что применение НДС в странах с переходной экономикой является обоснованным и даже необходимым. Так, Е.Ф. Киреева в своей статье⁹ приводит преимущества НДС, выгодно отличающие его от ряда других косвенных налогов. Приведем некоторые из них.

1. НДС взимается на каждой стадии производства и реализации товара. Благодаря этому сумма налога поступает в бюджет еще до того, как товар приходит к конечному потребителю. Государство получает стабильный источник дохода, а также возможность влиять на все этапы производства и реализации.

2. Широкая налоговая база – одно из ключевых преимуществ НДС. Объектом налогообложения выступает реализация практически всех товаров, работ, услуг у всех налогоплательщиков.

3. НДС обеспечивает равенство в налогообложении каждого субъекта, участвующего в производстве и потреблении, поскольку сумма налога зависит только от реального вклада субъектов в стоимость конечного продукта.

4. Для конечного плательщика сложно уклониться от уплаты НДС: потребитель уплачивает сумму налога непосредственно при приобретении товара. Налог уплачивается только с части дохода, которая расходуется на потребление.

5. Фискальная продуктивность НДС. Она связана с инфляцией и ростом потребления. Если в стране растет уровень жизни, это приводит к росту потребления, а значит, и к увеличению расходов. Так обеспечивается рост доходов государства за счет НДС.

Далее следует рассмотреть историю введения НДС и развития его правового регулирования применительно к Республике Беларусь.

⁷ См.: МНС: об исполнении доходной части бюджета в январе-сентябре 2022 года. Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь: <https://nalog.gov.by/news/15046/?yclid=lhuyeen8rrp128349928/> (дата обращения: 22.05.2023).

⁸ Соглашение о принципах взимания косвенных налогов при экспорте и импорте товаров (работ, услуг) между государствами-участниками Содружества Независимых Государств от 25 ноября 1998 г. // СПС «Гарант».

⁹ См.: Киреева Е.Ф. Налог на добавленную стоимость: экономическая природа и общие проблемы взимания в странах ЕС и Республике Беларусь // Белорусский экономический журнал. 2009. № 2. С. 50–59.

Впервые в современной истории Беларуси НДС был введен соответствующим Законом в 1992 г.¹⁰ Данный нормативный правовой акт содержал 18 статей, которые при этом являлись достаточно объемными по содержанию. Само введение нового налога объяснялось несколькими причинами: открытостью новой белорусской экономики, а также стремлением построить внешнеэкономические, в первую очередь, торговые связи с государствами, уже применяющими НДС. Более того, перед Республикой Беларусь, тогда еще государством, только-только ставшим суверенным, остро стояла необходимость иметь стабильный, надежный источник доходов государственного бюджета. НДС заменил налог с оборота и уже вскоре стал одним из бюджетообразующих косвенных налогов.

Начиная с конца 1990-х г., в Республике Беларусь постоянно проводилась работа по совершенствованию правового регулирования НДС. Долгое время изменения вносились путем принятия большого количества корректирующих и дополняющих законов к Закону Республики Беларусь «О налоге на добавленную стоимость»¹¹. Среди мероприятий по совершенствованию регулирования, имевших наиболее положительные результаты, можно отметить следующие: расширение спектра налоговых вычетов, возмещение экспортерам при нулевой ставке НДС, исключение непроизводственных расходов из объекта налогообложения. При этом все эти меры не сказались негативно на основной, фискальной функции НДС. Об этом свидетельствует то, что на протяжении многих лет в эпоху активного реформирования данный налог оставался бюджетообразующим. Так, в период 2004–2009 гг. НДС ежегодно давал более 25% налоговых поступлений в консолидированный бюджет¹².

В 2009 г. была принята Особенная часть НК РБ – спустя 7 лет после принятия Общей части¹³.

Вместе с ней утратил силу Закон «О налоге на добавленную стоимость» 1991 г. Особенная часть НК РБ начинается с раздела V, посвященного республиканским налогам и сборам, а первой главой в нем является гл. 14 «Налог на добавленную стоимость». В ней содержатся ст.ст. 112–144. По объему правовое регулирование в данном акте значительно больше того, которое содержалось в Законе 1991 г. Структура норм и последовательность их изложения, вместе с тем, не претерпела серьезных изменений. Белорусский подход к определению элементов налогообложения, как и к определению элементов юридического состава налога вообще, практически идентичен российскому. Следует заметить, что сам НК РБ во многом основывается на Налоговом кодексе Российской Федерации, принятом в двух частях в 1998 и 2000 гг. соответственно. НК РБ многократно подвергался изменениям и дополнениям, которые вносились отдельными законами. На данный момент насчитывается несколько десятков таких изменяющих актов как к Общей, так и к Особенной части. Последние изменения, затронувшие, в том числе, и регулирование НДС, были внесены Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г.¹⁴ и частично уже вступили в силу в январе 2023 г. (оставшиеся вступили в силу в июле этого же года). Следует отметить, что эти изменения во многом связаны с реализацией положений Договора об общих принципах налогообложения по косвенным налогам, заключенного с Российской Федерацией в 2022 г.¹⁵

Плательщиками НДС в Республике Беларусь являются организации, отечественные и иностранные индивидуальные предприниматели (ст. 113 НК РБ устанавливает ряд особенностей признания индивидуальных предпринимателей плательщиками НДС), доверительные управляющие соответствующим имуществом, а также физические лица, на которых возложена обязанность по уплате данного налога при ввозе товаров на территорию

¹⁰ Закон Республики Беларусь от 19 декабря 1991 г. № 1319-XII «О налоге на добавленную стоимость» // Справочный правовой портал «Белзакон.net»: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/199/2083?ysclid=lhzt5s0j619277192/ (дата обращения: 23.05.2023).

¹¹ Закон Республики Беларусь от 19 декабря 1991 г. № 1319-XII «О налоге на добавленную стоимость».

¹² См.: Аналитические доклады «О состоянии государственных финансов Республики Беларусь» 2004–2009 гг. Министерство финансов Республики Беларусь: https://minfin.gov.by/special/ru/budgetary_policy/analytical_reports/2006/b4a8aea49d5b690f.html/ (дата обращения: 11.09.2023).

¹³ Кодекс Республики Беларусь от 11 декабря 2009 г. № 71-З «Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть)» // Национальный правовой интернет-портал

Республики Беларусь: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071/> (дата обращения: 23.05.2023).

¹⁴ Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 230-З «Об изменении законов по вопросам налогообложения». Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь: https://nalog.gov.by/tax_code/doc/Закон%20230-з.pdf?ysclid=lhx4ybuob298687769/ (дата обращения: 23.05.2023).

¹⁵ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об общих принципах налогообложения по косвенным налогам от 3 октября 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Беларуси. Важно заметить, что отдельные плательщики освобождаются от уплаты НДС в полном объеме. К таковым относятся, например, крестьянские (фермерские) хозяйства в течение 3 лет со дня государственной регистрации – в части деятельности по растениеводству, животноводству и ряду других направлений; резиденты Парка высоких технологий, функционирующего с 2005 г. и являющегося аналогом Силиконовой долины в США, то есть представляющего собой режим, способствующий благоприятному развитию бизнеса в сфере высоких технологий¹⁶. Однако Законом предусматриваются и определенные исключения: так, если товары помещены под таможенную процедуру экспорта без обязательств об обратном ввозе на территорию Беларуси, то резидент Парка высоких технологий не освобождается от уплаты рассматриваемого налога¹⁷.

Устанавливаются 2 категории объектов налогообложения НДС.

1. Обороты по реализации товаров (работ, услуг), а также имущественных прав на территории Республики Беларусь. Их полный перечень приведен в пп. 1.1 ст. 115 НК РБ.

2. Ввоз товаров на территорию Республики Беларусь и (или) иные обстоятельства, с наличием которых НК РБ и (или) таможенное законодательство, международные договоры Республики Беларусь, составляющие право Евразийского экономического союза, связывают возникновение обязанности по уплате НДС.

Важно, что реализацией для целей определения объекта налогообложения признается как возмездная, так и безвозмездная передача товаров (работ, услуг, имущественных прав) одним лицом другому лицу. При этом не имеет значения способ приобретения прав на передаваемые блага. Например, с 2017 г. отчуждение токенов, в том числе путем их обмена на другие токены, рассматривается как реализация имущественных прав¹⁸.

¹⁶ Официальный интернет-сайт Парка высоких технологий: <https://park.by/>.

¹⁷ Декрет Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 «О Парке высоких технологий» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Pd0500012/> (дата обращения: 23.05.2023).

¹⁸ Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики». Министерство экономики Республики Беларусь: <https://economy.gov.by/uploads/files/sanacija-i-bankrotstvo/Dekret-Prezidenta-Respubliki-Belarus-ot-21-12-2017-N-8-O-r.pdf/> (дата обращения: 23.05.2023).

НК РБ устанавливает исчерпывающий перечень операций, признаваемых и не признаваемых объектом обложения НДС. Например, при передаче работникам организации какой-либо ее продукции в счет оплаты труда такая передача будет признана оборотом по реализации товаров, поэтому будет подлежать налогообложению НДС. Напротив, ряд реализаций, связанных с деятельностью государства и его органов, освобождается от обложения данным налогом. В частности, объект НДС отсутствует, если речь идет о суммах, полученных уполномоченными органами за совершение юридически значимых действий в отношении организаций и физических лиц.

Ввоз некоторых товаров на территорию Республики Беларусь также освобождается от уплаты НДС. Сюда относятся, в том числе, такие категории товаров, как: предназначенные для инвалидов, ввозимые в научных целях, подлежащие обращению в государственную собственность, являющиеся драгоценными металлами и камнями, представляющие культурную ценность и др.

Налоговая база при реализации объектов налогообложения определяется как стоимость товаров (работ, услуг, имущественных прав) и исчисляется исходя из цен на соответствующие блага. В случае с подакцизными товарами сумма акцизов включается в цену при расчете НДС. Поскольку в п. 1 ст. 120 НК РБ речь идет о налоговой базе, не содержащей НДС, сумма налога в этом случае будет рассчитываться в процессе формирования цены на те или иные блага, но важно заметить, что в налоговой декларации по НДС налоговая база должна быть отражена уже с учетом рассчитанного налога¹⁹.

Налоговая база НДС определяется исходя из всех поступлений, полученных в денежной, натуральной и иных формах от реализации объектов, а также в зависимости от особенностей реализации произведенных или приобретенных объектов. В целях определения налоговой базы не подлежат учету средства, не связанные с расчетами по оплате объектов налогообложения. К примеру, страховое возмещение в случае порчи товара не будет являться объектом обложения НДС, потому что оно не связано с реализацией данного товара.

¹⁹ Постановление Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь от 3 января 2019 г. № 2 «Об исчислении и уплате налогов, сборов (пошлин), иных платежей» // <https://www.alta.ru/tamdoc/19bb0002/?ysclid=li0dp4zcoe842142130/> (дата обращения: 23.05.2023).

Налоговая база при ввозе товаров на территорию Республики Беларусь из стран-членов ЕАЭС определяется на дату принятия на учет импортированных товаров на основе их стоимости и акцизов (для подакцизных товаров). Если стоимость товара выражена в иностранной валюте, то, по общему правилу, она должна быть отражена в бухгалтерском учете в национальной валюте (белорусских рублях) по официальному курсу на дату получения товара. Налоговая база НДС, взимаемого таможенными органами Беларуси при ввозе товара из-за пределов ЕАЭС, определяется как сумма таможенной стоимости таких товаров, таможенных пошлин, подлежащих уплате, а также сумм акцизов, подлежащих уплате по подакцизным товарам. Таможенная стоимость товаров определяется декларантом либо таможенным представителем²⁰.

Налоговым периодом по НДС признается календарный год. Существуют два вида отчетного периода: календарный месяц и календарный квартал. Для плательщиков, реализующих услуги электросвязи (см. ниже), отчетным периодом всегда является календарный месяц. Календарный квартал является отчетным периодом: по перевозкам для государственного объединения «Белорусская железная дорога»; для организаций, применяющих упрощенную систему налогообложения; для организаций, перешедших в текущем налоговом периоде с месяца, иного, чем январь, с упрощенной системы налогообложения на иной, особый режим налогообложения с уплатой НДС или на общую систему налогообложения с уплатой НДС. Остальные плательщики вправе по своему усмотрению выбрать календарный месяц или календарный квартал в качестве отчетного периода.

Для выбора календарного квартала плательщик обязан проинформировать об этом налоговый орган, иначе отчетным периодом будет признан календарный месяц. У налогоплательщиков есть право изменить свой выбор, но только по окончании очередного налогового периода. Плательщики, которые не имеют права выбора отчетного периода, прямо указаны в ст. 127 НК РБ. Например, для организаций, реализующих услуги электросвязи (к ним относятся услуги по предоставлению телефонного соединения, по передаче данных и по трансляции телевизионных программ), отчетным

периодом признается только календарный месяц, а для организаций, применяющих упрощенную систему налогообложения – только квартал. Авансовые платежи не взимаются: уплата НДС производится не позднее 22-го числа месяца, следующего за истекшим отчетным периодом.

НК РБ устанавливает 4 размера налоговых ставок НДС: 0%, 10%, 20% и 25%. Базовой ставкой является ставка 20%; 0% и 10% – льготные.

Ставка 0% применяется к реализации транспортных услуг, товаров или услуг для государств – членов ЕАЭС, услуг по переоборудованию воздушных судов для иностранных предприятий. 10% – к реализации некоторой сельскохозяйственной продукции, ввозу и реализации лекарственных средств и медицинских изделий, ввозу и реализации некоторых продовольственных товаров и товаров для детей (мясо, рыба, молоко, детская одежда, школьные принадлежности, детские коляски и т.д.), утвержденные специальным перечнем в Приложении № 26 к Особенной части НК РБ. Ставка НДС в размере 25% применяется только при реализации услуг электросвязи. В остальных случаях применяется базовая ставка – 20%.

В последние годы произошел ряд изменений в регулировании налоговых ставок НДС. Так, с 2021 г. ставка НДС была увеличена с 10% до 20% на ряд импортных продовольственных товаров, а также на некоторые детские товары. Была введена ввозная ставка в размере 10% на определенные лекарственные средства и медицинские изделия²¹. Предприятия, в которых 30% и более сотрудников имеют инвалидность, освобождаются от уплаты НДС. Также от обложения данным налогом полностью освобождаются такие услуги, как ветеринарные, туристические, в области космической деятельности, в области организации похорон, а также некоторые товары – например, лекарства и медицинские изделия (например, фармацевтическая продукция, дезинфицирующие средства, лабораторная посуда), утвержденные перечнем, содержащимся в указе Президента Республики Беларусь²².

²⁰ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 г.), ст. 38, п. 14 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 72-3 «Об изменении Налогового кодекса Республики Беларусь» // <https://etalonline.by/document/?regnum=H12000072&ysclid=li1fozm5k8845334070/> (дата обращения: 24.05.2023).

²² Указ Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 107 «Об освобождении от налога на добавленную стоимость при ввозе на территорию Республики Беларусь некоторых категорий товаров» // <https://www.alt.ru/tamdoc/12bl0107/?ysclid=li1fljo3mj179932338/> (дата обращения: 24.05.2023).

НДС исчисляется как произведение налоговой базы и налоговой ставки. В ряде случаев устанавливается расчетный метод определения суммы НДС, подлежащей уплате. Такими случаями, среди прочего, являются:

1. Реализация основных средств и нематериальных активов по ценам ниже их остаточной стоимости.
2. Необоснованное применение освобождения от налогообложения.
3. Неподтверждение обоснованности применения ставки НДС 0%.
4. Реализация товаров (работ, услуг) собственного производства по цене ниже себестоимости.

По общему правилу, при реализации объектов налогообложения общая сумма НДС исчисляется нарастающим итогом с начала календарного года по истечении каждого отчетного периода (ст. 128 НК РФ).

Порядок и сроки уплаты НДС устанавливаются в ст. 136 НК РФ. Налоговая декларация должна быть представлена в налоговый орган не позднее 20-го числа месяца, следующего за истекшим отчетным периодом. Собственно уплата налога должна быть произведена не позднее 22-го числа того же месяца. Закрепляется ряд исключений, когда порядок и сроки предоставления деклараций и уплаты НДС определяются иными нормативными правовыми актами. Так, государственное объединение «Белорусская железная дорога» уплачивает налог в соответствии с положениями специального указа Президента Республики Беларусь²³.

Что касается налоговых льгот по НДС, то основным видом льгот являются освобождения. Стоит отметить, что именно в части правового регулирования налоговых льгот по НДС особенно часто происходят изменения, появляются новации. Так, с 2023 г. отменены освобождения оборотов по реализации ряда работ в сфере искусства (тиражирование фильмов, аудиозаписей, вспомогательные работы), отменены льготы при ввозе носителей возобновляемых источников энергии, некоторых семян растений. Вместе с тем была

введена новая льгота – освобождение от НДС оборотов по реализации поставщиками платежных услуг платежных операций, осуществляемых в рамках оказания таких услуг. Налоговые льготы по НДС часто вводятся указами Президента Республики Беларусь. Например, в 2017 г. таким способом было введено освобождение по реализации товаров в рамках розничной торговли в сельских населенных пунктах²⁴, которое было отменено законом²⁵ с 2023 г.

В Республике Беларусь продолжается реформирование налоговой системы, в частности системы налогов и сборов. Ближайшие изменения могут затронуть и НДС. В целом, по словам заместителя Министра финансов Республики Беларусь Дмитрия Кийко, реформа ориентирована на создание конкурентных условий для бизнеса, создание понятных условий налогообложения малого бизнеса и исключение схем минимизации налоговых обязательств недобросовестными плательщиками²⁶. Также Д. Кийко отметил, что в случае недостаточности мер бюджетной консолидации может быть рассмотрен вопрос о повышении ставок НДС, но только при одновременном совершенствовании механизма взимания основных налогов. Тем не менее заместитель Министра финансов Беларуси считает такой сценарий маловероятным, а повышение ставок НДС на данный момент не обсуждается Правительством²⁷.

Одной из актуальных проблем в сфере регулирования рассматриваемого налога является проблема так называемого двойного НДС на товары, продаваемые в Республике Беларусь через мар-

²³ Указ Президента Республики Беларусь от 3 апреля 2006 г. № 186 «О порядке и сроках предоставления налоговых деклараций (расчетов) по налогу на добавленную стоимость по перевозкам и налогу на прибыль по сводному балансу основной деятельности Белорусской железной дороги и уплаты указанных налогов» // Справочный правовой портал «Белзакон.net»: https://belzakon.net/Законодательство/Указ_Президента_РБ/2006/4594?ysclid=li2ti2j6l3699205428/ (дата обращения: 25.05.2023).

²⁴ Указ Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2017 г. № 345 «О развитии торговли, общественного питания и бытового обслуживания» // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P31700345/> (дата обращения: 25.05.2023).

²⁵ Закон Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 230-З «Об изменении законов по вопросам налогообложения» // Министерство по налогам и сборам Республики Беларусь: https://nalog.gov.by/tax_code/doc/Закон%20230-з.pdf?ysclid=lxh4ybuyob298687769/ (дата обращения: 25.05.2023).

²⁶ См.: Как будут развиваться бюджетная и налоговая системы в этой пятилетке // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2021/mart/60478/> (дата обращения: 25.05.2023).

²⁷ См.: Минфин: вопрос о повышении НДС в Беларуси уже не рассматривается // Официальный сайт периодического издания «Комсомольская правда»: <https://www.belarus.kp.ru/online/news/5042493/?ysclid=lnatm0lv11670509002> (дата обращения: 04.10.2023).

кетплейсы. Представители крупнейших компаний на этом рынке, таких как «Ozon» и «Wildberries», отмечают, что вопрос имеет значение не только для Беларуси, но и для всего ЕАЭС²⁸. Известно, что в последние несколько лет был проведен ряд встреч руководства маркетплейсов с белорусскими властями, в частности с Министерством антимонопольного регулирования и торговли. На них поднимался вопрос о возможных изменениях в национальном законодательстве и закреплении статуса маркетплейсов. Окончательного решения на данный момент пока нет. Основным предложением по решению проблемы двойного налогообложения НДС является переход на взимание налога по месту продажи товара. Отмечается, что вопрос уже обсуждается на уровне Евразийской экономической комиссии. Представитель этого органа ранее заявляла, что к настоящему времени подготовлена «концептуально одобренная редакция» поправок к Договору о ЕАЭС, касающихся изменения порядка взимания НДС²⁹.

Перспективы совершенствования правового регулирования НДС связаны, прежде всего, с улучшением бизнес-климата в стране, привлечением иностранных инвестиций и созданием прозрачной и эффективной системы налогообложения. На данный момент какие-либо законопроекты о внесении изменений в регулирование НДС отсутствуют, однако идет дискуссия на экспертном уровне, ведутся консультации с бизнес-сообществом. Правительство рассматривает варианты снижения базовой ставки налога до 15%³⁰. Такая мера позволит существенно простимулировать экономический рост при условии, что будут найдены источники денежных поступлений, которые покроют выпадающие доходы республиканского бюджета. Помимо этого планируется упростить процесс расчета и уплаты НДС. Это направлено на создание

условий для эффективного взаимодействия между белорусским бизнесом и налоговыми органами, а также на усиление мер по борьбе с хищениями и уклонением от уплаты налога. Наконец, еще одним направлением совершенствования является активное внедрение современных компьютерных технологий, в особенности в налоговом контроле и отчетности. С их помощью планируется уменьшить бумажную нагрузку на предприятия и снизить риски возникновения ошибок при расчете и уплате НДС.

Примером удачного внедрения электронных технологий является функционирующая в Республике Беларусь с 2016 г. система электронных счетов-фактур. Как отмечают эксперты³¹, введение этой системы позволило вывести на новый уровень борьбу с рядом наиболее распространенных видов уклонений от уплаты НДС, среди которых:

- умышленное сокрытие выручки;
- незаконное предъявление НДС к возмещению из бюджета;
- незарегистрированная предпринимательская деятельность;
- сделки с лжепредпринимательскими структурами.

Эффективность такого механизма администрирования налога заключается в исключении какой-либо возможности сокрытия сумм НДС, предъявленных продавцом покупателю. Для налогоплательщика такая система позволяет снизить налоговые риски и вероятность включения в план проверок. Несмотря на положительные результаты работы системы электронных счетов-фактур, есть и некоторые проблемы с ее функционированием: пользователи сталкиваются с программными ошибками, такими как невозможность войти в личный кабинет из-за нагрузок на сервер и др.

Помимо вышесказанного специалистами предлагаются различные идеи по развитию системы налоговых льгот, в том числе по НДС, которые направлены на облегчение налогового бремени компаний и создание прозрачной системы налогообложения. Так, предлагается закрепить в национальном законодательстве понятие «молодая инновационно-активная организация», тем самым адаптировав зарубежные условия предоставления льготного режима налогообложения к особенно-

²⁸ См.: Двойной НДС: в маркетплейсах назвали проблему в Беларуси и ЕАЭС // Интернет-издание «Sputnik Беларусь»: <https://www.belarus.kp.ru/online/news/5042493/?ysclid=lnatm0lv11670509002> (дата обращения: 04.10.2023).

²⁹ См.: Маркетплейсы планируют избавиться от двойного налогообложения в ЕАЭС // Интернет-издание «Sputnik Беларусь»: <https://sputnik.by/20230726/marketpleysy-planiruyetsya-izbavit-ot-dvoynogo-nalogooblozheniya-v-eaes-1077828468.html> (дата обращения: 04.10.2023).

³⁰ См.: НДС в Белоруссии в 2023 году: ставка, изменения, актуальные данные // Интернет-журнал «Investim.guru»: https://investim.guru/faq/nds-v-belorussii-v-2023-godu-stavka-izmeneniya-aktualnye-dannye?utm_referrer=https%3A%2F%2Faway.vk.com%2F (дата обращения: 04.10.2023).

³¹ См.: Комлев Е.В., Сидорова Т.В. Проблемы и совершенствование процесса администрирования налога на добавленную стоимость в Республике Беларусь // Вестник Белорусско-Российского университета. 2017.

стям белорусского налогового законодательства³². Организациям с таким статусом будут предоставляться налоговые льготы, в частности скидки по налогу на прибыль, НДС, земельному налогу и другим обязательным платежам в течение трех лет с момента начала осуществления инновационной деятельности. Еще одно предложение касается льгот по налогам для организаций, использующих труд инвалидов. Экспертами высказывается мнение о том, что при удельном весе инвалидов в общей численности работников, равном 30% и более, целесообразным будет снижение налога на прибыль и НДС на 100%³³. Другим возможным вариантом является снижение ставки НДС на незначительную величину (до 0,1%) за каждого вновь принятого работника, имеющего инвалидность.

Подводя итог проведенному исследованию, можно отметить, что налог на добавленную стоимость в Республике Беларусь сохраняет свой статус основного бюджетообразующего налога как в республиканском, так и в консолидированном бюджете. Заменив в 1990-е гг. ряд косвенных налогов, в том числе налог с оборота, НДС способствовал укреплению белорусской экономики, став надежным источником доходов национальной казны. Представляется, что решение о введении НДС было верным в условиях фискального кризиса в государстве, когда оно только обрело суверенитет. Более того, данный налог, а также реформы его

правового регулирования сблизили правовые системы Беларуси и ее ключевых партнеров – стран СНГ (в особенности Российской Федерации), что позволило оптимизировать внешнеэкономические отношения между этими государствами. В настоящее время на постсоветском пространстве продолжают процессы сближения в сфере косвенных налогов, в том числе НДС³⁴. В самой Республике Беларусь также продолжается совершенствование механизма взимания рассмотренного налога посредством упрощения процесса расчета и уплаты, внедрения современных технологий в налоговую отчетность и контроль, что должно способствовать построению более эффективной и прозрачной системы налогообложения, привлечению инвестиций и, как следствие, росту экономики страны.

Библиографический список

1. Авилкина М.А., Шейбак А.А. Совершенствование налогового законодательства Республики Беларусь как важный фактор становления национальной инновационной системы // https://elib.psu.by/bitstream/123456789/18698/1/Авилкина_c50-53.pdf?ysclid=lnatomokio875362955 (дата обращения: 04.10.2023).
2. Киреева Е.Ф. Налог на добавленную стоимость: экономическая природа и общие проблемы взимания в странах ЕС и Республике Беларусь // *Белорусский экономический журнал*. 2009. № 2.
3. Комлев Е.В., Сидорова Т.В. Проблемы и совершенствование процесса администрирования налога на добавленную стоимость в Республике Беларусь // *Вестник Белорусско-Российского университета*. 2017.

³² См.: Авилкина М.А., Шейбак А.А. Совершенствование налогового законодательства Республики Беларусь как важный фактор становления национальной инновационной системы // https://elib.psu.by/bitstream/123456789/18698/1/Авилкина_c50-53.pdf?ysclid=lnatomokio875362955 (дата обращения: 04.10.2023).

³³ См.: Рябова С.С., Мельникова Н.А. Актуальные вопросы налогообложения в Республике Беларусь // *Научный вестник: финансы, банки, инвестиции*. 2021. С. 47–55.

³⁴ Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об общих принципах налогообложения по косвенным налогам от 3 октября 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Справочная информация

Сахнова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса Сибирского федерального университета
✉ 660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

О значении принципов гражданского процесса и их воплощении

Статья посвящена роли и значению принципов гражданского права в национальной системе права. Система принципов есть основа законодательного концепта того или иного типа гражданского процесса, предопределяющая его онтологическую целостность и эффективность методологии. Выраженные в конкретике процессуальной материи принципы выполняют важнейшую регулятивную функцию и являются ориентиром для законодателя в последующем реформировании. Игнорирование данного обстоятельства оказывает деструктивное воздействие не только на единообразное толкование и применение норм права, но в целом – на целостность концепта процесса. Одновременно это подрывает устойчивость системы принципов. Принципы отражают сущностные основы процесса – но и национальный концепт процесса оказывает влияние на систему принципов и ее развитие.

Ключевые слова: онтология гражданского процесса; принципы процесса; система принципов; процедуры; методология; направления законодательного реформирования.

Sakhnova Tatyana Vladimirovna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Procedure of the Siberian Federal University

On the Importance of the Principles of the Civil Process and their Embodiment

The article is devoted to the role and significance of the principles of civil law in the national legal system. The system of principles is the basis of the legislative concept of a particular type of civil process, which determines its ontological integrity and the effectiveness of the methodology. The principles expressed in the specifics of the procedural matter perform the most important regulatory function and are a guideline for the legislator in the subsequent reform. Ignoring this circumstance has a destructive effect not only on the uniform interpretation and application of the rules of law, but in general – on the integrity of the concept of the process. At the same time, it undermines the stability of the system of principles. The principles reflect the essential foundations of the process – but the national concept of the process also influences the system of principles and its development.

Keywords: the ontology of the civil process; the principles of the process; the system of principles; procedures; methodology; directions of legislative reform.

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии, заведующий сектором теории и отраслевых проблем правовой политики Саратовского филиала Института государства и права РАН, судья в отставке
✉ E-mail: af_73@mail.ru,

Ермаков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии
✉ E-mail: aleks_law@mail.ru

К вопросу о развитии системы принципов гражданского процессуального права в условиях трансформации законодательства и его правоприменения

В настоящей статье дается анализ развития системы принципов гражданского процессуального права в контексте изменений отечественного законодательства и практики его применения органами правосудия. Обосновывается, что само по себе нормативное поле трансформируется под влиянием ряда объективных причин, в частности цифровизации, необходимости снижения нагрузки на судей, потребности упрощенного и ускоренного рассмотрения и разрешения судами гражданских и административных дел, а также много иного. В свою очередь все это так или иначе провоцирует модификацию отдельных процессуальных норм или даже целых институтов.

Вместе с тем аргументируется, что любые законодательные изменения с учетом внешних и внутренних факторов их детерминирующих не должны отклоняться от главной цели судопроизводства – защиты нарушенных или оспаренных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. В этой связи подчеркивается, что именно система принципов гражданского процессуального права способна эффективно поддерживать действующий механизм правового регулирования и правоприменение в том их состоянии, которое корреспондирует базовому целеполаганию.

В противном случае нивелируется имманентная сущность ряда важных процессуальных гарантий права на судебную защиту и ее доступности, на второй план отходит социальная функция и ценность правосудия, как одного из ключевых инструментов разрешения юридических конфликтов и поддержания стабильности материально-правовых правоотношений.

Ключевые слова: правосудие; гарантии права на судебную защиту; принципы гражданского процессуального права; гражданское судопроизводство; арбитражное судопроизводство; административное судопроизводство; упрощение процессуальной формы; процессуальная транзитивность; представительство.

Afanasyev Sergey Fedorovich, Doctor of Law Sciences, Professor, Head of the Department of Arbitration Process of Saratov State Law Academy, Head of the Sector of Theory and Sectoral Problems of Legal Policy of the Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Retired Judge,

Ermakov Alexander Nikolaevich, Candidate of Law, Associate Professor of the Arbitration Process Department of the Saratov State Law Academy

On the Issue of Developing a System of Principles of Civil Law Procedural Law in the Context of Transformation of Legislation and its Application

This article provides an analysis of the development of the system of principles of civil procedural law in the context of changes in domestic legislation and the practice of its application by justice authorities. It is substantiated that the regulatory field itself is being transformed under the influence of a number of objective reasons, in particular digitalization, the need to reduce the workload on judges, the need for simplified and expedited consideration and resolution of civil and administrative cases by courts, and much more. In turn, all this one way or another provokes a modification of individual procedural norms or even entire institutions.

At the same time, it is argued that any legislative changes, taking into account the external and internal factors that determine them, should not deviate from the main goal of legal

proceedings – the protection of violated or challenged rights, freedoms and legitimate interests of citizens and organizations. In this regard, it is emphasized that it is the system of principles of civil procedural law that is capable of effectively supporting the current mechanism of legal regulation and law enforcement in the state that corresponds to the basic goal setting.

Otherwise, the immanent essence of a number of important procedural guarantees of the right to judicial protection and its accessibility is leveled, the social function and value of justice as one of the key tools for resolving legal conflicts and maintaining the stability of substantive legal relations fades into the background.

Keywords: justice; guarantees of the right to judicial protection; principles of civil procedural law; civil proceedings; arbitration proceedings; administrative proceedings; simplification of the procedural form; procedural transitivity; representation.

Туманов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры процессуального права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации

✉ 119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А

Несколько слов о смысле гражданского судопроизводства и его принципах

В статье ставится вопрос о смысле гражданского судопроизводства, его целях, а также о значении принципов гражданского судопроизводства. Отмечается появившаяся в настоящее время тенденция к поиску новых смыслов гражданского судопроизводства и замене такой магистральной цели судопроизводства, как защита прав и интересов различных субъектов права, на некие иные. Автор показывает, что, напротив, именно защита прав и интересов должна оставаться ключевой целью судебного процесса и, соответственно, его смысл заключается в обеспечении такой защиты.

В статье подчеркивается недопустимость признания порядками осуществления правосудия процедур, не обеспеченных такими правовыми принципами, как независимость и беспристрастность суда, равенство перед законом и судом, гласность и некоторыми другими. Объясняется, почему так называемое электронное правосудие не может стать каким-то качественно новым правосудием, идущим на смену правосудию традиционному.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; принципы осуществления правосудия; цели судопроизводства; электронное правосудие; независимость и беспристрастность суда; гласность судебного разбирательства; равенство перед законом и судом; судебная защита.

Tumanov Dmitry Alexandrovich, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Procedural Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russian Federation

A Few Words about the Meaning of Civil Proceedings and its Principles

The article raises the question of the meaning of civil proceedings, its objectives, as well as the importance of the principles of civil proceedings. There is a tendency that has appeared at the present time to search for new meanings of civil proceedings and replace such a main purpose of legal proceedings as the protection of the rights and interests of various subjects of law with some other ones. The author shows that, on the contrary, it is the protection of rights and interests that should remain the key goal of the judicial process and, accordingly, its meaning is to ensure such protection.

The article emphasizes the inadmissibility of recognizing procedures for the administration of justice that are not provided for by such legal principles as the independence and impartiality of the court, equality before the law and the court, transparency and some others. It explains why the so-called electronic justice cannot become some kind of qualitatively new justice, replacing traditional justice.

Keywords: civil proceedings; principles of the administration of justice; objectives of judicial proceedings; electronic justice; independence and impartiality of the court; transparency of judicial proceedings; equality before the law and the court; judicial protection.

Казиханова Светлана Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук НИУ «МИЭТ»

✉ 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Предмет и принципы гражданского процессуального права

В статье определяются общественные отношения, входящие в предмет гражданского процессуального права, предлагается критерий для их выделения. Делается вывод, что это отношения в сфере осуществления правосудия или тесно связанные с ним, служащие правосудию и позволяющие достичь его цели. В качестве критерия объединения общественных отношений в предмете отрасли (понимания того, что именно эти отношения в сфере правосудия или связаны с ним) предлагается объективно сложившаяся исторически социальная потребность (заинтересованность общества и государства) в их общем правовом регулировании в единой системе процессуальных гарантий (процессуальной форме), учитывающей их цивилистическую природу и цели вступления в них участников. Подчеркивается, что основой системы процессуальных гарантий является система основополагающих принципов гражданского процесса. В гражданском процессуальном праве они действуют в совокупности и образуют систему, которая не встречается в правовом регулировании иных порядков защиты права. Среди них предлагается выделять принципы, имеющие особое значение для разграничения с предметами регулирования других отраслей. К ним отнесены принципы объективной истины и диспозитивности. Первый позволяет разграничить предмет гражданского процессуального права с общественными отношениями, возникающими в связи с защитой права несудебными органами и организациями, а второй – с предметом уголовно-процессуального права.

Ключевые слова: правосудие; гражданское процессуальное право; предмет отрасли права; критерий разделения на правовые отрасли; система принципов; принцип объективной истины; принцип диспозитивности; судебное право; гарантии правосудия.

Kazikhonova Svetlana Sergeevna, Candidate of Laws, docent, Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Associate Professor at the Institute of High-Technology Law, Social Sciences and Humanities, NRU MIET.

Subject and Principles of Civil Procedural Law

The article defines social relations included in the subject of civil procedural law and proposes a criterion for their identification. It is concluded that these are relations in the sphere of administration of justice or closely related to it, serving justice and allowing it to achieve its goal. As a criterion for unifying social relations in the subject of the industry (understanding that these relations are in the sphere of justice or related to it), an objectively developed historically social need (the interest of society and the state) for their special legal regulation in a unified system of procedural guarantees (procedural form) is proposed, taking into account their civil nature and the purposes of the participants' entry into them. It is emphasized that the basis of the system of procedural guarantees is the system of fundamental principles of civil procedure. In civil procedural law, they act together and form a system that is not found in the legal regulation of other procedures for protecting rights. Among them, it is proposed to highlight principles that are of particular importance for distinguishing them from the subjects of regulation of other industries. These include the principles of objective truth and dispositivity. The first allows us to distinguish the subject of civil procedural law from social relations arising in connection with the protection of rights by non-judicial bodies and organizations, and the second - with the subject of criminal procedural law.

Keywords: justice; civil procedural law; subject of a branch of law; criterion for division into legal branches; system of principles; principle of objective truth; principle of discretion; judicial law; guarantees of justice.

Громошина Наталья Андреевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

✉ 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

О некоторых принципах правосудия как связующих элементах судопроизводства и гражданского общества

Вызовы современности требуют консолидации гражданского общества и государства. В этой связи значимо взаимодействие гражданского общества и судопроизводства. В статье рассмотрены элементы такого взаимодействия сквозь призму реализации двух конституционных принципов процессуального права: участия граждан в отправлении правосудия и гласности судопроизводства. Поддержан вывод о необходимости полноценной реализации конституционного положения о праве граждан на участие в отправлении правосудия, причем во всех видах судопроизводства, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. Аргументируется целесообразность введения в научный оборот термина «транспарентность», а также выделения наряду с принципом гласности принципа открытости судопроизводства.

Ключевые слова: гражданское общество; судопроизводство; право граждан участвовать в отправлении правосудия; принцип гласности; транспарентность процесса; открытость процесса;

Gromoshina Natalia Andreevna, Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

On Some Principles of Justice as Connecting Elements of Judicial Proceedings and Civil Society

The challenges of our time require the consolidation of civil society and the state. In this regard, the interaction of civil society and the judiciary is significant. The article examines the elements of such interaction through the prism of the implementation of two constitutional principles of procedural law: the participation of citizens in the administration of justice and the transparency of legal proceedings. The conclusion was supported on the need for full implementation of the constitutional provision on the right of citizens to participate in the administration of justice, and in all types of legal proceedings provided for by the Constitution of the Russian Federation. The expediency of introducing the term transparency into scientific circulation, as well as highlighting the principle of openness of judicial proceedings along with the principle of publicity, is argued.

Keywords: civil society; judicial proceedings; the right of citizens to participate in the administration of justice; the principle of transparency; transparency of the process; openness of the process.

Воронов Александр Федорович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, профессор юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, профессор Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета

✉ 119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

Приказное производство: если не правосудие, то что это?

В статье автор пытается ответить на вопрос, является ли приказное производство правосудием или нет. С этой целью он анализирует категорию «правосудие», принципы гражданского процесса, сопоставляет их с нормами о приказном производстве. В отличие от некоторых ученых, автор считает этот вид производства правосудием, но с критическими искажениями. Поэтому следует стремиться к его исправлению возможными средствами. В статье высказана критика предложения о том, чтобы исключить приказное производство из предмета гражданского процессуального права. Такая точка зрения непродуктивна. Разделение судопроизводства на правосудие и несправосудие с целью передачи некоторых судебных функций нотариусам, помощникам судей, искусственному интеллекту нарушает действующие нормы Конституции, снижает гарантии защиты субъективных прав.

Ключевые слова: правосудие; принципы гражданского процесса; приказное производство; гражданский процесс; гарантии защиты субъективных прав; судопроизводство.

Voronov Alexander Fedorovich, Doctor of Legal Science, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University, Professor of Institute of international law and justice of Moscow State Linguistic University

Writ Proceedings: if not Justice, then What Is It?

In the article, the author tries to answer the question of whether writ proceedings are justice or not. To this end, he analyzes the concept of "justice", the principles of civil procedure, compares them with the norms on writ proceedings. Unlike some scientists, the author considers this type of production to be justice, but with critical distortions, and therefore one should strive to correct it by possible means. The article criticizes the proposal to exclude writ proceedings from the subject of civil procedure law. Such a point of view is unproductive. The division

of legal proceedings into justice and non-justice in order to transfer some judicial functions to notaries, assistant judges, and artificial intelligence violates the current norms of the Constitution and reduces guarantees for the protection of subjective rights.

Keywords: justice; principles of civil procedure; writ proceedings; civil procedure; guarantees of protection of subjective rights; judicial proceedings.

Терехова Лидия Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

✉ 644065, г. Омск, ул. 50 лет профсоюзов, д. 100/1, каб. 222

Реализация принципа доступности правосудия на различных стадиях гражданского судопроизводства

В статье рассматривается реализация принципа доступности правосудия на различных стадиях судопроизводства: при обращении в суд первой инстанции, при обращении в апелляционный суд и при обращении с жалобами на решения, вступившие в законную силу. Делается вывод о том, что в целом реализации принципа доступности правосудия не вызывает нареканий при существовании отдельных проблем. Отмечается «нисходящий тренд» доступности и уменьшение гарантий доступности при переходе от одной инстанции к другой, что следует признать верным. Законодательство ориентирует граждан на активное участие в судах первой и второй инстанций, гарантируя доступность обращения к ним.

Ключевые слова: доступность правосудия; принципы судопроизводства; апелляционная жалоба; гарантии доступности правосудия; апелляционное производство; кассационное производство; надзорное производство.

Terekhova Lidiya Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Arbitration Procedure Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

Implementation of the Principle of Accessibility of Justice at Different Stages of Civil Proceedings

The article examines the implementation of the principle of accessibility of justice at various stages of legal proceedings: when applying to the court of first instance, when applying to the court of appeal and when filing complaints against decisions that have entered into legal force. It is concluded that, in general, the implementation of the principle of accessibility of justice does not raise any complaints, although certain problems exist. There is a "downward trend" in availability and a decrease in guarantees of availability when moving from one instance to another, which should be recognized as true. The legislation directs citizens towards active participation in the courts of first and second instance, guaranteeing accessibility to them.

Keywords: accessibility of justice; principles of legal proceedings; appeal; guarantees of access to justice; appeal proceedings; cassation proceedings; supervisory proceedings.

Лукьянова Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой процессуального права Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации

✉ 119285, г. Москва, Воробьевское ш., д. 6А

Право на судебную защиту и право быть выслушанным

В статье обосновывается значение права быть выслушанным как одной из гарантий, составляющих сущность процессуальной формы в гражданском и арбитражном процессах. Предлагается оценивать право быть выслушанным и услышанным судом как неотъемлемую составляющую конституционного права на судебную защиту, а конституционное закрепление права на судебную защиту как демонстрацию государством готовности предоставить гарантии права быть выслушанным и услышанным судом. Используя подход к правоотношениям между судом и человеком как к судебной коммуникации обосновывается обязанность суда соблюдать процессуальные правила, составляющие право быть выслушанным и услышанным судом в широком смысле, а также обязанность государства создавать такие гарантии и закреплять их в процессуальном законодательстве, а отступление от них допускать взвешенно и осмотрительно.

Ключевые слова: право на судебную защиту; право быть выслушанным; процессуальная форма; принципы гражданского процесса.

Lukyanova Irina Nikolaevna, Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Procedural Law of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Arbitrator of the International Commercial Arbitration Court at the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation

The Right to Judicial Protection and the Right to Be Heard

The article substantiates the importance of the right to be heard as one of the guarantees that constitute the essence of the procedural form in the Russian civil proceeding. It is proposed to assess the right to be heard as an integral component of the constitutional right to judicial remedy, and the constitutional enshrinement of the right to judicial remedy as a demonstration of the state's readiness to provide guarantees of the right to be heard. Using the approach to the legal relationship between the court and a person as a judicial communication, the court's obligation to comply with the procedural rules constituting the right to be heard in a broad sense is justified, as well as the state's obligation to create such guarantees and enshrine them in procedural legislation, and to allow deviation from them in a measured and prudent manner.

Keywords: right to judicial remedy; right to be heard; procedural formalities; principles of civil procedure.

Решетникова Ирина Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В.Ф. Яковлева

✉ 620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

Многолика добросовестность в процессуальном праве

Статья рассматривает добросовестность в процессуальном праве (на примерах гражданского и арбитражного процессуального права) как принцип, правовая презумпция и элемент предмета доказывания. Обосновывается отнесение принципа и презумпции добросовестности к межотраслевым и общеправовым категориям. На основании примеров из судебной практики демонстрируется сходство в понимании и последствиях несоблюдения принципа добросовестности как в процессуальном, так и гражданском

праве. При рассмотрении добросовестности в качестве элемента предмета доказывания автор приходит к выводу об ограниченном действии одноименной правовой презумпции и о ее влиянии на стандарт доказывания.

Ключевые слова: добросовестность; принцип; презумпция; предмет доказывания; межотраслевой характер; злоупотребление правом; последствия недобросовестного поведения; стандарт доказывания.

Reshetnikova Irina Valentinovna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Procedure of the Yakovlev Ural State Law University

The Many Faces of Good Faith in Civil Procedure Law

The article examines good faith in procedural law (using the examples of civil and arbitration procedural law) as a principle, a legal presumption and an element of the subject of proof. The attribution of the principle and presumption of good faith to intersectoral and general legal categories is substantiated. Based on examples from judicial practice, similarities are demonstrated in the understanding and consequences of non-compliance with the principle of good faith in both procedural law and civil law. When considering good faith as an element of the subject of proof, the author comes to the conclusion that the effect of the legal presumption of the same name is limited and its impact on the standard of proof.

Keywords: good faith; principle; presumption; subject of proof; cross-sectoral nature; abuse of law; consequences of dishonest behavior.

Аргунов Всеволод Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
✉ 119991, г. Москва, Ленинские Горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, стр. 13-14

Непосредственность гражданского процесса – что это?

С философских и социологических позиций дискурсивной этики, теории коммуникативного права рассмотрено значение непосредственности гражданского процесса как личного восприятия всеми участниками судебной коммуникации всего объема релевантной для разбирательства дела информации. Показано значение непосредственности для реализации права на судебную защиту и права на личное участие граждан в управлении государством (ст.ст. 33, 46 Конституции РФ). Предложено различать вербальную (устную, письменную) и невербальную непосредственность. Наряду с физической непосредственностью предлагается выделить виртуальную непосредственность гражданского судопроизводства.

Ключевые слова: право как коммуникация; идеальное коммуникативное сообщество; аргументативный дискурс; типы судебной коммуникации; принципы гражданского процесса; виды гражданского судопроизводства; принцип непосредственности

Argunov Vsevolod Vladimirovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor at the Department of Civil Procedure of the Law Faculty of the Lomonosov Moscow State University

The Immediacy of the Civil Process – What Is It?

From the philosophical and sociological positions of discursive ethics and the theory of communicative law, the importance of the immediacy of the civil process as a personal perception by all participants in judicial communication of the entire volume of information relevant to the case is considered. The importance of immediacy for the realization of the right to judicial protection and the right to personal participation of citizens in government is shown (Articles 33, 46 of the Constitution of the Russian Federation). It is proposed to distinguish between verbal (oral, written) and non-verbal immediacy. Along with physical immediacy, it is proposed to highlight the virtual immediacy of civil proceedings.

Keywords: law as a communication; ideal communicative community; argumentative discourse; civil procedure; types of judicial communication; principles of civil procedure; types of civil proceedings; the principle of immediacy.

Ионова Дина Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

К вопросу о некоторых аспектах действия принципа диспозитивности при рассмотрении арбитражными судами корпоративных споров

В статье рассматриваются отдельные аспекты действия принципа диспозитивности при рассмотрении арбитражными судами корпоративных споров на примере дел по искам участников корпорации об оспаривании крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Анализируется практика арбитражных судов по исключению из числа ответчиков по делу корпорации, участник которой обращается в суд с иском и ее привлечено к участию в деле в качестве истца, с одновременным «уточнением» процессуального статуса участника как законного представителя корпорации. Сделан вывод о том, что в таком принудительном изменении процессуального положения корпорации и ее обратившегося в суд участника нет никакой необходимости, так как в законе установлены особые правила действия законной силы судебного решения по делам об оспаривании участником сделок, совершенных юридическим лицом.

Ключевые слова: принцип диспозитивности; законный интерес; корпоративные споры; право на судебную защиту; участники корпораций; недействительность сделок, совершенных юридическим лицом.

Ionova Dina Yurievna, Candidate of Legal Sciences, Docent of the Department of Civil and Administrative Proceedings of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

On the Issue of Some Aspects of the Principle of Dispositivity at Considering Corporate Disputes by Arbitration Courts

In the article are examined certain aspects of the principle of dispositivity in corporate disputes on the example of cases involving claims by members of a corporation to challenge large transactions and related-party transactions. The article analyzes the practice of arbitration courts to exclude a corporation from the number of defendants in a case, a participant of which files a lawsuit and is involved in the case as a plaintiff, while simultaneously "clarifying" the procedural status of the participant as a legal representative of the corporation. It is concluded that there is no need for such a forced change in the procedural position of the corporation and its participant who applied to the court, since the law establishes special rules for the validity of a court decision in cases of a participant challenging transactions made by a legal entity.

Keywords: the principle of dispositivity; legitimate interest, corporate disputes; the right to judicial protection; participants in corporations; invalidity of transactions made by a legal entity.

Бакунин Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина
✉ E-mail: sergeybak@mail.ru

Искусственный интеллект в механизме противодействия коррупционному поведению: гражданско-правовой аспект

В статье исследуются отдельные аспекты использования возможностей технологии искусственного интеллекта в борьбе с коррупцией и коррупционным поведением. Законодательное обеспечение в этой сфере начинает только формироваться.

Автор полагает, использование технологии искусственного интеллекта несомненно повысит эффективность выявления коррупционных правонарушений, будут способствовать решению задачи по снижению уровня коррупции, неотвратимости принятия к виновным лицам мер дисциплинарного, гражданского, административного и уголовно-правового характера.

Ключевые слова: коррупция; цифровизация; искусственный интеллект; система «Посейдон»; цифровой профиль.

Bakunin Sergey Nikolaevich, Candidate of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Artificial Intelligence in the Mechanism of Countering Corrupt Behavior: the Civil Law Aspect

The article examines certain aspects of using the capabilities of artificial intelligence technology in the fight against corruption and corrupt behavior. Legislative support in this area is just beginning to take shape.

The author believes that the use of artificial intelligence technology will undoubtedly increase the effectiveness of detecting corruption offenses, will contribute to solving the problem of reducing the level of corruption, the inevitability of taking disciplinary, civil, administrative and criminal measures against perpetrators.

Keywords: corruption; digitalization; artificial intelligence; Poseidon system; digital profile.

Овсянников Игорь Владимирович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела научного центра Академии ФСИН России.
✉ 390000, г. Рязань, ул. Сенная, д. 1

Доследственное производство: проблема защиты прав проверяемого лица

В статье выявляются причины, существенно затрудняющие защиту прав лица, в отношении которого на стадии возбуждения уголовного дела проводится проверка сообщения о преступлении. Сделан вывод, что в доследственном производстве осуществление уголовного преследования конкретных лиц путем производства действий, затрагивающих их права и свободы, не соответствует принципам уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: доследственное производство; проверка сообщения о преступлении; уголовное преследование проверяемого лица; защита; принцип обеспечения права на защиту, право на реабилитацию.

Ovsyannikov Igor Vladimirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Research Department Scientific Center of the Academy of the Federal Penal Service of Russia

Pre-investigation Proceedings: the Problem of Protecting the Rights of the Person Being Inspected

The article identifies the reasons that significantly complicate the protection of the rights of a person against whom a report of a crime is being verified at the stage of initiating a criminal case. It is concluded that in pre-investigation proceedings, the criminal prosecution of specific individuals through actions affecting their rights and freedoms does not comply with the principles of criminal proceedings.

Key words: pre-investigation proceedings; verification of a crime report; criminal prosecution of the person under investigation; protection; the principle of ensuring the right to defense; the right to rehabilitation.

Утегенов Руслан Сергеевич, старший прокурор 3 отдела управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью органов внутренних дел и юстиции прокуратуры г. Москвы
✉ E-mail: utegenovrs@mail.ru

Особенности доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности

В статье на основе анализа действующего федерального законодательства, статистических данных и правоприменительной практики освещены актуальные проблемы доказывания по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности. Обосновывается вывод о том, что проблема защиты общества и государства при отправлении правосудия по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере экономической деятельности, приобретает особое значение в условиях, когда недостаточная эффективность по их доказыванию представляет серьезную угрозу основам национальной безопасности России.

Ключевые слова: сущность и особенности доказывания; предмет доказывания; производство по уголовным делам; преступления в сфере экономической деятельности; ущерб от преступлений.

Utegenov Ruslan Sergeevich, Senior Prosecutor of the 3rd Department of the Department for Supervision of Criminal Procedure and Operational Investigative Activities of the Internal Affairs and Justice bodies of the Moscow Prosecutor's Office

Features of Evidence in Criminal Cases of Crimes Committed in the Field of Economic Activity

The article on the basis of the analysis of current federal legislation, statistical data and law enforcement practice, the article highlights the current problems of proving criminal cases of crimes committed in the field of economic activity. The conclusion is substantiated that the problem of protecting society and the state in the administration of justice in criminal cases

of crimes committed in the field of economic activity is of particular importance in conditions where insufficient effectiveness in proving them poses a serious threat to the foundations of Russia's national security.

Keywords: the essence and features of proof; the subject of proof; criminal proceedings; crimes in the field of economic activity; damage from crimes.

Росинский Борис Вульфович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Заслуженный юрист Российской Федерации

✉ 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Управленческая природа административного усмотрения

В статье показано, что при реализации административного усмотрения неизбежно проявляется определенная самостоятельность государственных органов и их должностных лиц. Это необходимо для выбора оптимального управленческого решения из нескольких возможных вариантов, допускаемых законом. Отмечается, что административное усмотрение связано с наличием определенных пробелов в регулировании поведения субъектов публичного управления, хотя отсутствие жестких требований к субъектам свойственно любым управленческим процессам. Поэтому усмотрение является закономерным атрибутом управления, осуществляемого не только в социальных, но и в механических, более сложных технических и биологических системах. Показано, что обязательное присутствие в системах управления каналов собственной обратной связи обуславливает возможность субъекта управления принимать управленческие решения в основном с учетом результатов ретроспективного анализа своих ранее принятых аналогичных решений, действовать по собственному усмотрению. Утверждается, что реализация административного усмотрения не является лишь произвольным желанием субъекта управления, что это объективная и неизбежная составная часть всего управленческого процесса, обусловленная информационной сущностью управления.

Ключевые слова: усмотрение; административное усмотрение; государственные органы; исполнительные органы; должностные лица; управление; управленческий процесс; управленческое решение; субъект управления; социальные системы; информация; информационные потери; каналы информационной связи; обратная связь; собственная обратная связь.

Rossinskiy Boris Vulfovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Administrative Law and Procedure Department at Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation

The Managerial Nature of Administrative Discretion

The article shows that when exercising administrative discretion, a certain independence of state bodies and their officials inevitably manifests itself. This is necessary to select the optimal management solution from several possible options allowed by law. It is noted that administrative discretion is associated with the presence of certain gaps in regulating the behavior of subjects of public administration, although the absence of strict requirements for subjects is characteristic of any management processes. Therefore, discretion is a natural attribute of management, exercised not only in social, but also in mechanical, more complex technical and biological systems. It is shown that the mandatory presence of own feedback channels in management systems determines the ability of the subject of management to make management decisions mainly taking into account the results of a retrospective analysis of their previously made similar decisions, and to act at their own discretion. It is argued that the implementation of administrative discretion is not just an arbitrary desire of the subject of management, that it is an objective and inevitable component of the entire management process, determined by the informational essence of management.

Keywords: discretion; administrative discretion; government agencies; executive bodies; officials; control; management process; management decision; subject of management; social systems; information; information losses; information communication channels; feedback; own feedback.

Спесивов Никита Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, директор Института прокуратуры Саратовской государственной юридической академии, доцент кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии

✉ 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Транспарентность как фактор, обеспечивающий достижение социального назначения уголовного судопроизводства

Статья посвящена анализу целей (назначения) уголовного судопроизводства и факторов, которые влияют на их достижение. Автор, рассматривая назначение уголовного-процессуальной деятельности как потенциальный желаемый результат, приходит к выводу, что оно носит ярко выраженный социальный характер, непосредственно затрагивая интересы личности, общества и государства. Не отрицая такой цели уголовного судопроизводства, как обеспечение правопорядка, установление контроля над преступностью, автор не менее важным считает охранительную, воспитательную и предупредительную (превентивную) составляющие назначения уголовного процесса. Подчеркивается, что для достижения назначения уголовного судопроизводства особой значимостью имеет осознание не только участниками процесса, но и населением страны справедливости (в смысле полезности и необходимости) данного вида государственной деятельности, которая напрямую связана с ее доступностью, открытостью, транспарентностью. Обеспечение транспарентности уголовного судопроизводства позволит приблизиться и к определению оптимального баланса интересов участников уголовного процесса, интересов государства по установлению контроля над преступностью, а также интересов общества и прав граждан на доступ к информации о деятельности соответствующих компетентных должностных лиц.

Ключевые слова: транспарентность уголовного судопроизводства; социальное назначение уголовного судопроизводства; справедливость; баланс интересов в уголовном процессе.

Spesivov Nikita Vladimirovich, Candidate of Laws, Associate Professor, Director of the Institute of the Prosecutor's Office, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Saratov State Law Academy,

Transparency as a Factor Ensuring the Achievement of the Social Purpose of Criminal Proceedings

The article is devoted to the analysis of the goals (purpose) of criminal proceedings and the factors that influence their achievement. The author, considering the appointment of criminal procedural activity as a potential desired result, comes to the conclusion that it is of a pronounced social nature, directly affecting the interests of the individual, society and the state. Without denying such a goal of criminal proceedings as ensuring law and order, establishing control over crime, the author considers the protective, educational and preventive (preventive) components of the purpose of the criminal process to be no less important. It is emphasized that in order to achieve the appointment of criminal proceedings, it is of particular importance that not only the participants in the process, but also the population of the country realize the justice (in the sense of usefulness and necessity) of this type of state activity, which is directly related to its accessibility, openness, transparency. Ensuring the transparency of criminal proceedings will also make it possible to approach the determination of the optimal balance of interests of participants in the criminal process, the interests of the state in establishing control over crime, as well as the interests of society and the rights of citizens to access information about the activities of relevant competent officials.

Keywords: transparency of criminal proceedings, social purpose of criminal proceedings, justice, balance of interests in criminal proceedings.

Кожинский Александр Владимирович, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарно-экономического университета

✉ E-mail: kozh67@yandex.ru,

Солодов Владислав Викторович, аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

✉ 125315, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 80, корп. Г, Ж

Научные и правоприменительные вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением антимонопольного законодательства

В данной статье авторы уделяют внимание проблемам прокурорского надзора за исполнением антимонопольного законодательства и вопросам его совершенствования.

В настоящее время все более актуальной становится деятельность прокурора по надзору за исполнением антимонопольного законодательства, которая рассматривается в данной статье.

Ключевые слова: прокурорский надзор; антимонопольное законодательство; совершенствование прокурорского надзора; органы прокуратуры; антимонопольные органы.

Kozhinsky Alexander Vladimirovich, Candidate of Law, Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Moscow State University,

Solodov Vladislav Viktorovich, Postgraduate Student at the Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

Scientific and Law Enforcement Issues of Prosecutorial Supervision over the Implementation of Antimonopoly Legislation

In this article, the author pays attention to the problems of prosecutorial supervision over the implementation of antimonopoly legislation and issues of its improvement.

Currently, the activities of the prosecutor on supervision of the enforcement of antimonopoly legislation, which are considered in this article, are becoming more and more relevant.

Keywords: prosecutor's supervision; antimonopoly legislation; improvement of prosecutor's supervision; prosecutor's offices; antimonopoly authorities.

Гончаренко Илья Арнольдович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права международно-правового факультета МГИМО МИД России

✉ E-mail: i.goncharenko@inno.mgimo.ru,

Мошин Валерий Андреевич, студент 2 курса магистратуры «Международное финансовое право» международно-правового факультета МГИМО МИД России

✉ E-mail: v.moshin@mail.ru

Правовое регулирование налога на добавленную стоимость в республике Беларусь

В настоящей статье проводится анализ ключевых аспектов правового регулирования налога на добавленную стоимость в Республике Беларусь. Также рассматривается история правового регулирования НДС и дается обзор современной системы налогов и сборов Беларуси.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость; Республика Беларусь; система налогов и сборов; элементы налогообложения.

Goncharenko Ilya Arnoldovich, Doctor of Law, Assistant Professor, Head of Chair for Administrative and Financial Law, International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) under Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

Moshin Valeriy Andreevich, Second Year Master's Student, International Financial Law program, International Law Faculty, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO) under Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Legal Regulation of Value-Added Tax in The Republic of Belarus

This article analyses key aspects of the value-added tax regulation in the Republic of Belarus. History of the VAT regulation and also modern system of taxes and fees in Belarus are considered.

Keywords: value-added tax; Republic of Belarus; system of taxes and fees; elements of tax.